

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 6 (149)

Academic Journal

Series:
Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6 (149)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2015

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.А. Архипова, отв. секретарь, канд. ист. н. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственный за выпуск: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ISSN 2073-6339

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.П. Логунов</i> [От редколлегии]	9
---	---

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

<i>С.В. Клягин</i> Человек как медиа в динамике политического пространства	13
<i>И.Е. Тимерманис, Л.И. Евсеева, О.Д. Шипунова</i> Коммуникативное пространство легитимации политической системы в условиях сетевого общества	26
<i>О.А. Пичугина</i> Новый урбанизм в современных политических коммуникациях	36
<i>К.К. Ельцова</i> Дискурсы об элитарных группах в современной России (Анализ публикаций в новых медиа)	44

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

<i>О.В. Павленко</i> Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы	53
<i>И.Б. Антонова</i> Коммуникация и язык в транснациональном политическом пространстве Евросоюза	68
<i>С. Карнер</i> О Катъни, Рауле Валленберге и других дискуссионных вопросах российской истории (Рецензия на сборник статей и материалов: <i>Христофоров В.С.</i> История страны в документах архивов ФСБ России. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с.	81

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

<i>Н.А. Данилин</i> Взаимодействие России и Европейского союза в сфере газоэнергетической безопасности в начале XXI в.: проблемы и перспективы	86
<i>О.Е. Митрофаненкова</i> Афганский наркобизнес в контексте политики НАТО (2001–2014)	98
<i>А.А. Полякова</i> Публичная дипломатия США в Израиле в президентство Б. Обамы	109
<i>М.М. Сиротинская</i> Национальные движения середины XIX в. в Европе в восприятии «Молодой Америки»	124
<i>Г.Ю. Прокопенков</i> Образ «южанина» в современном американском юмористическом дискурсе	137
<i>К.А. Евтюшин</i> Внешиполитические приоритеты КНР в конце XX в.	146
Abstracts	154
Сведения об авторах	160

CONTENTS

<i>A. Logunov</i> [From editorial board]	9
---	---

Sociopolitical Processes and Social Communications: Theory and Methodology

<i>S. Klyagin</i> On Human's Mediality in Political Space Dynamics	13
---	----

<i>I. Timermanis, L. Evseeva, O. Shipunova</i> Communicative Space for Political System Legitimation in Network Society	26
---	----

<i>O. Pichugina</i> New Urbanism in Modern Political Communications	36
--	----

<i>K. Eltsova</i> Discourses on Elites in Today's Russia (Analysis of New Media Publications)	44
---	----

International Relations: Political and Sociocultural aspects

<i>O. Pavlenko</i> Constructivist Approach to the International Relations Study: Possibilities and Limits	53
---	----

<i>I. Antonova</i> Communication and Language in the Transnational Political Space of the European Union	68
--	----

<i>S. Karner</i> About Katyn, Raul Wallenberg and Other Discussional Issues in Russian History	81
--	----

Regions of the World: Dynamics and Models of Cooperation

<i>N. Danilin</i>	
Interaction of Russia and the European Union in the Sphere of Gas and Energy Security at the Beginning of the 21 st Century: Problems and Prospects	86
<i>O. Mitrofanenkova</i>	
Afghan Drug Business within the Context of NATO's Policy (2001–2014)	98
<i>A. Polyakova</i>	
The US Public Diplomacy in Israel during the Presidency of Barack Obama	109
<i>M. Sirotinskaya</i>	
National Movements in the Middle of the 19 th Century as Perceived by “Young America”	124
<i>G. Prokopenkov</i>	
The Image of Southerner in the Modern American Humorous Discourse	137
<i>K. Evtyushin</i>	
Foreign Policy Priorities of the Peoples Republic of China at the Turn of the 20 th Century	146
Abstracts	154
General data about the authors	162

Новая серия Вестника РГГУ «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение» включает в себя исследовательское направление, ориентированное прежде всего на изучение и понимание современного общества. Это не означает, что серия закрыта для исследования классических тем и проблем. Скорее речь идет о том, что в настоящее время весьма актуальными оказываются задачи переосмысления и переинтерпретации многих тем, казавшихся уже проясненными в интеллектуальных проектах и в интеллектуальном пространстве. В свое время Л. Февр для обозначения историографической ситуации, сложившейся во Франции, использовал формулу «бои за историю». Сегодня уже очевидно, что подобные бои приобрели международный характер и стали еще более жесткими и политизированными. Не менее сложные процессы разворачиваются в исследовательском поле, связанном с изучением современного состояния и базовых тенденций стран, народов, культур Востока. То же можно сказать и об исследовании региональных, политических и международных процессов. Усилившийся динамизм социального развития в XXI в. не просто актуализировал разработку и исследование глобальных проблем современного развития, но сделал еще более заметной потребность в новом качестве и новом уровне гуманитарного знания. При всей важности информационно-объяснительных проектов все более настоятельной становится задача получения качественного экспертного и аналитического знания. А это связано и с поиском новых проблем, и новых подходов к их решению. Без повышения уровня гуманитарного измерения и осмысления современности все сложнее становится задача проведения гуманитарных экспертиз и в целом создания контекста гуманитарной безопасности.

Специальное внимание к проблемам современности оправданно для нашего университета, который имеет репутацию не только центра по исследованию классической филологии, истории и философии, но и ведущего центра по изучению проблем современного социокультурного и политического развития. Собственно само становление университета стало ответом на масштабные вызовы современности, когда выход из коммунистического пространства потребовал нового гуманитарного обеспечения данного движения. Подобное стало возможным и в силу того, что в университете сосредоточились специалисты, владеющие современными методологиями гуманитарного познания и интенсивно исследующие процессы и тенденции нашего времени. Одновременно это опиралось и на мощные традиции Историко-архивного института, профессора которого нередко выступали инициаторами постановки и разработки принципиально новых проблем развития гуманитарного знания. В известной степени современная российская гуманитаристика формировалась под сильнейшим воздействием, которое оказали на интеллектуальную жизнь страны известные историко-гуманитарные чтения «Социальная память человечества», организованные еще в рамках Историко-архивного института. В это время в университете сформировалось интеллектуальное поле высокой напряженности, в рамках которого взаимодействуют представители различных школ и направлений.

В РГГУ сложилась мощнейшая школа по исследованию стран постсоветского зарубежья, что потребовало как фундаментального переосмысления методологических подходов, так и формирования принципиально новых исследовательских задач. Свое лицо имеет и политологическая наука, также развивающаяся в университете. Так, например, у нас активно исследуются проблемы политической психологии и политического поведения, а также проблемы политических коммуникаций. В области международных отношений и зарубежного регионоведения научное сообщество ставит и плодотворно решает проблемы межкультурного взаимодействия, роли и места общественных институтов и организаций в формировании принципов и качества современных международных взаимоотношений. Исследование народов и культур современного Востока также отмечено акцентированным внимани-

ем к изучению проблем и ценностей процессов культурной и политической модернизации. Весьма плодотворно в университете развивается и историографическая школа, продолжающая традиции, заложенные В.Е. Иллерицким и Ю.Н. Афанасьевым.

Вызовы конца XX – начала XXI в. оказались еще более значимыми для исследования и понимания современности. В первую очередь, конечно, вполне очевиден процесс размышления временной определенности для исследования современности. Одновременно в гуманитаристике стали формироваться новые системы измерений. Усложнение этих задач оказывается чрезвычайно значимым как для политических структур, так и для исследовательских практик. С одной стороны, накопилось настолько много изменений, что власть часто не понимает их природы и содержания, предпочитая действовать в опоре на старые ценности и старые способы измерений. С другой стороны, наряду с явными и очевидными переменами и трансформацией наблюдаются процессы оживления отживших структур и архаизации целого ряда социальных приоритетов. Данное противоречие вполне очевидно создает дополнительные сложности в процессе гуманитарного измерения и осмысления современности. Естественно, эти задачи усложняют и сохраняющиеся традиции в подходах, восприятии и интерпретации данных противоречий, и вместе с тем неизбежное разрушение и обновление традиционных способов познания, и в значительной степени ограниченные возможности технологических приемов познания именно в области гуманитарного знания. Все это не может не вести к тому, даже если это не всегда признается общественным мнением, что возрастают роль и значение гуманитарного знания и гуманитарных способов познания современности. Этому, как мы и надеемся, будет способствовать наш журнал и то интеллектуальное сообщество, которое будет формироваться вокруг данной серии. Принципиально важными для нас остаются, конечно, осмысление и анализ современных реальностей, гуманитарная экспертиза и анализ действительности, актуализация задач по формированию эффективного коммуникативного и культурного пространств и, бесспорно, спасение и защита тех образцов и оснований цивилизационного развития, которые нуждаются

ся в сохранении и выработке более совершенных способов и приемов их трансляции.

Предполагается, что журнал будет выходить четыре раза в год, все представляемые материалы будут проходить предварительную рецензию, и мы рассчитываем на плодотворное и продуктивное сотрудничество с широким кругом авторов, как уже имеющих значительный авторитет в научном мире, так и только формирующих собственные исследовательские проекты.

*А.П. Логунов
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой культуры мира и демократии,
декан факультета истории, политологии и права РГГУ*

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

С.В. Клягин

ЧЕЛОВЕК КАК МЕДИА В ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье развивается идея о концепции медиа как характеристики особого рода общительности в социальной реальности.

Рассматривается антропологический аспект развертывания политического пространства, а также дискретность этого процесса, обусловленная изменчивостью феномена политического. Динамика политического, в свою очередь, связывается с возможностью передачи политических содержаний в феномене человека как специфической социально-коммуникативной области. Обосновывается тезис о подвижной основе общественных предпосылок, а также о коммуникативной и, шире, медиальной природе процесса порождения политического, который совершается в «колебаниях» человеческого качества социальных акторов.

Ключевые слова: медиа, социальная коммуникация, общительность, медиология, политическое, политическое пространство, человек.

Тема политического пространства в настоящее время привлекает внимание многих исследователей¹.

Это обусловлено не только масштабностью политических процессов и событий, но и активным влиянием политики на неформальную (сферы влияния, области безопасности и др.) и формальную пространственную (границы, статусы, международные договоры) конфигурацию современного мира. В целом в пространственном подходе к политическим явлениям создается возможность их обобщающих трактовок, формируются предпосылки для сравнения, комбинирования и координации в исследовательском плане различных крупных содержательных «блоков» в интерпретациях современной политики².

Очевидно, что в той или иной объектной области могут рассматриваться те или иные разновидности политического пространства, например: экономическое, военное, информационно-коммуникативное. Одним из определяющих видов в этом, по сути своей открытом списке является антропологический аспект политического пространства.

Важность рассмотрения антропологического аспекта политического пространства связана прежде всего с тем, что политика реализуется людьми и в ней преследуются цели, так или иначе ориентированные на людей. Границы и содержание политического пространства во многом обусловлены взглядами людей на политику, способами и общим качеством включения человека в политику (политическая социализация, политическое лидерство, политическое участие), а также социально-антропологическими характеристиками различных политических акторов.

Рассмотрение выделенного аспекта находится на пересечении нескольких областей знаний: политологии, политической антропологии, философской антропологии, политической социологии, а также знаний о политическом пространстве и его динамике. Ключевые идеи такого возможного синтеза знаний связаны с обращением к особенностям политической организации народов мира и различных социальных сообществ.

Наконец, идеи о человеке как таковом, о самом феномене человеческого также во многом определяют представления о политике, о сфере ее распространения, о структуре и границах политического пространства. В философско-антропологическом плане человек – это сложная бытийная форма, избыточная относительно индивидуальной предметности. В целом в неклассической философской традиции (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Ж. Деррида, Э. Блох) человек не фиксируется как локальное «что» социума. Напротив, человек может трактоваться как особое место в бытии – область внутренне согласованного бытийного присутствия, где создается возможность возвышения человека именно как расширения его бытийных возможностей. В этом смысле оперирование с политической предметностью человека есть «опробывание» границы понимания того, каков человек. Социальное и политическое самоопределение человека как выражение «эк-зистенции»³ человеческого является воспроизводимым демаркационным действием, важным для понимания функционирования основных сфер жизни и институтов социума.

Связь человека и политики может характеризоваться представлениями о неизменности политического, о статической опре-

деленности человека как социального индивида. Вместе с тем перспективными являются идеи и о динамическом присутствии человеческого качества в пространстве политики. Перефразируя известное высказывание Ф.М. Достоевского, можно утверждать: «Человек принадлежит политике, но не весь...». Люди не находятся изначально в сфере политического, они могут включаться или, напротив, не включаться в область вненормативного консолидируемого действия, объединяющего частное ради общего, чем по своей общественной роли и является политика. Образно говоря, политика – это постоянно возобновляемый различными средствами «сбор в поход», построение целеориентированной социальной активности, принимаемой в качестве значимой для себя теми или иными общественными группами. Из-за изменений представлений о «политическом», из-за динамики соотношения между формальной, в различной степени уже оформленной, политикой и политикой «живой», наполненной реальной общественной силой, область «человеческого сектора» политики зачастую не совпадает с политическим пространством в целом. Более того, можно предположить, что возможное несовпадение является одной из движущих сил политики, предпосылкой ее постоянного переосмысления, сохранения ее функциональной роли в обществе. Поэтому при обращении внимания на антропологический сегмент политического пространства как на область производства политического в поисковом плане имеет смысл сосредоточиться на границах, критических пунктах, «срывах» проявления человеческого как своего рода невидимых рубежах, где собирается потенциал искомого, непрерывно согласуемого общественного действия.

Развивая тезис о подвижной, общительной основе социальных артефактов и общества в целом, создаваемой как бы «дыханием» смыслового горизонта социума, можно говорить о коммуникативной и, шире, медиальной природе процесса порождения политического, который совершается в «колебаниях» человеческого качества социальных акторов⁴.

В усилении и ослаблении качества поставления человека как своего рода проводника, медиатора его сверхиндивидуальной, бытийной сути обнаруживается особый локус политического пространства. Этот локус может быть назван областью социально-антропологической медиологии, где собирание и осмысление (или, напротив, утрата и забвение) человеческого качества производит политический, т. е. по сути своей консолидирующий и общий регулятивный, потенциал общественных отношений.

Методология изучения выделенной области может быть весьма разнообразной в широком спектре методов социально-гуманитарных исследований человека, общества и политики. Поскольку для рассмотрения выделена подвижная, «текучая» область, насыщенная разнообразными, нередко уникальными событиями и фактами человеческой жизни, представляется целесообразным использование культурно-антропологического методологического подхода⁵.

Отправная точка этого подхода – понимание людьми себя, их отношения друг к другу, к общему пространству политики и своему возможному участию в ней происходит в потоке индивидуальной и общественной повседневной жизни. В этом подходе реализуется «стремление уловить и зафиксировать *непосредственно-жизненное* взаимодействие человека с действительностью, общественно-исторически детерминированное отражение форм и способов такого взаимодействия во внутреннем мире людей, в их поведении, отношениях друг к другу, повседневном быту»⁶.

Теоретические предпосылки культурно-антропологического подхода могут быть очерчены в рамках ряда влиятельных интеллектуальных направлений.

В общем плане этот подход относится к неклассической парадигме социально-гуманитарного познания, ориентированной на неустранимость субъективных и ценностных аспектов научного познания⁷.

Актуальность выделенного подхода обуславливается также совершающимся «антропологическим поворотом» в ряде социально-гуманитарных дисциплин. Как отмечает в обобщающей статье по этому вопросу Н. Поселягин, «для антропологического поворота главным является именно человек, любой индивид (как действующее лицо социума), но познаваемый не непосредственно, как в физической антропологии, и даже не только через его социальную активность (включая индивидуальный повседневный быт), а прежде всего через знаковые медиаторы – тексты»⁸.

При этом текст понимается в широком социально-культурном формате с учетом процесса порождения, структурирования и переосмысления дискурсивных практик жизни. Стоит отметить, что определенное внимание в этой связи в отображении мира человека отводится литературе и искусству как поисковым областям, необходимым для воспроизводства общественного дискурса⁹.

Важной для понимания оснований культурно-антропологического подхода является известная концепция «жизненного мира» в науках о человеке и обществе. В ней находят выражение взаимная нерасторжимость и взаимная несводимость науки и жизни,

разума и экзистенции. Как отмечает Ю. Хабермас, «способность к экзистенциальному решению или радикальному выбору самого себя действует всегда в горизонте истории жизни, по имеющимся следам которой индивид может понять, кто он есть и кем хотел бы быть»¹⁰.

Методологические идеи, близкие к выделенной в статье антропологической области формирования политического в политическом пространстве, связаны также с пониманием динамики особого рода неформальных сообществ, которые в современной социологии рассматриваются не как институциональные образования, но как условия прочтения различных текстов современной культуры. Это специфические общности – «недоколлективы», «бытие-вместе» (Ж. Нанси), идентичность которых «еще не успела состояться». Они отличаются «призрачной» социальностью и «находятся у кромки языка и равным образом истории». В этих сообществах проявляется «утопический импульс», что можно понимать как неявно выраженное несогласие с наличным положением вещей и такое же стремление найти ему альтернативу¹¹. Такого рода проявляющиеся сообщества, которые собираются сверхинтерсубъективной нелинейной коммуникацией – «коммуникацией опыта» (Ж. Батай, М. Бланшо, Ж. Нанси)¹², питаются энергией динамики опробывания человеком себя на ускользающих границах социального.

Показанная возможность понимания источников общественной консолидации связана с переосмыслением генезиса политического действия, которое самоопределением человека по отношению к многообразию повседневной жизни непрерывно обновляется в противопоставлении «застывшим» формам и диспозициям политической жизни. Примечательно, что политическое действие, «заряженное энергией участников, в этом смысле остается решительно аполитичным, однако только так, пожалуй, и можно сохранить обещание, заложенное в демократии как таковой»¹³. Значимость жизненного мира человека в динамике политики подчеркивает в своем труде «На краю политического» Ж. Рансер: «...политическое задает себе в качестве объекта инстанция обыденной жизни», при этом «узел политического вопроса оказывается сведенным к точке пересечения между практиками управления и формами жизни, полагаемыми в качестве их основания»¹⁴.

Подытоживая краткую характеристику методологических идей, которые могут быть использованы в рассмотрении выделенной в статье предметной области, можно отметить следующие характерные для культурно-антропологического подхода черты: во-первых, констатация общей значимости внимания к горизон-

ту жизни человека, взятая во всем ее повседневном разнообразии; во-вторых, признание важности выяснения представлений человека о самом себе в ситуациях взаимодействия с другими людьми и с обществом в целом; в-третьих, выделение тех или иных обобщающих конструктов (знаковые и дискурсивные регулятивы, культурные ценности, психологические стереотипы и др.), направляющих поведение человека.

Очевидно, что в реализации культурно-антропологического подхода могут проявляться разные акценты. Особое внимание именно к феномену человека и человеческого в рамках этого подхода уделял Г.С. Кнабе, рассматривая жизненную среду человека в целом¹⁵. Она воспринимается людьми обобщенно на уровне «непосредственно-жизненного отношения к действительности»¹⁶, в переживании их простых поведенческих действий и реакций. Социальные взаимодействия проявляются неупорядоченно, социальные диспозиции и структуры четко не определяются, преобладают неинституциональные, «текучие» формы распространения и представления знаний и социальной информации¹⁷. Для проявления человеком себя важным становится бытовой обиход как переплетение культурной традиции повседневности, переходы и заимствования между ними¹⁸. Значимыми оказываются формы самовыражения человека, проявления себя на тонкой грани «прикровенного и откровенного»¹⁹, возможного открывания себя социуму, «опробывания» себя и общности с другими людьми на оселке предлагаемых со стороны общества идей, норм и ценностей.

Понимание того, что от осознанности усилия к человеческому зависит подлинность движения человека к политическому как особому общественному состоянию, вместе с тем не облегчает решение мыслительной задачи по наполнению создающего политический потенциал медиального аспекта феномена человека эмпирическим содержанием. Предположительно, оно может быть представлено типовыми ситуациями проявления человеческих качеств при встрече с миром политики, соответствующим ему пространством перцепций и переживаний политического. Есть особенности также в характере проявления и представления этого материала. Действенность самоопределения людей относительно проблем общественной жизни, политический потенциал поискового, опробывающего взаимодействия человека и общества проявляются еще до возможности фиксации в четких социально-культурных и знаково-дискурсивных формах²⁰.

Такая возможность может быть проиллюстрирована пронизательным наблюдением писательницы Н. Берберовой о том, как в

кризисной ситуации происходит встреча человека с политикой: «Социальные проблемы, которые волновали меня, волнуют и сейчас, в тот год российской революции были по природе своей дихотомичны (двусмысленны, двуостры) и мучили меня чрезвычайно... я вижу в них то же самое *наше общее слепое кипение* (выделено мною. – С. К.), где любовь, вернее – жалость к дальнему, отвращение и страх к ближнему, тяжелое чувство общей вины, непоправимости всего сливались в тоске всеобщего бессилия»²¹.

Обращение к биографическому свидетельству для эмпирической интерпретации общественно-политического измерения «медиа человека» здесь отнюдь не случайно. Типовые ситуации обнаружения этого специфического медиологического феномена на «доконцептуальной», знаково-символической стадии его познания в уже апробированных в науке контекстах использования культурно-антропологического подхода корректно могут быть представлены биографическими материалами, мемуарами и свидетельствами людей.

В ограниченных рамках статьи заведомо невозможно добиться полноты такой характеристики. Выход видится в том, чтобы использовать те обобщения рассматриваемой предметной области, которые уже опознаны и зафиксированы в культуре. В частности, можно для иллюстрации предлагаемых идей и тезисов обратиться к крупным, широко известным и потому значимым текстам художественной литературы разных лет.

Для отграничения типовых ситуаций влияния «медиа человека» на динамику политического пространства (включая понимание политического как такового) необходимо выделить некоторые аналитические «метки». Важно понять, хотя бы в самом общем плане, механизм «запуска» собирания политического потенциала в медийном по своей природе итерационном процессе взаимодействия человека со структурами социального порядка и самопознания человека на фоне этого взаимодействия. Усилие исследовательского внимания должно быть направлено на обретение своего лица (и возможности его потери...) изначально безымянными социальными акторами. Ведь именно обретение лица приводит к различению себя от других и возникновению общественного отношения²².

Социально-диалогическое движение к личному и к политическому как консолидированной инаковости личностного может быть зафиксировано в примерной последовательности вопросов, которые человек «по жизни» задает себе, а именно: кто я? для чего я? почему так? как жить? Каждый из вопросов является интегратором смыслов вокруг соответствующих векторов развертывания

социально-антропологических и политических содержаний. Такими векторами являются «Человек», «Ценности», «Общество», «Действие». Эти же векторы маркируют объектные основания для определения возможных типовых ситуаций, где «медиа человека» проявляет, «оживляет» политическое, способствует динамике политического пространства. В этих ситуациях человеком выполняется обращение к универсалиям социума, воспринимаемым во всем их многообразии, задается некий поведенческий и дискурсивный вопрос-ответный поток изменений социальных и человеческих параметров той иной области жизни человека в обществе. Такой поток можно характеризовать как делящееся сообщительное отношение к общему в сопутствующем человеку социуме, т. е. человек не только взаимодействует, коммуницирует с социумом, он также осуществляет самокорректирующую «передачу» себя в социум, раскрывая таким образом свой медиальный и, шире, медиологический потенциалы. В единстве коммуникации и поддерживающей ее коммуникативной среды, как отмечает Р. Дебрэ, «узлы коммуникативной филиации способствуют возникновению места воображаемой идентификации»²³. Иначе говоря, на основе социальной коммуникации происходит становление предпосылок социального упорядочивания, приобретение чем-либо в социуме «гражданства» как бы по праву рождения от коммуникации. Подобная возможность важна и для самоопределения по отношению к общественному действию и к политике как области непрерывного собирания такого действия.

С учетом сказанного выделим и в ознакомительном плане рассмотрим несколько типовых областей, где в медиальной динамике мира человеческого (сообщительное взаимодействие внутреннего и внешнего) происходит движение к политическому и где на возможном «срыве» человеческого происходит порождение политического как необходимость преодоления различных деформаций политических действий

«Кто я?», возможность политического как выбор человеческого. Вопросом самопознания человека, собственно, и начинается политическое как общественная совместность. Но на этом обращении к реальности политика может и завершиться. Стирание такого вопроса в индивидуальном и общественном сознании приводит к видимой тотальности официально декларированного политического. Отказ от поиска человеческого, от попытки обретения личного в общественном приводит к «провалу» в «политическое» небытие. Весьма утрашающие примеры такой ситуации описаны в известных антиутопиях Е. Замятина, Дж. Оруэлл, Дж. О. Хаксли.

Феномен «сваливания» в официоз «политики» фиксирует литературное свидетельство О.А. Седаковой, которая рассматривает возможность общественной жизни в СССР в 60-е годы прошлого века именно в отдельных локусах пространства «внесоветского». За его пределами разыгрывается драма антропологической безымянности, простирается «территория “выжженной земли” (а это, мне кажется, и есть главная характеристика советского человека: он живет до всего, до Адама, он *tabula rasa*, по которой любые свои строки пишет пропаганда, не встречая никакого сопротивления – “А мы не знали!” “А нам так говорили!”)»²⁴.

«Для чего я?» – возможность политического как выбор возможности действия в определенных социальных обстоятельствах. Обретение лица приводит к различению себя от других и возникновению общественного отношения. В этой ситуации «медиа человека» раскрывается в самой возможности действия как основы участия в политическом. Это действие может быть предпосылкой для участия в общественном. Но и сознательный отказ от ложной или мнимой социальности порождает мощный, хотя нередко и скрытый на поверхности повседневной жизни, импульс к живой общественной консолидации, без которой политическое теряет смысл. Социально-антропологический выбор, способствующий осознанию и выражению человеком своего отношения к миру политики, становится важным «оселком», на котором проверяется истинность, а не просто провозглашается политическое. Медиальная область, где потоком информационно-смысловых сообщений создается социальная реальность, проявляется в демонстрации политического действия. Однако в еще большей степени она проявляется в сомнении относительно приемлемости этого действия и даже в явном или молчаливом протесте против отчужденных от человека, подавляющих его политических установок и практик.

Примеры выстраданных поступков-сообщений человека о своем парадоксальном, «перевернутом» включении в политическую жизнь представлены в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Речь идет о нескольких показательных литературных образах, которые могут быть перечислены по степени драматизма проявления в них экзистенциально-нравственного содержания выбора к реальному политическому. Затаенный социальный протест выражен живущим в провинции дядей Иннокентия Володина следующим образом: «Это – не тяжело. Здесь все работы по мне – по совести. Помои выливать – по совести. Пол скребу – по совести. Золу выгребать, печку топить – ничего дурного нет. Вот на службах – на службах так не поживешь. Там надо гнуться, подличать.

Я отовсюду отступал»²⁵. Тот же пассивный уход из-под официальной политики, но уже в условиях тюремного заключения, демонстрирует дворник Спиридон Егоров: «Какие бы ни были власти – с властями жил Спиридон всегда в раскосе»²⁶; «Всем давать – мужу не останется»²⁷. Наиболее же заметное, рискованное по своим последствиям протестное действие являет своим поступком – отказом от сотрудничества с начальством «шарашки» – Глеб Нержин. Уезжая из подмосковного учреждения в неизвестность пересылок и отдаленных смертных лагерей, он так характеризует свой выбор: «Говорит пословица: не море топит, а лужа. Хочу попробовать пустился в море»²⁸.

«Почему я такой?» – возможность политического как выбор в области ценностных оснований политического действия. В феномене ценности проявляется процесс медиации между существованием и сущностью человека: «Я становлюсь тем, кто я есть на самом деле». Между отвлеченностью наличного существования и полнотой своего должного бытийного достоинства человек выполняет работу сообщительности, объединяя в своих действиях устремления, желания и волю. Ценность становится основой для самой способности ценностного суждения. В социально-антропологическом пространстве «медиа человека» указанная процессуальность становится явной. Когда человек четко выражает свою жизненную позицию, он признает определенную ценность и получает возможность реализовать ее в политическом действии.

Начало политического как социального должного обнаруживается именно в области сообщительно-процессуального выбора как принятие высших ценностей или как нравственное (само)разоблачение ценностно-порочных, негативных «политических» практик.

В первом случае политическое становится общественным служением. Выраженный акцент на духовно-нравственных факторах социального действия делал в своих трудах И.А. Ильин. Он, в частности, писал: «Истинною и живою опорой государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное делание как служение Родине, которые в этом служении видели долг чести и бремя ответственности, которые стремились именно служить земле, а не властвовать над нею»²⁹.

Ложные ценности приводят в политической жизни к политиканству, цинизму и экстремизму. Вот как, например, заявляет о своем нравственном кредо персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Петр Верховенский: «...в сущности, наше учение есть отрицание чести и... откровенным правом на бесчестье всего легче рус-

ского человека за собой увлечь»³⁰, а также: «...мы пустим пьянство, сплетни, разврат; мы всякого гения притушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»³¹.

«Как жить?» – возможность политического как выбор в области социального действия. В области практически собираемого общего действия политическое поддерживается, «оживляется» вольным или невольным выбором человека между реальным участием в социальных делах и имитацией общественной активности. Сообщительность этого движения проявляется в различении ситуации такого выбора, а также в том, что этот выбор все время повторяется, делается заново. Феномен активистской имитации политического весьма разнообразен в современном обществе, где широко используются дискурсивные технологии, которые могут способствовать отчуждению деятеля от процесса деятельности, формированию ее иллюзорных образов и моделей. Могут быть названы типовые ситуации сообщения человека с практической деятельностью, в которых уточняется подлинность политического. Примеры этих ситуаций широко представлены в произведениях Ф.М. Достоевского. Показательна в этой связи характеристика Шатова, одного из персонажей романа «Бесы»: «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разум точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем»³².

В этом же ряду находится и описание Лебезятникова из романа «Преступление и наказание», которого называют одним из «передовых молодых прогрессистов». Он играет значительную роль в иных любопытных и баснословных кружках и прикомандировался к прогрессу «по страсти»³³.

Лебезятников, как впоследствии оказывается, будучи человеком, не лишенным нравственных принципов, тем не менее следующим образом видит свое участие в общественных делах: «Я могу косвенно способствовать развитию и пропаганде. Всякий человек обязан развивать и пропагандировать и, может быть, чем резче, тем лучше. Я могу закинуть идею, зерно...»³⁴.

Подытоживая предпринятый в статье опыт построения социально-антропологической медиологии в динамике политического пространства, можно предложить ряд обобщающих замечаний. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что сложность и многообразие мира человека обуславливают подвижность, «мозаичность» антропологического аспекта политического пространства. Важно

находить связующие нити, векторы осмысленной направленности в этой пространственной динамике. Перспектива изучения «горячего цеха» – области, где во взаимодействиях человека и общества «вываривается» политическое, наполняющее (или, напротив, проблематизирующее) политическое пространство социума, состоит в рассмотрении потенциала общительности, социально-медиаальной направленности человека к политике как общественному действию. На этой основе возникают предпосылки для использования в политологии социально-гуманитарной методологии, в частности культурно-антропологического подхода. Он позволяет раскрыть повседневность политического, своего рода мир «микropolitических» феноменов, с помощью которых можно по-новому видеть и трактовать явления и процессы привычной «большой» политики. Наконец, в идее «медиа человека» как связующей социальную ткань области порождения политического обнаруживаются новые междисциплинарные и проблемно-ориентированные взаимосвязи политических и социально-коммуникативных наук.

Примечания

- ¹ См., например: *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 44–81, а также многочисленные труды по геополитике (например, обзор: *Поздняков Э.А.* Философия политики. М., 2011. С. 347–372); работы и исследования в области мир-системного анализа (И. Валлерстайн и его последователи); научные труды, в которых реализуются комплексные сферообразующие идеи (ноосфера, техносфера, семиосфера, медиасфера, экологический подход и пр.) применительно к общественным явлениям и процессам.
- ² См.: *Мельвиль А.* Пространство и время в мировой политике // *Космополис*. 2007. № 2 (18). С. 117–122.
- ³ См.: *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1992. С. 212.
- ⁴ См.: Возможность рассмотрения макросоциальных медиаальных приложений см.: *Клягин С.В.* Разнообразие как медиа социального // *Вестник РГГУ*. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2013. № 1 (102). С. 11–21.
- ⁵ См.: Генезис и особенности развития этого подхода в отечественном социально-гуманитарном познании подробно охарактеризованы Г.С. Кнабе. См.: *Кнабе Г.С.* Древо познания и древо жизни. М., 2006. С. 7–15.
- ⁶ Там же. С. 33.
- ⁷ См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 619–640.
- ⁸ См.: *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках (Независимое литературное обозрение. 2012. № 113) [Электронный ре-

- сурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po5-pr.html> (дата обращения: 15.12.2014).
- ⁹ См.: *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 117–136.
- ¹⁰ См.: *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 16.
- ¹¹ См.: *Покровская Е.А.* Безымянные сообщества. М., 2012. С. 8, 10.
- ¹² Там же. С. 27.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ См.: *Рансьер Ж.* На краю политического. М., 2006. С. 11.
- ¹⁵ См.: *Кнабе Г.С.* Указ. соч. С. 36.
- ¹⁶ Там же. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 38–39.
- ¹⁸ Там же. С. 40–42.
- ¹⁹ Там же. С. 35.
- ²⁰ Обоснованность такого подхода показана в семиологическом обзоре становления знака в предисловии С. Зенкина к книге Р. Барта. См.: *Барт Р.* Система моды: Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 11–14.
- ²¹ См.: *Берберова Н.* Курсив мой. М., 2001. С. 53.
- ²² В одном из своих последних интервью недавно ушедший из жизни социолог Борис Дубин цитировал Ива Бонфуа: «Цивилизация еще в полном смысле слова не нашла себя, если ей не удалось придать форму лицу человека, поймать и оживить человеческий взгляд. Это тот последний образ, которым обоснованы все остальные». См.: *Дубин Б.* Панорама с воронами и псами [Электронный ресурс] // Стенгазета. URL: <http://stengazeta.net/?p=1000589> (дата обращения: 09.09.2014).
- ²³ См.: *Дебрэ Р.* Введение в медиалогию. М., 2009. С. 19.
- ²⁴ См.: *Седакова О.А.* Шум и молчание шестидесятых [Электронный ресурс] // Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/11167> (дата обращения: 09.09.2014).
- ²⁵ См.: *Солженицын А.И.* В круге первом. М., 2006. С. 461–462.
- ²⁶ Там же. С. 518.
- ²⁷ Там же. С. 559.
- ²⁸ Там же. С. 748.
- ²⁹ Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 9. М.: Военный университет, 1995. С. 341.
- ³⁰ См.: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 405.
- ³¹ Там же. С. 437.
- ³² Там же. С. 32–33.
- ³³ Там же. С. 377–378.
- ³⁴ Там же. С. 382.

И.Е. Тимерманис, Л.И. Евсеева, О.Д. Шипунова

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются информационно-коммуникативные ресурсы поддержания стабильности политической системы в контексте делиберативной демократии. Подчеркивается усиление значимости коммуникационной сети в легитимации политической системы, которое вызвано активизацией неформальных плебисцитарных механизмов, возникающих на базе новых сетевых отношений. Информационное давление медийных структур, неоднозначность политического дискурса в трансляции эмоциональных установок, оценок и смыслов придают процессу легитимации политической системы неконтролируемый стихийный характер, обусловленный глубокой динамикой ментальности. Выделена актуальность рефлексии оснований социального порядка в историческом и интерактивном плане с позиций социокогнитивного подхода.

Ключевые слова: политическая система, информационно-коммуникационная сеть, публичная сфера, социальный контроль, делиберативная демократия.

Легитимация политической системы предполагает ее признание и принятие широкими массами в различных социальных слоях. Политическая активность, эмоциональный отклик, мысли и убеждения каждого встроены семантически в коммуникативное пространство общества, которое образует невидимую сеть, проявляя себя явно в языковых и технических процессах передачи информации, но еще более неявно – на уровне трансляции смыслов и эмоциональных установок. Направить в нужное русло процесс признания власти с ее установками и неизбежными ограничениями – главная практическая задача политического управления.

В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий влияние способов коммуникации на

политическую составляющую социальных взаимодействий, установок и сознание человека приобретает особую актуальность¹. Во второй половине XX в. телевидение уже выступает эффективным каналом трансляции массового социально-политического влияния². В XXI в. сетевые информационно-коммуникационные отношения пронизывают политическую систему настолько, что начинают рассматриваться в качестве основного инструмента идентификации граждан, организации и координации политического участия элитарных и неэлитарных слоев общества³.

Распространение сетевой логики с помощью электронных технологий поддержания социальных связей выступает средством и продуктом современной глобализации общества, определяя динамику отношений в производстве, повседневной жизни, культуре и власти⁴. В этой связи комплексный анализ информационно-коммуникативных взаимодействий в контексте обеспечения легитимности и стабильности политической системы становится приоритетной задачей теории и практики социального управления.

В современной литературе панорама коммуникационной революции анализируется по трем направлениям: оперирование информацией – виртуальная реальность – социальное взаимодействие⁵. Коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, отмечает Р. Дейберт. Любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, связанные с пересмотром социальных ценностей, неизбежно влекущим за собой изменения в индивидуальном и политическом сознании граждан⁶.

В теории К. Дойча политическая система предстает как сложная сеть информационных потоков и коммуникативных связей, построенная по принципу обратной связи. Эффективность функционирования политической системы зависит от состояния ее коммуникационных сетей, количества и качества поступающей информации, особенностей процесса переработки, передачи и хранения цепи сообщений⁷.

Подчеркивая повышение интерактивности средств массовой информации вследствие внедрения новых сетевых технологий, Э. Тоффлер полагал, что к исходу XXI века информация и знания станут важнейшими ресурсами власти⁸. Современные информационно-коммуникационные технологии, согласно М. Кастельсу, – один из наиболее значимых факторов трансформации политической системы, которая сопровождается формированием электронных медийных структур власти. Характеризуя признаки складывающегося миропорядка, М. Кастельс отмечает противоре-

чие между глобальной деятельностью транснациональных корпораций и локальностью налогообложения, что лишает национальное государство пространства для маневра и реальных рычагов управления. Одновременно падает значение в жизни людей институтов и организаций гражданского общества, которые все больше утрачивают свою «легитимную идентичность»⁹.

Деятельность современных средств массовой информации как наиболее важных агентов информационного пространства, утверждает П. Норрис, порождает три базовых эффекта, обеспечивающих прямую связь между ней и уровнем гражданской сознательности населения. «Эффект выбора» указывает на потенциальную возможность свободного выбора источника информации. «Медиаэффект» указывает на заинтересованность людей в политическом и гражданском участии, которое обусловлено новостной политикой средств массовой информации. «Эффект взаимодействия» выражен в интерактивности системы массовой информации, в возникновении устойчивой зависимости между получением информации и обретением политической гражданской позиции¹⁰.

Д. Волтон обращает внимание на то, что Интернет как коммуникативное средство провоцирует всплеск индивидуализма и резкое усиление неравенства. При этом быстрая передача огромного массива информации отнюдь не равнозначна улучшению качества коммуникации. Интернет в определенном смысле «проигрывает» радио и телевидению, которые в гораздо большей степени способствуют установлению и укреплению социальных отношений, обеспечивая простой и равный доступ к информации, создавая широкие возможности для воздействия на общественное мнение¹¹.

Выделяя ключевое значение интерактивной динамики публичной сферы, Ю. Хабермас подчеркивает гласность, открытость, ответственность общественного мнения. Дискурс, согласно Хабермасу, наиболее эффективная форма выражения коммуникативного действия в сетевом обществе¹². Общество только кажется статичной суммой социальных институтов, отмечает коллектив авторов, пишущих под псевдонимом Tiggan. В действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами¹³.

Ориентация на демократические принципы как норму современной политики стимулирует интерес к смысловому контексту социальных взаимодействий, в основании которых лежат ценностные механизмы. Приоритет смыслового принципа социального регулирования сознательно-бессознательной динамики внутреннего мира

личности конкретизирован в социокогнитивном подходе¹⁴ представлением о *контекстной модели*, выступающей, с одной стороны, в виде дискурса, с другой – в виде субъективной ментальной модели.

В то же время повсеместное распространение «социальной виртуальности», когда представление о реальности становится гораздо важнее самой объективной реальности, Ж. Дюфрен относит к негативным последствиям развития Интернета, в числе которых подчеркивает сокращение реального общения людей, а также разрыв между индивидуальными возможностями и необходимостью осваивать огромные объемы информации. Характеризуя ментальность современного человека, Ж. Дюфрен отмечает его интеллектуальную пассивность и поверхностное восприятие¹⁵.

В коммуникативном пространстве современного социума информационные обмены образуют базовые предпосылки формирования устойчивой политической системы, которую характеризуют три основных типа коммуникации: личные, неформальные коммуникации; коммуникации через организации; коммуникации через средства массовой информации.

Общая цель политической коммуникации – взаимодействие субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление и удержание. Эта цель реализуется путем целенаправленной передачи и избирательного приема информации.

Современная глобальная инфраструктура электронных средств сбора, хранения, обработки и передачи информации впечатляет масштабом влияния на систему социально-политических отношений. Первая (латентная) волна информации (с конца XIX в. по 50-е годы XX в.) лишь косвенно затронула политическую жизнь общества. Вторая волна фактически создала новую социальную реальность, которая требует совершенно новых типов организации, поведения, мотивации и этики¹⁶. Огромные массы людей нуждаются в рецептах поведения, которые позволяют быстро адаптироваться к новым формам общественной жизни. Получение информации воспринимается массовым сознанием как единственное надежное средство успеха, как механизм общественного регулирования.

Информационно-коммуникационная сеть политической системы, по К. Дойчу, включает службы приема информации, оценки и отбора информации, принятия решений, реализации решений и обратной связи. Вначале с помощью информационных служб, центров формирования общественного мнения собирается внешняя и внутренняя информация, которая не привязана жестко к последующей формулировке целей государственной политики. В этом

блоке происходят селекция, систематизация, первичный анализ и кодирование поступающих данных. Отобранная информация, прошедшая оценку и переработку, поступает в блок «памяти и ценностей», в котором она подвергается дополнительному преобразованию в соответствии с доминирующими ценностями, нормами, стереотипами, предпочтениями правящих кругов.

Правительство как субъект государственного управления мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникационных взаимодействий системы и среды, а также отдельных блоков внутри самой системы. Правительственные решения принимаются после получения итоговой оценки степени соответствия текущей политической ситуации основным задачам и целям государственной политики. Обратная связь играет в информационно-коммуникационной сети стабилизирующую роль. «Эффекторы» не только выполняют принятые решения, но и информируют о результатах реализации решений и о состоянии самой системы. Таким образом, новая информация через механизм «обратной связи» вновь попадает на «вход» и выводит всю систему на новый виток функционирования.

В коммуникационной сети политической системы транслируются три основных типа сообщений: а) технологические сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между элементами политической системы; б) информативные сведения, несущие основную смысловую нагрузку передаваемых сообщений; в) побудительные призывы, вызывающие желание или понимание необходимости каких-либо действий в соответствии с содержанием полученной информации. Вероятность успеха в процессе управления обществом обратно пропорциональна информационной нагрузке и запаздыванию реакции системы; зависит от величины приращения реакции на изменения, от способности структур власти видеть перспективу и предпринимать необходимые действия в случае появления угроз политической стабильности¹⁷.

Информационно-коммуникационная модель К. Дойча позволяет оценивать эффективность политических систем. Но в рамках данного подхода проблема эффективности взаимодействия коммуникатора и реципиента переносится исключительно на изучение различных каналов, средств и способов передачи информации, оставляя процессы восприятия и ответного поведения индивидов фактически вне поля зрения.

Однако информационная сеть предполагает не только обезличивание субъектов, но и способность граждан выбирать нужную им информацию. Энергию масс, активную, политически функциони-

рующую публичную сферу нельзя игнорировать ни в информационно-коммуникативном пространстве виртуальной реальности, ни в реальном историческом пространстве и времени.

Проблема легитимации политической системы на основе народного признания и доверия власти определена тем, что политический дискурс в интеракциях не является однозначным механизмом социального воздействия. Влияние на личностную гражданскую и политическую позицию связано с тесным переплетением сознательно воспринимаемой информации, неосознанных побуждений, стихийно действующих факторов (в виде индивидуального жизненного опыта, условий существования, культурного и социального окружения). Аудитория не может рассматриваться как пассивный объект политического воздействия. Она относится избирательно ко всем видам внешнего воздействия, принимая и усваивая одно и отвергая другое. Объективно хороший информационный материал может оказаться на деле гораздо менее эффективным, чем могли ожидать коммуникаторы, владельцы системы массовой информации. Аудитория может просто не воспринимать информацию или воспринимать ее искаженно. В результате вместо убеждения информационный материал будет служить лишним усилителем имеющихся взглядов, отношений, установок, побуждающих к действиям.

Для сетевых коммуникаций характерны: децентрализация, гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций; легкость и быстрота создания и распада структур; открытость, общедоступность ресурсов сети; равноправие участников сети. В мире сетевых структур наряду с государством, глобальными «сетями» и индивидами существуют сообщества, которых объединяет «идентичность сопротивления». Для таких сообществ характерны протестные настроения и минимальная включенность в традиционные гражданские структуры. В перспективе некоторые из них смогут, преодолев идентичность сопротивления, перейти к «идентичности, устремленной в будущее». Это позволит им создать новое гражданское общество и новое государство. Подобным потенциалом обладают женские и экологические ассоциации, а также религиозные, национальные и территориальные объединения, тем более что территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведут к возвращению на историческую сцену «городов-государств»¹⁸.

Проблемный характер процесса легитимации политической системы определен противоположными векторами мотивации: свободы и необходимости. Тотальный контроль публичной сферы посредством влияния на сознание личности в сочетании с при-

знанием свободы воли в выборе гражданской позиции составляют контекстное основание легитимации политической системы через народное признание, принятие и доверие власти.

В коммуникативном пространстве легитимации власти политический дискурс, несущий интересубъективное содержание, выполняет свои социальные функции, мотивируя и продуцируя ментальные процессы. Действенность общезначимого смысла обнаруживается именно в процессах постоянного «субъективирования», преломления, персонификации его значения в живой мысли. Политический дискурс вводит шкалу оценок, но предполагает подспудное отнесение к нормам и определенную свободу в оценке событий и самооценке. Именно установка на отнесение к ценности в подсознании индивидуума лежит в основании внутреннего и косвенного социального контроля публичной сферы в стихийном процессе самоорганизации общности вокруг некоторой политической платформы. Инварианты жизненного мира личности в этом случае естественным образом (интуитивно) соотносятся с дискурсом как неизменным коммуникативным условием понимания в интеракциях, формируя мотивационный комплекс. Человек, достигая понимания ситуации, совершая оценку, принимает или не принимает ту или иную политическую позицию.

Интересубъективные практики в социально-политическом пространстве опираются на общезначимость передаваемого содержания. Однако в современном мире сетевые структуры информационного общества делают весьма неопределенным правдоподобие передаваемого содержания, а также его восприятие, понимание и эмоциональное принятие субъектом или сообществом. Акт «принятия», отмечает Д.И. Дубровский, осуществляется двумя ментальными механизмами («санкционирующими регистрами») ¹⁹. Первый определяет саму возможность понимания, фиксируя потенциальные смысловые границы, без чего в принципе не может осуществиться акт «принятия» ценности содержания. В сетевом обществе адекватность понимания осложняется распространением технологии обмана и самообмана. По мере развития и распространения электронных средств массовой коммуникации киберпространство продуцирует псевдоустановки, подменяющие объективные критерии реальности, свойственные традиционному здоровому смыслу. Внедряемые в массовое сознание клише, трафареты моды, символы веры, несмотря на свою абсурдность, тоже обладают свойством общезначимости для большого числа людей.

Однако и понимание как базовая рациональная операция со сложной когнитивно-коммуникативной структурой не гарантирует акта «принятия», следствием которого выступает глубокое убежде-

ние в правильности выбранной позиции и доверие власти. Второй механизм, санкционирующий эмоциональное «принятие» (или «непринятие»), опирается на подсознательные ценностные установки, представленные набором расплывчатых критериев, в соответствии с которыми субъект различает реальное–нереальное, правдивое–ложное, фиксирует справедливое, полезное, красивое и т. д.

Категория *ценности*, с одной стороны, указывает на четкую границу субъективности и интересубъективности в социальной практике, с другой – на устранение этой границы в процессе личностного самоопределения. За потребностью самоидентификации стоит соединение психосоциальных (архетипических) и социокультурных (ценностных) факторов в некоторой норме коммуникации, освященной, как правило, традицией и укорененной в дискурсивной практике общения и социальном поведении. Поскольку ценности имеют исторически обусловленный контекст, в интеракциях требуется постоянное уточнение дискурса ценностей.

Установка на делиберативную политику в публичной сфере указывает на скрытый социальный контроль действий и мыслей индивида, который осуществляется через следование признанным нормам. Норма имеет обязательный характер императива, подчеркивает Хабермас, однако притязание нормы на общезначимость проблематично. Императивная этика упускает даже в моральной аргументации более глубокое экзистенциально-ценностное измерение оправдания власти²⁰.

В современном обществе нельзя не учитывать неформальные плебисцитарные механизмы, возникающие на базе новых сетевых отношений, стимулированные трансформацией ценностей вследствие противоположных процессов глобализации и глокализации. В связи с этим проблематизируется представление о социальном порядке. Рефлексия неявных механизмов социальной самоорганизации – в частности социального кодирования, персонификации значений и ценностей, взаимосвязи ментальных и культурных структур в социальной динамике – оказывается на первом плане актуального анализа условий легитимации политической системы.

Целенаправленные контакты между людьми, обладающими разнообразными знаниями, сведениями, сообщениями, соединяют разные уровни политической системы и дают возможность институтам власти выполнять свои специфические функции по управлению обществом. В этом плане информация выступает и как предпосылка действий любого политического субъекта, и как его важнейший ресурс, позволяющий эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей.

Сегодня отчетливо ощущается резкое усиление значимости коммуникационной сети в политической сфере. Неявное политическое влияние на сознание личности и формирование его гражданской и политической позиции осуществляется в сетевом формате на основе декларации свободы выбора. Презумпция свободы выбора как главная ценность демократии создает особые и весьма противоречивые требования к организации коммуникативного пространства легитимации политической системы.

В современной установке на делиберативную демократию необходимо органичное сочетание индивидуальной свободы и, одновременно, политической установки на тотальный контроль публичной сферы. Сочетание противоположных векторов мотивации делает тотальный контроль публичной сферы недостижимым идеалом. Персонификация смыслов и ценностей в процессе личностного самоопределения в политической ситуации остается непрозрачным «черным ящиком» даже в условиях полной информационной открытости сетевого общества.

Информационная революция, происходящая в современном мире, сопровождается проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности, вызывая глобальные социальные и политические трансформации. Коммуникации формируют и формируют культурно-политическое пространство, транслируя и заново создавая его первичные и вторичные параметры. В подобной ситуации власть и влияние начинают принадлежать тем, кто способен создавать новые культурные коды, необходимые социальному субъекту (как общности, так и каждому индивиду) в процессах адекватного отражения реальности и выработки сознательных решений²¹.

Политическая система, сохраняя влияние, в определенном смысле лишена власти, поскольку и в традиционном, и в информационном обществе она оказывается вписанной в семантику культурных кодов, на основе которых люди и институты организуют жизнь и принимают решения, в том числе политические.

Примечания

- ¹ См.: *Naisbitt J.* Megatrends 2000: Ten New Directions for the 1990s. N. Y.: William & Morrow Company, Inc., 1990.
- ² См.: *McLuhan M.* The Timid Giant // *Understanding Media: the Extensions of Man.* L.: Sphere Books Limited, 1967. P. 329–343.
- ³ См.: *Соловьев А.И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики // *Полис.* 2002. № 6. С. 7.

- ⁴ См.: *Кастельс М.* Могушество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 296–297; *Бодрунова С.С.* Имидж государства – критерий прикладной оценки политической кондициональности // НТВ СПбГПУ: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4 (184). С. 38–42; *Тараканова Т.С.* Особенности информационно-коммуникационных технологий в концепции делиберативной демократии // Там же. 2012. № 1 (141). С. 28–32.
- ⁵ См.: *Тихонова С.В.* Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3. С. 53.
- ⁶ См.: *Deibert R.J.* Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1997.
- ⁷ См.: *Deutsch K.* The Nerves of Government Models of Political Communication and Control. N. Y., 1963.
- ⁸ См.: *Toffler A.* The Third Wave. N. Y.: William Morrow, 1980. P. 448.
- ⁹ См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 1st ed. 1996–1998, 2nd ed. 2000–2004.
- ¹⁰ См.: *Norris P.* A Virtuous Circle: Political Communication in Postindustrial Societies. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 420.
- ¹¹ См.: *Wolton D.* Internet et après?: Une théorie critique des nouveaux médias. P.: Flammarion, 2000.
- ¹² См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. С. 91–92.
- ¹³ Tiggun: Kybernetik und Revolte. Zürich; Berlin, 2007.
- ¹⁴ См.: *Dijk T.A. van.* Discourse and context: A sociocognitive approach. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 267.
- ¹⁵ См.: *Dufresne J.* Après l'homme... le cyborg? Sainte-Foy, 1999.
- ¹⁶ См.: Boom in large-size-TV sets continuing // Business Japan. Tokyo. 1988. Vol. 33. № 10. P. 16–17.
- ¹⁷ См.: *Deutsch K.W.* Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969.
- ¹⁸ См.: Materials for an Exploratory Theory of Network Society // The British Journal of Sociology. 2000. № 51. P. 5–14.
- ¹⁹ См.: *Дубровский Д.И.* Актуальные аспекты проблемы интерсубъективности // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. М.: Канон +, 2011. С. 129–148.
- ²⁰ См.: *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010. С. 172–175.
- ²¹ См.: *Гура В.А., Сафонова А.С., Шутунова О.Д.* Коды истины в истории культуры // Вопросы культурологии. 2010. № 6. С. 53–58; *Горбатова Н.В., Станкевич Л.Т.* Информационные технологии: Виртуальные мифы и политическая реальность России // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб., 2001.

НОВЫЙ УРБАНИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ

Средоточием и основным источником современных перемен (информационных, технологических и, как следствие, социальных и политических) являются мировые мегаполисы, каждый из которых представляет собой коммуникативную систему. В этой связи исследования современных городов, на наш взгляд, позволяют прогнозировать развитие актуальных тенденций в различных социально-гуманитарных сферах, в том числе и в информационно-политической. В условиях актуализации идей нового урбанизма в России и в мире важными для исследования представляются их потенциалы для политических коммуникаций.

Ключевые слова: новый урбанизм, городские коммуникации, политические коммуникации, новые медиа, медиаэкологии.

Политическое устройство современного мира имеет преемственную связь с греко-римской традицией, а следовательно, высокое значение города на протяжении всего исторического процесса является объективной данностью. Социолог Л. Вирт утверждал, что «влияние, которое города оказывают на социальную жизнь человека, выше, чем может показать нам удельный вес городского населения, ибо город все больше становится не просто местом, где современный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый космос разные территории, народы и виды деятельности»¹. Исследование Брукингского института в США (Brookings Institution) в 2013 г.² показало, что 48 % мирового ВВП сосредоточено в 300 городах мира, несмотря на то что в них проживает лишь 19 % всего мирового населения. В работах

экономистов, занимавшихся проблемами развития городов во второй половине XX и XXI вв. (С. Сассен, П. Холла и др.³), неоднократно подчеркивалась главенствующая роль мегаполисов как основных центров сосредоточения политических сил и принятия политических решений на так называемом глокальном уровне. Наличие такого уровня, образованного при интеграции локального в глобальное, указывает на то, что коммуникативная система современного мегаполиса обладает свойством дуализма, так как, с одной стороны, она влияет на социальные группы и сообщества, сосредоточенные внутри города или страны, к которой город относится, а с другой – на мировую общественность в целом. Кроме того, в ситуации объединения локального и глобального основным ресурсом в пространстве города стал доступ к технологиям и информации. Эти новые обстоятельства в жизни города объективно изменяют ландшафт коммуникативного пространства мегаполиса.

Информационно-коммуникативное пространство современного мегаполиса. Сегодня мы наблюдаем изменения отношений социума с городским пейзажем под влиянием новейших технологических продуктов. Пространство города больше не представляется устойчивым, стабильным, оно, как и современность в интерпретации З. Баумана, пластично и «текуче»⁴. При этом одним и важнейших аспектов «текучести» является процесс непрерывной медиатизации городской среды.

Проблема отношений человека с выстроенной средой всегда была одной из центральных тем исследователей-урбанистов. Особое их внимание, в частности, было обращено к значению и роли мест в городском пространстве. Так, американский специалист в области городского планирования К. Линч указывал на то, что места – это такие материальные элементы, знаки, символы, на основании которых создается «познавательная география» среды в памяти человека и помогает ему идентифицировать физическое городское пространство⁵.

Семиотик Р. Барт подчеркивал, что значение мест определяет социальную, материальную и экономическую иерархию в рамках территориального сообщества⁶.

Географ П. Адамс в изучении современных пространственных коммуникаций выделил «места в медиа»⁷. Здесь речь идет о том, как определенные материальные места в пространстве расширяются при фиксации в медиа. По сути, именно так сегодня создается «познавательная география» Линча: места определены нашим взаимодействием с системами медиа, построенными для обеспе-

чения социальной, экономической и технологической функций города. Адамс писал о том, что места имеют большее значение, чем пространство в целом, так как они воспринимаются более локальными, личными. С этим сложно не согласиться, однако наличие большого числа «мест в медиа» в рамках городского пространства придают самому пространству ощущение близости, делают его узнаваемым.

В мире интерактивных, цифровых и мобильных медиатехнологий, позволяющих непрерывно фиксировать места, ключевое значение приобретает информация о месте. Таким образом, место само по себе наделяется свойством медийности. Тем самым город превращается в конгломерат «мест в медиа», или просто медиа, и приобретает функцию регуляции социальных коммуникаций внутри городского пространства.

Сегодня коммуникации города во многом создаются и направляются информационными технологиями: эти технологии органично соединяются с материальными объектами и социальными отношениями в городском пространстве. Формируются медиаэкологии – особое состояние современного городского пространства, которое характеризуется слиянием технологических и организационных аспектов информационных практик с социальным взаимодействием, реализованным через их структуры (М. Фуллер)⁸.

В исследованиях Е.Г. Ним выделяются три типа отношений пространства и медиа: медиированное пространство, медиатизированное и пространство медиа⁹. Учитывая концепцию медиаэкологии, есть основания утверждать, что пространство современного города, безусловно, сочетает в себе все три типа указанных отношений медиа и пространства, при этом в изучении коммуникативной системы города необходимо применять интегрированный подход, при котором разделение пространства на подтипы не предусматривается.

Архитектор О. Чепелик отмечает, что «исчезновение концепта территориальности ведет к потере экономической, пластической и сакральной значимости пространства в пользу новых локально-пространственных, информационно-соотносимых идентичностей»¹⁰. Это доказывает, что в пространстве современного мегаполиса принципиальное значение имеют лишь те его элементы, которые наделяются чертами медийности. Именно они и являются системообразующими в пространстве мегаполиса.

Таким образом, современное городское пространство не может рассматриваться только как локализованное материальное про-

странство, в границах которого курсируют информационные потоки. При актуализации медийного качества жизни на первый план выходит коммуникативный потенциал города, а следовательно, и его пространство само по себе должно трактоваться и пониматься именно как коммуникативное по своей сути.

Обобщая ряд существующих подходов к пониманию пространства (П. Бурдьё, Ю. Хабермас) и информационно-коммуникативного пространства (А.А. Калмыков, Н.А. Лукьянова, Н. Луман, Е.Г. Ним) и с учетом актуализации медийного качества современного мегаполиса коммуникативному пространству города, дадим следующее определение: коммуникативное пространство – это многомерное множество коммуникативных явлений и процессов, в котором фиксируется их относительная локальность, проявляются их диспозиции и структуры отношений между ними¹¹. Коммуникативное пространство определяется наличием различных медиа и их совокупностей, каналов и средств коммуникации, практик кодирования и декодирования коммуникативных сообщений. С учетом данного определения можно утверждать, что коммуникативное пространство мегаполиса формируется под влиянием особых свойств современных медиа. Среди них важно выделить интермедialность и конвергенцию, т. е. способность медиа к осуществлению различного взаимодействия друг с другом, интеграции, выстраиванию отношений.

Таким образом, информационно-коммуникативное пространство современного мегаполиса характеризуется медиатизацией в широком понимании, т. е. повышением общего медийного качества города как носителя, транслятора информации и смыслов, а также, что наиболее значимо, полноценного актора информационно-коммуникативной системы.

Коммуникативное пространство мегаполиса и новый урбанизм. В коммуникативном пространстве мегаполиса проявляются различные структуры и элементы: среды, объекты и субъекты. Между ними выстраиваются отношения, которые, во-первых, определяют характер коммуникаций в пространстве, а во-вторых, влияя на особенности самих элементов. Так, если доминирующим элементом в пространстве становится среда, то именно она определяет специфические качества объектов и субъектов. В городском пространстве обнаруживаются различные среды, каждой из которых соответствуют объекты (здания и их комплексы, памятники, другие архитектурные сооружения) и типы человеческих отношений, переживательного поведения. При изменении же среды меняется и характер отношений и поведения.

При ведущей роли объектов в городском пространстве символическое и знаковое значение зданий и сооружений является основой для создания среды и определения типа отношений субъектов. Именно объектный подход в индустриальную эпоху был главенствующим. В информационном обществе на первый план выходит значение субъекта, который влияет как на среды, так и на объекты в городе и является носителем информации о них.

Субъектный тип городского пространства находится в оппозиции к объектному, который можно охарактеризовать как низкоили даже некоммуникативный. С учетом повышения коммуникативного качества города именно субъектный подход лежит в основе так называемого нового урбанизма.

Идеи нового урбанизма появились как ответ на результаты индустриализации (разобщенность городского пространства, зонирование) во второй половине XX столетия в США и сформулированы в работах Д. Джекобс, Р. Колхаса, Я. Гейла и многих других архитекторов и урбанистов. В широком смысле новый урбанизм (часто используемый синоним – либеральный урбанизм) подразумевает создание такого пространства мегаполиса, которое в достаточной степени удовлетворит актуальные коммуникативные потребности горожан. Новый урбанизм часто противопоставляется подходу, при котором город рассматривается исключительно как система эффективного создания, распространения и приумножения ресурсов¹². Однако такое противопоставление, на наш взгляд, не совсем корректно. Новый урбанизм – это попытка создания баланса между различными и часто идущими в противофазе функциями современного мегаполиса: с одной стороны, адекватное участие в глобальных экономических и политических процессах, с другой – обеспечение благоприятных условий социального развития. При этом и первая и вторая функции должны перспективным образом влиять друг на друга.

С точки зрения городского планирования новый урбанизм основан на следующих принципах: высокая плотность застройки и повышение значимости и качества публичных мест города¹³. Представляется очевидным, что речь здесь идет о создании таких условий городской жизни, при которых социальная коммуникация становится основной опорной точкой города и фактором его развития. С учетом выявленного медийного качества городской жизни важно отметить, что новый урбанизм предполагает повышение значимости «мест в медиа», прозрачность направленности информационных и коммуникативных потоков и юзабилити городского пространства. Остановимся подробнее на последнем.

Современному мегаполису свойственна гипертекстовость. Привычный текст мегаполиса представляет собой различную линейную информацию и смыслы, которые часто нуждаются в определенной связности. Гипертекст же как система многослойной нелинейной организации текста открывает доступ к дополнительной информации, таким образом расширяя первоначальный текст, что в значительной степени упрощает процесс организации взаимодействия. Однако любой гипертекст нуждается в систематизации, создании определенной иерархии, грамотном расположении гипертекстовых ссылок (носителей) относительно друг друга. Эту задачу решает юзабилити.

Уже упоминавшийся в статье К. Линч для характеристики среды города ввел термины *legibility* и *imageability*¹⁴. *Legibility* – юзабилити интерфейса среды, разборчивость направленности коммуникативных потоков, читаемость среды. *Imageability* – способность среды к образности, наличие в ней достаточного числа элементов, необходимых для читаемости среды. При наличии определенных гипертекстовых элементов городской среды необходим способ их организации, при котором интерфейс среды будет доступен и понятен горожанам.

Как видим, современный мегаполис по своей сути напоминает интернет-сайт, где информация структурирована так, что пользователь городской среды в конечном итоге удовлетворяет свой «поисковый запрос». Новый урбанизм же есть не что иное, как способ организации гипертекста города и создания городского юзабилити, система управления изменяющимся коммуникативным пространством города. Отсюда и такие формы проявления нового урбанизма, как цифровой город (*digital city*) и умный город (*smart city*), которые подразумевают активное внедрение технологий (в первую очередь сетевых) для упорядочивания процесса коммуникаций в городе и вовлечения горожан в городской дискурс.

Политический потенциал нового урбанизма. Изменения коммуникативной системы мегаполиса вносят объективные коррективы в информационно-политическую сферу. С учетом актуализации в городе медийного качества и превращения мегаполиса в полноценное медиа, коммуникативное пространство мегаполиса активно может использоваться в целях повышения эффективности политической коммуникации.

Политолог А.И. Соловьев писал о том, что в установлении политических взаимодействий ведущее место занимают создание информационно-смысловой общности коммуникатора и реципиента, обеспечение идейного единства сторон¹⁵. Среди уровней

организации таких ценностных общностей им был выделен уровень локальных, местных политических связей¹⁶. Очевидно, что на этом уровне на характер отношений социума и политических акторов влияют условия жизни на конкретной локальной территории и иные ее особенности, в том числе и коммуникативные. Соответственно, говоря о политическом потенциале нового урбанизма, мы подразумеваем такой потенциал, который может быть использован на уровне местного самоуправления. Вместе с тем, учитывая «глокальность» современных мегаполисов, эффект от такой политической коммуникации может иметь более широкие масштабы.

Тенденция к актуализации роли местной власти и управленческих решений, принимаемых на локальном уровне, представляется вполне очевидной при общем повышении значимости «мест в медиа». При большом разнообразии традиционных и новых медиа в мегаполисе, как общегородских, так и гиперлокальных, возникает проблема качественного медийного городского дискурса. Одна из задач местной власти в современном информационном обществе – реализация возможностей для такого дискурса и прозрачное управление им. При этом важно, чтобы в дискурс было вовлечено как можно больше участников – горожан (ведь они являются теперь не только получателями городской информации, но и ее создателями благодаря развитию интернет-технологий).

Наиболее эффективное решение такой проблемы кроется как раз в создании юзабилити коммуникативного пространства города и использовании этого пространства как полноценного медиа, транслируя необходимые сообщения. Таким образом, новый урбанизм позволяет городской власти самостоятельно создавать необходимую коммуникативную среду, формирующую ее отношения с различными городскими сообществами.

Подводя итог, необходимо отметить, что идеи нового урбанизма сегодня достаточно распространены в России. В настоящее время они активно внедряются не только в Москве, но и в крупных и малых городах страны (Екатеринбург, Нижний Новгород, города Подмосковья и др.), и давно получили широкое распространение в Европе и США. В этой связи исследования нового урбанизма не только в контексте градостроительства, но и в русле коммуникаций представляются весьма перспективными и актуальными для социальных и политических наук. Л. Вирт утверждал, что «симптомы, которые укажут нам на вероятное будущее развитие урбанизма как образа социальной жизни, нужно искать в... новых

тенденциях развития системы коммуникации»¹⁷. Эти тенденции сегодня таковы, что новый урбанизм занял лидирующие позиции в современной науке о городах и может быть использован в том числе и для решения практических задач политической коммуникации.

Примечания

- ¹ См.: *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М., 2005.
- ² См.: Половина всей мировой экономики сосредоточена в 300 городах [Электронный ресурс] // Винницкий бизнес портал «Vinbazar.com». URL: <http://vinbazar.com/journal/finansy/polovina-vsei-mirovoi-ekonomiki-sosredotochena-v-300-gorodakh> (дата обращения: 14.12.2014).
- ³ См.: *Сассен С.* Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2005/04/10/44.html> (дата обращения: 14.12.2014); *Hall P.* The World Cities. L., 1966.
- ⁴ См.: *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- ⁵ См.: *Линч К.* Образ города. М., 1982.
- ⁶ См.: *Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- ⁷ См.: *Adams P.C.* Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. L., 2009.
- ⁸ См.: *Fuller M.* Media Ecologies: Materialist Energies in Art and Technoculture. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- ⁹ См.: *Ним Е.Г.* Медиапространство: основные направления исследования (Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14) [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2013--14/83292427.html> (дата обращения: 14.12.2014).
- ¹⁰ См.: *Чепелик О.* Утопические аспекты современного урбанизма // Художественный журнал. 2003. № 51/52.
- ¹¹ См.: *Пичугина О.А.* Роль городских интернет-медиа в мегаполисе // Вестник электронных и печатных СМИ. 2014. № 2 (22).
- ¹² См.: *Сергеева А.* Новый урбанизм: когда человеку удобно [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: http://polit.ru/article/2013/09/10/urban_eco/ (дата обращения: 14.12.2014).
- ¹³ См.: *Глазычев В.Л.* Урбанистика. М., 2008.
- ¹⁴ См.: *Линч К.* Указ. соч.
- ¹⁵ См.: *Соловьев А.И.* Политические коммуникации. М., 2004.
- ¹⁶ См.: Там же.
- ¹⁷ См.: *Вирт Л.* Указ. соч.

ДИСКУРСЫ ОБ ЭЛИТАРНЫХ ГРУППАХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (Анализ публикаций в новых медиа)

Статья посвящена вопросу о том, какие понятия предлагаются в качестве названий целевым аудиториям интернет-изданий, позиционирующих себя как СМИ для наиболее образованного и квалифицированного слоя современного российского общества. Речь идет о таких медиа, как «Афиша», «Большой город», Lookatme.ru, Openspace.ru (2008–2012), Colta.ru, Esquire, «Сноб», которые (вос)производят один из влиятельных элитистских дискурсов в сегодняшней России. Исследование проведено на материалах, опубликованных в период с 2008 по 2014 гг. Выявлен спектр предлагаемых в поле медиасегмента названий – «интеллигенция», «креативный класс», «интеллигентный класс», «образованный класс» и, соответственно, тех моделей солидаризации, которые подразумеваются каждым из понятий. Обсуждается, каким образом эти варианты названий сосуществуют, сочетаются и конкурируют друг с другом в исследуемом дискурсе.

Ключевые слова: интеллигенция, креативный класс, постинтеллигенция, образованный класс, медиарепрезентации, дискурс об элитарных группах, дискурс-анализ, социально-групповая идентичность, способы идентификации.

Исследовательский интерес к состоянию и способам формирования элит в России традиционен для политологов и социологов, однако в прошедшие несколько лет обсуждение того, какие группы современного отечественного общества и на каких основаниях могут считаться элитарными или претендовать на подобный статус, широко представлено в новых медиа и доступно для вполне массовых аудиторий. В частности, в поле интернет-версий таких изданий, как «Афиша», «Большой город», Esquire, Lookatme.ru и его тематические приложения, Openspace.ru (2008–2012), «Сноб», Colta.ru¹, которые позиционируют себя как медиа, обращенные к

наиболее образованной и квалифицированной части современного российского общества. Если судить по предварительному анализу репрезентаций, к своей целевой аудитории перечисленные медиа-проекты относят примерно одних и тех же людей: представителей социальных групп, обладающих наибольшим в отечественном социуме культурным капиталом². В актуальной российской действительности эти группы часто обозначаются/обозначают себя как «интеллигенция», «интеллигентный класс», «креативный класс», «образованное сословие», «образованный класс», «состоявшаяся интеллигенция», «постинтеллигенция».

Данная статья посвящена вопросу о том, каким образом перечисленные названия инструментализируются и наделяются функцией артикуляции представлений об элите, элитарности и, соответственно, об основаниях для подобного рода социально-культурной дистанции в поле исследуемых изданий.

Поставленный вопрос значим в контексте проблемы воспроизводства в России элиты, которая формировалась бы в соответствии с критерием меритократического отбора, а не по принципу исключительной лояльности к высшим государственным чиновникам³.

Существует обширная исследовательская традиция изучения понятия «интеллигенция»⁴, а также наблюдается все возрастающий интерес отечественных исследователей к причинам появления, статусу, формам использования ряда конкурирующих терминов, в первую очередь словосочетания «креативный класс»⁵. Однако вопрос о рассмотрении самих этих понятий как опорных элементов современного медийного дискурса элитарности до сих пор фактически не ставился.

Изучение интересующих нас понятий ведется на примере медиарепрезентаций, которые обладают способностью одновременно отражать и формировать социокультурные нормы, характерные для тех или иных сообществ⁶. Наиболее продуктивным аналитическим инструментом в таком случае представляется метод анализа дискурса⁷.

Работа проведена на материалах интернет-публикаций⁸, которые образуют корпус наиболее характерных высказываний по теме. Анализируемые материалы⁹ относятся к периоду 2008–2014 гг., что позволяет проследить эволюцию использования тех или иных понятий в контексте актуальной для России социально-политической ситуации.

Как уже было отмечено, в список понятий-кандидатов на название социокультурной общности, которую перечисленные издания представляют своей целевой аудиторией – наиболее образованные

и квалифицированные граждане современного российского социума – попадает значительное число терминов. Эти понятия призваны выполнять функцию объединения читательских аудиторий вокруг того или иного набора ценностных установок, за которым подразумеваются определенная социально-политическая позиция, и в качестве логического продолжения – соответствующие действия по артикуляции и защите своих социально-групповых интересов.

В зависимости от конкретного социально-политического момента, а также габитуса говорящего, предлагаемым названиям приписываются разные, вплоть до противоположных, значения. При этом основная конкурентная борьба наблюдается между понятиями «интеллигенция» и «креативный класс».

На пике протестной активности зимой 2011/12 г. и весной 2012 г. понятие «креативный класс» представляется в ряде анализируемых изданий как едва ли не более предпочтительное по сравнению с термином «интеллигенция». В этом случае «креативный класс» обозначает не просто образованных, но новых – деятельных и способных что-то ощутимо менять в сложившейся социальной действительности – людей. Например:

Никакой бы Болотной не случилось, если бы три человека не начали организовывать этот митинг. И не обсуждали бы мы этот удивительный феномен, не вылезли неизвестно откуда *креативный класс*. Это сделали конкретные люди, *очень узкая прослойка людей*¹⁰.

Однако даже в разгар протестной активности понятие «креативный класс», а вместе с ним и способность людей, которых это понятие призвано объединить, к изменению общественной ситуации подпадают под подозрение. Например:

*При невероятном расцвете креатива одноименному классу ужасно не хватает воображения, и если все, чего мы добились за эти месяцы, – это более лучшие плакаты, то, видимо, ни о чем большем мы и мечтать не могли; видимо, как говорилось в мультфильме об одном креативном попугае, нас и здесь неплохо кормят*¹¹.

На спаде же протестной активности, в момент, когда она практически прекращается, к осени 2012 г., термин «креативный класс» в ряде высказываний и вовсе воспринимается как что-то навязанное, что-то, о чем можно рассуждать на условно «интеллигентском метаязыке» и одновременно символически вытеснить неудачу вместе с разоблачением самого понятия и отказом от него. Характерен

в этой связи пример высказывания о сконструированности термина «креативный класс» и отсутствии подобных подозрений в отношении понятия «интеллигенция»:

Я полагаю, что «креативный класс» – это фикция, с помощью которой придают унифицированное социологическое измерение протестному движению... Нежелание видеть различие выражается не только в пропагандистских кампаниях власти, но и в поведении интеллигенции, которая охотно мыслит такими типологическими фикциями, как «бюджетники», «провинциалы», «Уралвагонзавод», «хачи», «таджики» и т. д.¹²

При этом с самого начала своего появления именно понятие «креативный класс», а также чуть более поздняя его производная – «креакл» – наделяются смыслом увлечения (иногда – чрезмерного, в ущерб «сути», если речь идет о критике понятия) стилевыми аспектами социально-групповой идентичности. Например:

Молодые, продвинутые креаклы (креативный класс) вызывают у меня ненависть... Я не понимаю, как можно всерьез обсуждать стиль одежды, проблемы городского дизайна или дизайна жилищ, – это все не имеет отношения к человеку и человеческой метафизике, если угодно. Эти понты – уход от серьезных вопросов. Все это – жуткая фальшь¹³.

Одновременно на протяжении всего периода наблюдения делаются попытки, зачастую также обусловленные социально-политическим контекстом, найти альтернативные «интеллигенции» и «креативному классу» термины для обозначения социально-групповой идентичности целевых аудиторий изучаемых изданий, с которыми представители этих аудиторий могли бы и согласились бы себя ассоциировать.

В настоящий момент подобные попытки привели к следующим результатам.

Во-первых, изобретаются и вводятся термины, которые, так или иначе, основываются на понятиях «интеллигенция»/«интеллигентный», но как бы не равны собственно этим понятиям: «постинтеллигенция», «интеллигентный класс», «состоявшаяся интеллигенция».

Термин «состоявшаяся интеллигенция» – это ироничное выражение, введенное писательницей и публицистом Линор Горалик для описания стиля жизни образованных и вполне состоятельных столичных жителей. Например:

В обеденный час рабочего дня *посреди клуба, торгующего едой по ценам пафосного ресторана, но обвешанного плакатами панк-группы De Dialectica Liber, чтобы состоявшаяся интеллигенция не чувствовала себя бездуховным мудаком*, молодая интеллигентная французская няня кормит сурового интеллигентного четырехлетнего ребенка равиоли с бататами и козьим сыром¹⁴.

Термин «постинтеллигенция» используется публицистом Евгенией Пищиковой в эссе, где автор, апеллируя к выдвижению Владимира Путина на третий президентский срок осенью 2011 г., размышляет о «новом застое» и способах приспособления к нему со стороны тех, кто во времена советского застоя определенно назывался «интеллигенцией»:

Совсем тяжело станет начинать на новом месте с нуля. Особенно «болтливому классу», особенно после тридцати – тридцати пяти лет. Это значит, в моду войдет сезонная или пунктирная эмиграция... Часть «постинтеллигенции» (так ведь теперь модно называть бывшее разночинское сообщество) окончательно перейдет к идее жизни на ренту. Недвижимость как залог свободы передвижения¹⁵.

Термин «интеллигентный класс» звучит в высказывании известного отечественного политолога Глеба Павловского, когда тот, размышляя в связи с событиями в Крыму весной 2014 г. о «крахе интеллигенции» (как значится в подводке к публикации), по ходу беседы использует в качестве синонима выражение «интеллигентный класс»:

Это окончательный крах российского интеллигентного класса¹⁶.

Так или иначе, во всех трех случаях употребления смыслы, которыми наделяются производные от слова «интеллигенция» понятия, в общем, не несут положительных коннотаций. Но при этом отрицательные смыслы, которые могли бы в приведенных примерах связываться собственно с понятием «интеллигенция» – самолюбование и замкнутость на собственных интересах, пассивность, неспособность к активным созидательным действиям, – переносятся на ряд смежных, в ряде случаев, возможно, специально для этого изобретаемых и вводимых, терминов.

Во-вторых, вероятно, симптоматичны повторяющиеся эксперименты по совмещению слова «класс» со смыслами «интеллигентность», «образованность», «креативность», если видеть за такими сочетаниями стремление и попытку назваться классом, обладающим разделяемыми всеми его членами «классовыми» интересами

и выражающим готовность эти интересы организованно и последовательно отстаивать. Интересно также, что иногда употребляются англоязычные аналоги – ‘creative class’, ‘middle class’, символически, видимо, апеллирующие к западным аналогам и реалиям. Например:

Как только Кремль начал игру в поддержку ressentimentа и реваншизма, выяснилось, что значительная часть *образованного класса, middle class* с достаточно высоким уровнем жизни, поражена жаждой реванша с такой же безотчетностью, как подростки-фанаты¹⁷.

Несколько более нейтральный вариант – с использованием термина «сословие» («образованное сословие») – не подразумевает столь явно императива борьбы за свои социально-групповые, «классовые», интересы. Вместе с тем в попытках использовать термин «сословие» можно предполагать отсылку то ли к интеллигентскому, то ли к аристократическому дискурсу и мифологиям:

Резкий слом привычного уклада жизни, случившийся в начале XX века..., *оказался для российского образованного сословия столь травматичен*, что до сих пор пеплом стучит в их сердца¹⁸.

В-третьих, крайне интересно наблюдать за употреблением того или иного термина в кавычках или без них. К весне 2014 г. термины «интеллигенция», «креативный класс» употребляются на равных и в большинстве случаев без кавычек. Отсутствие кавычек выступает здесь своего рода маркером полагаемого реальным существованием той или иной группы, символически уравнивая их в социальных претензиях, вне зависимости от контекста и тона высказывания.

...Но у нас даже после всех жестоких перипетий не исчез слой людей (*интеллигенция, креативный класс* – не все ли равно, как его называть), для которого осмысление прошлого и настоящего – естественная работа души и ума¹⁹.

В заключение, систематизируя сделанные в ходе представленного анализа наблюдения, можно сформулировать следующие выводы относительно выявленных понятий, которые издания изучаемого медиасегмента предлагают своим аудиториям в качестве самоназваний.

Во-первых, наблюдаются колебания частоты и коннотаций использования того или иного термина в зависимости от соци-

ально-политического контекста. На пике протестной активности 2011–2012 гг. понятие «креативный класс» становится чуть ли не наиболее предпочтительным для обозначения общности образованных и вместе с тем деятельных, добившихся профессиональных успехов и финансово благополучных жителей больших городов.

Во-вторых, понятие «интеллигенция», несмотря на все флуктуации в использовании, является базовым термином, в сопоставлении или в сочетаниях с которым образуется большинство остальных конкурирующих понятий. В частности, для передачи смыслов «образованность», «просвещенность» и т. п. предпочитают использовать такие новообразования, как «образованный класс», «интеллигентный класс», «образованное сословие». Смыслы, имеющие больше отношения к стилевым аспектам повседневности, стилю жизни, в большинстве случаев остаются за понятием «креативный класс» и производной от него – «креакл».

Наконец, характерными становятся различия в использовании новых терминов в кавычках или без них. Так, в ряде случаев понятие «креативный класс» употребляется без кавычек, тем самым фактически уравниваясь с понятием «интеллигенция» в легитимности и способности отражать интересы реально существующей социальной общности.

Примечания

- ¹ Подробнее о том, по каким критериям перечисленные издания возможно объединить в условно однородный сегмент, см.: *Ельцова К.К.* «Качественные медиа» для «образованного меньшинства»: анализ дискурса об элитарности в российских новых медиа // *Философия и культура*. 2014. № 8 (80). С. 1149–1175.
- ² См.: *Бурдые П.* Формы капитала / Пер. М.С. Добряковой // *Экономическая социология* (электронный журнал). 2002. Т. 3. № 5. С. 60–75. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 11.11.2014).
- ³ См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема элиты в современной России: размышление над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007; *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008; *Дубин Б.В.* Режим разобщения // *Pro et Contra*. 2009. № 1 (44). С. 6–19.
- ⁴ См., например: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009; *Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий: 1932–1925 гг.*

- Новосибирск: Наука. Сиб отд-е, 1991; Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: Сб. статей / Под ред. Ж.Т. Тощенко; Сост.: М.С. Цапко, А.Б. Росляков. М.: РГГУ, 2002.
- ⁵ См., например: *Калинин И.В.* Индустриальный горизонт креативных индустрий (Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92)) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/14k.html> (дата обращения: 11.11.2014); *Куренной В.А.* Новая городская романтика: Политические и культур-социальные аспекты новейшего российского протеста // Логос. 2012. № 2. С. 30–45; *Трубина Е.Г.* Примиряясь с упадком. Руины 2.0 (Неприкосновенный запас 2013. № 3 (89)) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/14t-pr.html> (дата обращения: 11.11.2014); *Она же.* «Трамвай, полный Wi-Fi»: о рецепции идей Ричарда Флориды в России (Неприкосновенный запас 2013. № 6 (92)) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/13t.html> (дата обращения: 11.11.2014); Исследования, представленные на конференции: Conference programme: 'Middle' and 'Creative': Emerging Russian Social Groups in Language and in Culture [Электронный ресурс] // The University of Edinburgh. URL: <http://www.ed.ac.uk/schools-departments/literatures-languages-cultures/dashkova/research-resources/middle-creative-programme> (дата обращения: 11.11.2014).
- ⁶ См.: *Hall S.* The Work of Representation // Representation: Cultural Representation and Signifying Practices. L.: The Open Univ., 1997. P. 13–75; *Зверева В.В.* Репрезентация и реальность (Отечественные записки. 2003. № 4) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_37.html (дата обращения: 11.11.2014).
- ⁷ Дискурс, в соответствии с фукодианской традицией, в рамках данной работы понимается как тип и практика высказывания (естественно-языкового, визуального, высказывания-действия), за которым стоит определенное, обусловленное индивидуальным и социально-групповым опытом мировосприятие (одновременно конституирующее и порождающее сам дискурс). При этом одним из ключевых свойств дискурса являются правила и условия допуска к дискурсу тех или иных потенциальных участников. См.: *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет: Пер. с фр. М.: Касталь, 1996.
- ⁸ Работа исключительно с online-изданиями обеспечивает исследование удобством доступа к источникам, а также однородностью и соизмеримостью анализируемых материалов.
- ⁹ Проводится анализ лишь редакционных материалов. Работа с пользовательскими комментариями к большинству отобранных материалов на момент написания статьи оказалась невозможной – в результате редизайна и/или реструктуризации пользовательские комментарии к архивным материалам на сайтах изданий перестали быть доступными.

- ¹⁰ Что будет после 4 марта? [Электронный ресурс] // Афиша. Город. URL: <http://gorod.afisha.ru/archive/new-politics-future> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹¹ Что на самом деле изобрел креативный класс [Электронный ресурс] // Афиша. Город. URL: <http://www.afisha.ru/article/sapr-on-creative-class> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹² *Ямпольский М.* О склонности креативного класса к расчленению трупов [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://archives.colta.ru/docs/10503> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹³ Три дня с Дмитрием Быковым [Электронный ресурс] // Афиша. URL: <http://mag.afisha.ru/stories/100-luchshih-romanov-veka/tri-dnya-s-dmitriem-bykovym> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁴ *Горалик Л.* Эмоция [Электронный ресурс] // Openspace.ru. URL: <http://os.colta.ru/society/projects/32269/details/33737> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁵ *Пищикова Е.* Быт нового застоя [Электронный ресурс] // Openspace.ru. URL: <http://os.colta.ru/society/projects/204/details/30778> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁶ Глеб Павловский: «Ни у кого нервы не выдержат больше двух-трех суток» [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/2269> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁷ *Морозов А.* Консервативная революция. Смысл Крыма [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/2477> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁸ *Давыдова М.* Культура Zero [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/theatre/23> (дата обращения: 11.11.2014).
- ¹⁹ *Давыдова М.* Путешествие по Камбожде, или Несколько слов о пользе «креаклов» [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/20> (дата обращения: 11.11.2014).

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

О.В. Павленко

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Конструктивистский подход занимает особое место в международных исследованиях. У него есть убежденные сторонники и непримиримые противники. В западной историографии он утвердился еще в 1980-е гг. и активно применяется в изучении взаимодействия образов «Другого» и коллективного «Я». В статье рассматриваются формы применения конструктивистской методологии при исследовании международных процессов, показаны ее возможности и пределы допустимых «объяснительных конструкций». Предметом исследования становится «культура международной среды», т. е. совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственными ценностными установками и исторической индивидуальностью. Конструктивистский подход открывает новые возможности для анализа внутренних пластов внешней политики, ее социальной и ментальной мотивации.

Ключевые слова: конструктивизм, структурализм, символическое взаимодействие «Я/Другой», международные отношения, коллективная идентичность, внешняя политика.

Как соотносить современность и воображаемую «реальность прошлого»? До сих пор это одна из сложнейших проблем в истории международных отношений. Русский философ М.В. Ильин писал об особой зависимости между «реальным» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть наивный взгляд, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Важнее *качество повторяемо-*

сти. Бесконечная череда событий и свершений прошлого выстраивается учеными в стройные линии «эпох» и «фаз развития». Но только в масштабе глубинного исторического времени проступает общий план мировых преобразований. М.В. Ильин справедливо полагал, что при научном анализе нужно не столько фиксировать «небывалое», сколько пытаться найти ответы на вопрос, «как, почему и зачем воспроизводится старое»¹. Политические системы видоизменяются, распадаются государства, мировое пространство пронизывают интеграционные и дезинтеграционные токи, но удивительным образом повторяются модели взаимодействия основных субъектов международных процессов. Исторический опыт каждого социума выработал собственную систему культурных смыслов, сквозь призму которой каждое новое поколение воспроизводит похожий тип политического поведения². Как найти способы, чтобы не только уловить эту повторяемость, но и проанализировать ее причины и мотивы?

Настоящее приобретает особый смысл и значимость, когда начинает осознаваться обществом при сопоставлении с прошлым. Современность подчиняет себе историческую память, создавая собственную хронометрию и интерпретацию эпох, периодов и циклов общественного развития. Структуралистский подход, в котором преобладают причинно-следственные объяснения, позволяет выявить типологии в международных процессах. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия – выводы о закономерности. Дипломатическая история в традиционном виде представляет собой описание переговорных стратегий, завершившихся в лучшем случае консенсусом или временным охлаждением отношений, в худшем – глобальной конфронтацией и военными конфликтами. В типичных объяснениях основными игроками на международной сцене выступают «великие державы», которые продвигают свои «интересы», продиктованные тем пониманием «суверенитета» и «безопасности», которое сложилось на данный момент в среде власти. В этом случае преобладает проблемно-хронологическое описание истории дипломатии, в которой государства действуют в соответствии с их местом в иерархии мирового порядка и нормами, поддерживающими его прочность. Такая научная проекция международных процессов дает нам представление о балансе сил, но не объясняет действие глубинных механизмов взаимодействия между «великими» и «региональными» державами.

«Международные отношения» как интегральная дисциплина стали развиваться в европейских и американских университетах

в межвоенный период. Уже тогда во главу угла были поставлены междисциплинарность и взаимодополняемость методологий. Неудивительно, что здесь не утихают дебаты относительно предмета и объекта исследований. В 1930–1940-е гг. основные споры велись между реалистами и идеалистами об общественных и морально-нравственных принципах дипломатии. Весьма распространены тогда были жесткие оценочные суждения и формулы «вины». В 1950–1960-е гг. дискуссии уже вращались вокруг смыслов гуманитарного «понимания» и, естественно, научных «объяснений». Сторонники традиционалистского подхода к истории международных отношений исходили из логико-интуитивного метода, исторического опыта и интерпретации текстов. Для сциентистов важно было составить системное описание и разработать теории, применимые к различным историческим ситуациям без поиска закономерностей и типологических шаблонов.

Третья волна «великих дебатов» поднялась в 1980-е гг. между реалистами, плюралистами и структуралистами³. Она вынесла на общее обсуждение принципиальные темы о парадигме международных исследований. Речь шла не столько о способе описания, сколько о соотношении предмета и объекта исследований, постижении взаимосвязей между ними⁴. В ходе наиболее бурных Третьих дебатов ярко заявило о себе направление, выступившее с новым пониманием «международного мира». Первоначально оно было воспринято как научная провокация и вызвало ожесточенную полемику⁵. Само понятие «конструктивизм» (или, в американской традиции, «социальный конструктивизм») было введено Николасом Онуфом в 1989 г., но получило широкое применение только во второй половине 1990-х гг.⁶ Конструктивисты выступили за формирование межсубъектного качества социального мира, т. е. ставили сложную задачу проникнуть в пласты общественного сознания, анализируя мир образов, взаимовосприятий, притяжений/отторжений «Другого», мифов, стереотипных установок. Они не отрицали основной принцип реалистов, что за всеми политическими действиями имеются уроки мировой политики (государств, неправительственных сообществ, бизнес-корпораций и др.) нужно видеть конкретные «интересы» и понимать их мотивы. Совпадение интересов приводит к созданию международных коалиций *ad hoc*, а их столкновение – к конфликтам различной степени интенсивности и глубины.

Конструктивисты словно прочертили новую линию горизонта, преодолевая ограниченность познания международной реальности. Они смогли доказать, что недостаточно исходить из прагма-

тичных стратегических и ситуационных интересов, чтобы в полной степени раскрыть взаимосвязи между игроками и структурами мирового порядка. Во главу угла было поставлено сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе⁷. Онтологическое понимание социального мира потребовало от конструктивистов объединить социологические, лингвистические, сравнительно-политологические и сравнительно-исторические методы.

Значительное влияние на развитие конструктивистской методологии оказали работы Александра Вендта. Разработанная им теория, в которой он рассматривает проблему «агент – структура», вызвала сначала бурю дискуссий. Но уже к середине 1990-х гг. конструктивизм утвердился как влиятельное направление в исследованиях международных отношений сначала в США, затем в Великобритании, Германии и Франции. А. Вендт не отрицал значение структуралистских методов, без которых невозможно исследовать взаимоотношения между государствами, но доказывал, что международные структуры формируются благодаря не только материальным, но и гуманитарным факторам, которые нередко оказывают более длительное и глубокое воздействие. Триумфы и поражения в истории народа воспроизводятся в современности в форме слепков исторической памяти, через образы коллективного «Я» и враждебного / дружественного «Другого». Эти рефлексии с удивительным постоянством столетиями удерживаются в общественных представлениях. В теории А. Вендта делался акцент на социальной природе каждого из игроков, определявшей стиль его политического поведения. Анализируя сущность «политического» на международном уровне, автор указал на две противоречивые тенденции⁸. С одной стороны, система международных отношений создает устойчивость и стабильность для игроков и их интересов. С другой – они сами подрывают ее основы, разрушая международно-правовые нормы и правила ради собственных амбиций, что неизбежно ведет к постепенному распаду и формированию нового порядка. Безусловно, любая система обладает возможностями для ограничения разрушительных действий игроков, но не может жестко их контролировать. На протяжении более 500 лет основные государства создавали негласные «правила игры», которые давали им возможность обходить поставленные ограничители. Соответственно, по мнению А. Вендта, при осмыслении исторического опыта важно понять внутренние мотивы поведения игроков, соотношение между внешними интересами и их идентичностью⁹. Можно выделить несколько позиций, присущих

конструктивистскому подходу при анализе ролевых функций коллективных идентичностей в международных процессах¹⁰:

1) в государственном пространстве сосуществуют различные формы коллективных идентичностей. Не всегда проекты государственной консолидации общества, поддерживаемые сверху элитами, совпадают с корпоративными интересами других социальных групп общества. Условный термин «корпорации» определяет различные структуры – от оппозиционных партий до этнонациональных объединений. Они могут быть альтернативными официальной среде, служить основой протестных или сепаратистских движений. Важно определить степень и ресурсы влияния корпоративных идентичностей;

2) каждое государство обладает определенным набором общих качеств: политическая система, монополия на легитимность и применение силы, суверенитет, государственный народ, силовые структуры. Каждое государство имеет общую мотивацию своих действий, которая выражается прежде всего в обеспечении государственной безопасности, социальной политики, идеологии государственного патриотизма, политическом лидерстве. Государственные идентичности обладают этими качествами независимо от политического режима. Но «культурная селекция», выбор приоритетов и ценностных установок зависят напрямую от исторического опыта, положения государства в системе международных отношений. Соответственно, полностью совпадающих коллективных идентичностей в мире не существует¹¹;

3) коллективная идентичность в международных отношениях реализуется на двух уровнях. Микроуровень – «государство в себе» и «для себя» и макроуровень – государственный имидж в мире. Процесс восприятия «Себя» и «Других» чрезвычайно важен, только при контактах с другими игроками и структурами рождается понимание собственной уникальности и значимости. Для конструктивистов особое значение приобретает изучение дискурсов «Других», модели взаимодействия с «Другими», поскольку именно эти контактные процессы создают матрицу собственной коллективной идентичности;

4) в соответствии с конструктивистским подходом система международных отношений понимается в философско-историческом смысле не как материальный мир, а как многоуровневая социальная структура. Такой подход позволяет высветить роль насилия в международной политике и ролевые функции таких основополагающих понятий, как «друг», «враг», «соперник», «конкурент», «союзник»¹².

Итак, вслед за А. Вендтом сторонники конструктивистского подхода ввели понятие «коллективная идентичность» в исследования международных отношений. Но они были не единственными. Разработанное в лоне социальных и культурологических теорий, это понятие легло в основу новых «мейнстримов» во всех гуманитарных науках в 1990-е гг. Не только конструктивисты, но и постструктуралисты активно стали его использовать для анализа моделей политического поведения. В настоящее время сложно, на мой взгляд, провести разграничение между постструктурализмом и конструктивизмом. Отличие проступает в различном понимании исторического континуитета. Конструктивисты нередко абсолютизируют роль исторических форм идентичности и их влияние на современные процессы, в то время как постструктуралисты большее внимание уделяют «структурам господства» и факторам мирового влияния. Тем не менее стоит еще раз подчеркнуть, что грани между двумя этими направлениями прозрачны и многое зависит от степени увлеченности того или иного автора теоретическими построениями или эмпирическими исследованиями. Правда, конструктивистский подход дает больше возможностей для теоретизирования, что нередко приводит к умозрительным конструкциям, не подкрепленным фактическим материалом. В частности, приверженцев этого направления обвиняют в излишнем увлечении «историей эмоций», когда допускаются слишком вольные интерпретации образов в общественном сознании. Теоретическое конструирование «дискурсов» и «контентов» действительно таит опасность умозрительных схем, которые распадаются как карточные домики под влиянием эмпирических знаний. Подобные случаи происходили в историографии, особенно в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда этот подход только пробивал себе дорогу. Общая трудность, с которой сталкиваются конструктивисты, заключается также в приращении конкретных фактических доказательств. Они теряются в «джунглях» различных контекстов. Иными словами, одни и те же источники в разных интерпретациях могут служить доказательством даже совершенно противоположных по сути теорий. Острые дискуссии в 1990-е гг. заставили целые школы конструктивистов в Скандинавских странах, США, Великобритании и Франции перейти к более тщательному и скрупулезному анализу источников. В настоящее время конструктивисты декларируют, что исходят из реалистичного видения международных отношений и придают большое значение источниковедческому анализу¹³.

Однако за фасадом критики и скептического отношения к многослойным теоретическим построениям важно помнить о глав-

ном. Конструктивисты осуществили прорыв в осмыслении роли идентичности в международных отношениях и разработали своего рода матрицу исследования взаимодействия «Я/Другой», которая эффективно применяется различными национальными школами международных исследований уже несколько десятилетий. Пионерами стали американцы. Первоначально в американской историографии внедрение культурологических методик было воспринято критически сторонниками исключительно «архивного» взгляда на историю международных отношений. Однако возрастало и скептическое отношение к дипломатической истории, которая, достигнув пика в нарративных описаниях, словно застыла в своем развитии. На фоне лингвистического поворота в историографии и повального увлечения междисциплинарностью интерес к внешнеполитическим процессам существенно снизился, что дало повод говорить о кризисе истории международных отношений в конце 1980-х гг. Конструктивистский подход как нельзя лучше помог заполнить эту методологическую лауну. В центр внимания американских научных дискуссий были вынесены темы о «своих» и «чужих» дискурсах в политической культуре, их взаимосвязанности с внешней политикой¹⁴.

Определенный вклад в осмысление символического взаимодействия «Я/Другой» внес Майкл Дж. Шапиро, который применил текстуальный анализ для конструирования политической идентичности. На примере трактата Клаузевица «О войне» он показал, что отношения «Я/Другой» должны изучаться в исторической ретроспективе для качественного анализа временных и пространственных параметров. М. Шапиро сравнил героические нарративы военного времени, в которых обнаружил гораздо больше маркеров отличия «Своих» и «Чужих», чем в мирное время. Он доказал, что идентичность «Я» воюющего общества формируется в жесткой конфронтации с образами «Других». Но коллективная консолидация «Я» невозможна без противопоставления «Другим» в поле напряжения человеческих страхов и эмоций, вращающихся вокруг жизни и смерти. Только через эту символическую конфронтацию происходят политическая легитимация собственных действий и героизация «Я»¹⁵.

Еще больший интерес представляет монография Дэвида Кэмпбелла «Безопасность через прессу: международная политика Соединенных Штатов и политика идентичности». В ней был проанализирован процесс конструирования идентичности из непрерывной паутины медийных дискурсов, в которых неизменно американское «Я» разыгрывалось через взаимодействия с «Другими»¹⁶. Д. Кэмп-

белл доказывал, что базовым кодом американской идентичности является «государство *par excellence*» – образцовое государство, сотворенное иммигрантским сообществом. Не обладая традиционными для Европы компонентами коллективной идентичности (национальной территорией, историей, титульной нацией), американцы компенсируют это сравнительными практиками с «Другими». Иными словами, для укрепления уверенности в собственной эксклюзивности страна постоянно подыскивает государства (или коллективы), чтобы сделать их «Другими». Это отмежевание или отграничение «Я» Соединенных Штатов от неамериканских «плохих Других» диктуется глубокими потребностями многосоставного сообщества в консолидации и утверждении его глобального лидерства. Соответственно, Д. Кэмпбелл рассматривает холодную войну как «борьбу за производство и воспроизводство идентичности». Он скептически оценивал еще в 1992 г. утверждение, что холодная война закончилась вместе с распадом СССР и Восточного блока. Пусть «объекты стратегий создания “Другого” уже не представляются в глазах американцев потенциальными врагами», но их трансформация не изменила требований к идентичности в сопоставлении с враждебными «Другими». Только вместо СССР стали создаваться новые дискурсы «Других» – Ирака, Аль-Каиды, Северной Кореи, Ирана, персональные демонические образы «Милошевича», «Садама Хусейна», «Бен Ладена» и др. С конструктивистской позиции холодная война для США должна быть понята «как дисциплинарная стратегия, глобальная по масштабу, но национальная по своей сути»¹⁷.

Таким образом, конструктивисты показывают неразрывную связь между внешнеполитическими стратегиями государств и процессами формирования коллективных идентичностей. Если структуралисты пытаются объяснить, почему происходят трансформации систем международных отношений, то конструктивисты стремятся выявить внутренние механизмы этих процессов. Выдвигая на первый план феномен «идентичностей», они, по сути, разрушают методологическое разграничение политики на «внешнюю» и «внутреннюю». Внешнеполитические стратегии в их понимании являются производными от внутренних потребностей сообществ в консолидации. «Я» осознается только через практики сравнения – отторжения – сотрудничества – дискриминации – конкуренции с «Другими»¹⁸. Таким образом, у каждого игрока понимание своих интересов и, соответственно, моделей поведения складывается из совокупности устойчивых представлений о собственной идентичности в сопоставлении с обширным историческим опытом взаимо-

действия с «Другими»¹⁹. Изучение внешней политики с помощью культурологических методов получило широкое распространение во французской школе международных исследований²⁰. Не менее интересен опыт соединения постструктуралистского и конструктивистского подходов в скандинавской школе международных отношений. В 2004 г. была переведена на русский язык книга одного из лучших ее представителей Ивэра Нойманна «Использование “Другого”», ставшая заметным явлением в научной среде²¹.

И. Нойманн признает, что в основе методологии постструктуралистов и конструктивистов лежит концепция «диалогизма» М. Бахтина, которая «может стать, по крайней мере, лучшим исходным пунктом исследования формирования коллективной идентичности». Теоретические размышления Бахтина о символическом взаимодействии «Я/Другой», гносеологических и онтологических основах «диалога культур» заинтересовали континентальные школы международных отношений в 1960-е гг. Но тогда магистральные исследования «модерности» больше концентрировались на социальных теориях нации и национализма²². Новое открытие уникальной русской школы «диалогизма» произошло уже в 1990-е гг., когда начались острые дискуссии по вопросам взаимозависимости идентичности и внешней политики. И. Нойманн попробовал соединить в своей концепции традиции школы Бахтина и западные постмодернистские подходы. В главе «Международные отношения “Я/Другой”» он показал, что «Бахтин сыграл блестящую эпизодическую роль, не будучи процитирован» в разработке конструктивистского подхода²³. И. Нойманн во многом следует методам М. Шапиро и Д. Кэмпбелла, но ставит вопрос о нормативной ответственности исследователей, когда их результаты используются для развертывания дискурса «Другого»: «Интеграция и исключение – две стороны одной медали, поэтому вопрос здесь не в самом факте, что исключение имеет место, но в том, как оно происходит. Если ценой интеграции становится активное создание «Другого» – это слишком высокая цена»²⁴.

Для нас особый интерес представляет глава «Создание Европы: русский “Другой”», в которой И. Нойманн рассматривает исключительное значение дискурсов русского «Другого» для формирования европейской идентичности. Как во многих конструктивистских исследованиях, хронологический диапазон – от средних веков до современности. Но такая пространственная и временная широта позволила автору отказаться от частных и сфокусировать внимание на континуитете в восприятии России среди европейцев. Он приходит к глубоким, но небесспорным выводам.

Во-первых, включение России в Европу как необходимого компонента баланса сил имело определенные пределы. В европейских дискурсах всегда сохранялась инерция рассматривать Россию как державу, стремившуюся к гегемонии («силу, вторгшуюся снаружи внутрь»), своего рода «варвара у ворот», страну не полностью европейскую, с сильной азиатской основой, «бастион ультраконсерватизма»²⁵. Отсюда глубоко укоренившийся конфликт между образом опасного государства, стремящегося к мировому господству, и представлением о стране, имеющей законное право на статус великой державы. Менялись исторические эпохи, но эта ментальная раздвоенность европейцев в восприятии России только углублялась. Стратегический дискурс XIX в. сменился дискурсом холодной войны, ставшим частью повседневной политики. Чем актуальнее в международных отношениях стоял вопрос о консолидации Запада, тем больше усилий и энергии затрачивалось на поддержание репрезентации об очень опасном «Другом» – СССР²⁶.

Во-вторых, в европейских представлениях о России начала 2000-х гг. И. Нойманн выделил *обучение* как доминирующий аспект: «В России зачастую видят ученика, перенимающего европейские политические и экономические практики»²⁷. Россия выступает в роли *ученика Запада* и одновременно *потенциального отступника*. Предполагалось, если Россия будет учиться «хорошо», то потенциальная угроза, которую она представляет, будет уменьшаться. Безусловно, идея «обучения» исключала наличие равенства в балансе сил в мире. Речь шла об «исправлении» России, поэтому в стратегических дискурсах Запада она не рассматривалась как полноправная великая держава, а великая держава по милости ЕС и США²⁸. Реакция Москвы на расширение ЕС и НАТО трактовалась тоже как экзамен на политическую зрелость. В какой мере русские осознали, что эти институционализации европейского и западного «Я» не являются и не могут являться потенциальной угрозой для России? Анализ европейской интеллектуальной традиции приводит И. Нойманна к выводу, что на протяжении последних 500 лет «безотнositельно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные), Россия неизменно рассматривалась как аномалия»²⁹.

В-третьих, не одна Россия конструировалась в образе «Другого» на границах Европы. Но лишь Россия столетиями, начиная с петровского времени до современности, воспринималась как только недавно «прирученная», «только недавно цивилизованная», «толь-

ко недавно ставшая частью Европы»³⁰. Почему дискриминационная модель восприятия России столь глубоко укоренена в западной культуре? Само существование гигантского евразийского государства с очень сложной судьбой, но с высокой степенью устойчивости к внутренним и внешним угрозам уже является вызовом для западного сообщества. Опыт мировой политики показывает, что опасность всегда живет на границах. Пока образ России конструируется как пограничное явление, она обречена быть в западных представлениях опасным пограничным «спутником» Европы.

Конечно, российская тема занимает заметное, но не приоритетное положение в международных дискуссиях о мировом порядке. На мой взгляд, здесь нет сгущения красок, скорее автор пытается с помощью конструктивистского метода объяснить двойственность образа русского «Другого» для европейской идентичности и необходимость его воспроизводства для американской идентичности. Само слово «идентичность» – сложное и трудноуловимое. Оно подразумевает множество интерпретаций. Любой конструктивист рискует быть обвиненным в том, что акцентирует внимание лишь на доминирующих репрезентациях «Я/Другой», а на самом деле существуют различные второстепенные и маргинальные модели восприятия, не менее важные для создания общей картины. И в этом заключается еще одна опасность применения одного только конструктивистского подхода, поскольку идентичности текучи и изменяемы, а потому амбивалентны. За теоретическими построениями конструктивистов нередко пропадают реальный политический процесс, структурные трансформации, конкретные экономические и геополитические стратегии. В сфере высокой политики образы «Другого», безусловно, оказывают воздействие, но они не подменяются прагматичными интересами, когда это становится выгодным. В то же время конструктивистский подход дает нам возможность уловить длительные тенденции в восприятии «Я» и «Других», понять эту метафору о «России – ученике и одновременно отступнике Запада», который столетиями готовится влиться в Европу и остается бесконечно от нее далеким. Как во множестве зеркал, мы можем видеть свой образ в разных ракурсах и с разной степенью искажения. Но идентичности вряд ли когда-нибудь смогут подменить реальные интересы и стратегии держав в данной конкретной ситуации, когда необходимо принимать ответственное решение. Только в сочетании с постструктуралистским и реалистическим подходами можно выработать, на мой взгляд, системное видение международных проблем.

Примером блестящего комплексного применения этих подходов является книга известного немецкого историка-международни-

ка Юргена Остерхаммеля «Превращение мира. История XIX в.»³¹. Он признает, что написал ее в полемике с Кристофером Бейли, чей труд «Рождение современного мира 1780–1914 гг.: глобальные связи» был издан в Оксфорде в 2004 г.³² Оба фундаментальных исследования посвящены истокам современной глобализации, затрагивают «вечные» для XIX в. темы колониализма и империализма, наций и империй. Сравнительный анализ обоих текстов не ограничивается историческими методами. Скорее это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересуют прежде всего темы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создает масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов. XIX век был по сути «веком Европы», «наиболее европоцентричным», поэтому он предлагает читателям обобщающий «портрет эпохи»³³.

В отличие от К. Бейли, тяготеющего к структурализму, Ю. Остерхаммель сознательно избегает жестких хронологических рубежей и демаркационных линий между эпохами. Для него XIX век – «изменяющаяся историческая реальность», которая в одних случаях нам близка, в других – так же далека, как Атлантида. Отказываясь от пространственных и временных разграничений, он ставит в центр внимания эпохально значимые процессы, в которых видит континуитетные линии, пронизывавшие все эпохи вплоть до современности. Ю. Остерхаммель критически относится к стремлению структуралистов во всех процессах находить «коды целостности» и выстраивать логичные ряды мирового развития. Гораздо важнее для него описать изменения в исторической реальности в их спонтанности, своеобразии, изначальной неинтегрированности. Ему удалось на основе синтеза разных методологических подходов (при значительном влиянии конструктивизма) сформировать новый взгляд на международный мир XIX в.

Особый интерес представляет VIII глава, где автор сравнивает империи и национальные государства от макроуровня (дипломатия великих держав и империалистическая экспансия) до микроуровня (как жилое в империях). Она связана по смыслу со следующей главой «Система великих держав, войны, интернационализмы», в которой рассматриваются пути развития системы международных отношений, политические инструменты и культурные трансферы, «интернационализмы и нормативная универсализация». Это многоплановый диалог со временем, в котором неизменно проступает современность, поэтому Ю. Остерхаммель уделяет столь пристальное внимание исторической памяти, запечатленной в архивах и об-

щественном сознании, процессам «кодирования / селекции / забвения» отдельных явлений и событий в общественном сознании. Он ставит важный вопрос: насколько современная реальность (национальные, политические, экономические факторы) влияет на понимание «исторической правды»?..

Вместо вывода. Значение конструктивизма в исследовании международных процессов трудно переоценить. Он открывает новые возможности для анализа внутренних пластов внешней политики, ее социальной и ментальной мотивации. Если кратко определить предмет исследования, то это «культура международной среды», которая определяется как совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственными ценностными установками и исторической индивидуальностью. Модели взаимодействия социальных общностей на государственном, макрорегиональном и глобальном уровнях, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении. Все громче звучат мнения, что теория международных отношений не успевает за динамикой реальных процессов. Неудивительно, что границы между основными методологическими подходами стираются, ученые пытаются сквозь междисциплинарные ракурсы осмыслить динамику и качество развития современных процессов. Но в новых методологических сплавах пока не рождаются универсальные методы, позволяющие понять и объяснить стремительно меняющийся мир или хотя бы снизить нарастающий в нем потенциал агрессивности.

Примечания

- ¹ Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М., 2000. С. 221–222.
- ² Бородавкин С.В. Гуманизм и гуманность как два языка культуры. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр, 2004. С. 11–60.
- ³ См. подробнее о трех волнах великих дебатов: *Thies C.G.* Progress, History and Identity in International Relations Theory – The Case of the Idealist-Realist Debate // *European Journal of International Relations*. 2002. № 8/2. P. 147–186; *Copeland D.C.* The Constructivist Challenge to Structural Realism // *International Security*. 2002. № 25. P. 187–212; *Lapid Y.* The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era // *International Studies Quarterly*. 1989. № 33. P. 235–254.

- ⁴ См. подробнее: *Theorien der Internationalen Beziehungen* / Hg. von S. Schieder, M. Spindler. Opladen, 2003. S. 5–10.
- ⁵ *Ulbert C. Sozialkonstruktivismus // Theorien...* S. 391–420.
- ⁶ *Onuf N. World of Our Making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations.* Columbia, SC, 1989.
- ⁷ *Onuf N. Constructivismus: A User's Manual // International Relations in a Constructed World / Ed. by V. Kubalkova, N. Onuf, P. Kowert.* Armonk; N. Y., 1998. P. 58–78.
- ⁸ *Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization.* 1987. № 41/3. P. 335–370; *Idem. Social Theory of International Politics.* Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 1999. P. 165–178.
- ⁹ *Wendt A. Anarchy is What States Make of It // International Organization.* 1992. № 46/2. P. 394.
- ¹⁰ *Wendt A. Levels of Analysis vs. Agents and Structures: Part III // Review of International Studies.* 1992. № 18. P. 181–185; *Idem. Social Theory of International Politics.* P. 47–92, 313–321.
- ¹¹ *Checkel J.T. Norms, Institutions and National Identity in Contemporary Europe // International Studies Quarterly.* 1999. № 43. P. 84–114.
- ¹² *Wendt A. The Agent-Structure Problem... P. 335–370; Campbell D. Writing Security. United States Foreign Policy and the Politics of Identity.* Manchester: Manchester University Press, 1992.
- ¹³ *Jackson P. Constructing Thinking Space: Alexander Wendt and the Virtues of Engagement // Cooperation and Conflict.* 2001. № 36/1. P. 109–120; *Kratochwill F. Constructing a New Orthodoxy? Wendt's "Social Theory of International Politics" and the Constructivist Challenge // Millennium.* 2000. № 29. P. 73–101.
- ¹⁴ *Hunt M.H. Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende // Ibid.* S. 78–82.
- ¹⁵ *Shapiro M.J. Reading the Postmodern Polity: Political Theory as Textual Practice.* Minneapolis, MN: Minneapolis University Press, 1992. P. 460.
- ¹⁶ *Campbell D. Op. cit.* P. 259.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 195, 171–173.
- ¹⁸ *Checkel J.T. The Constructivist Turn in International Relations Theory // World Politics.* 1998. № 50. P. 324–348.
- ¹⁹ *Wendt A. Social Theory of International Politics... P. 47; The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Ed. by P. Katzenstein.* N. Y.: Columbia University Press, 1996; *Jackson P. Op. cit.* P. 109–120.
- ²⁰ *Soutou G.-H. Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen // Internationale Geschichte: Themen-Ergebnisse-Aussichten / Hg. von L. Wilfred, J. Osterhammel.* München: Oldenburg Verlag, 2000. S. 42.
- ²¹ *Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова.* М.: Новое издательство, 2004.

²² Нойманн И. Указ. соч. С. 37–41.

²³ Там же. С. 51.

²⁴ Там же. С. 69–70.

²⁵ Там же. С. 127–135.

²⁶ Там же. С. 140–148.

²⁷ Там же. С. 145.

²⁸ Там же. С. 152.

²⁹ Там же. С. 153.

³⁰ Там же. С. 154.

³¹ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck OHG Verlag, 2009. 1568 s.

³² Bayly C. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Oxford, 2004.

³³ Osterhammel J. Op. cit. S. 16.

КОММУНИКАЦИЯ И ЯЗЫК В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОСОЮЗА

Статья представляет собой попытку обобщения взглядов зарубежных специалистов в области политологии, социологии и лингвистики на проблему взаимоотношений языка и политики в рамках транснационального политического пространства Евросоюза.

Определяя сущностную природу того, что представляет собой *политическое пространство*, автор предлагает анализ ряда нетождественных точек зрения на роль языка в создании и развитии *европейской публичной сферы*.

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что доминантное положение английского языка в политическом публичном пространстве Евросоюза не способствует развитию основ для политической когезии, так необходимой для создания единой коммуникативной системы ЕС.

Ключевые слова: Евросоюз, коммуникация, транснациональное политическое пространство, языковая политика, lingua franca.

...Никакие два феномена не оказываются в таком зримом, иногда зримом до парадоксальности отношении, как язык и политика.

А.М. Пятигорский (из лекции)

Сложности проведения языковой политики, с которыми нередко сталкивается Евросоюз, тесно связаны с сугубо политическим характером этой организации, ибо в европейском транснациональном пространстве именно она наделена всей полнотой власти принятия политических решений.

Невозможно переоценить значимость тех политических процессов в Евросоюзе, которые имеют непосредственное влияние на жизнь европейцев. Но как обстоят дела с коммуникативным посредничеством в политике ЕС? Постоянные жалобы на работу Евросоюза связаны с тем, что равнодушие политических акторов европейского правления к результатам этого самого правления объясняется как недостатком информации о деятельности ЕС, так и отсутствием прозрачности принятия политических решений в Брюсселе. Таким образом, проблема, с которой постоянно сталкивается Евросоюз, объясняется недостаточным уровнем общественной осведомленности в отношении политических задач и действий Евросоюза, что вызывает справедливое недоверие граждан стран-участниц ЕС к этой организации. До какой степени эта проблема может быть отнесена к языковой политике ЕС? Отвечая на этот вопрос, следует учитывать необходимость наличия связи между формированием политического решения и доведением его до общественности в целях создания транснационального пространства под названием *Европейская политическая публичная сфера*.

Итак, каким образом вопросы языка влияют на появление такого пространства? В нашем контексте сама категория *политического публичного пространства* понимается как сочетание посреднических структур по формированию свободного мнения, которые [структуры] делают легитимным политический порядок, вынося на суд граждан процесс принятия того или иного политического решения. Публичное пространство как таковое является ключевым структурным элементом политики в любом демократическом конституционном государстве, и в создании подобного пространства далеко не последнюю роль играет язык. Заметим, что проблема того, как могла бы быть организована коммуникация в политическом сообществе ЕС на базе множественности языков, стала центром повышенного внимания всех тех, кто принимал участие в дебатах по заключению Маастрихтского договора (официально «Договора о Европейском союзе») 1993 г. Выдающийся теоретик конституционализма Дитер Гримм проводит прямую параллель между своим тезисом о том, что ЕС не хватает истинных основ демократической легитимации, и вопросами языка. По мнению Гримма, «значимость языкового фактора для европейской демократии часто недооценивается частично потому, что в европейском сознании преобладает то понятие *демократии*, которое ограничено пространством формирования общественного мнения... а частично от неспособности политических акторов в Европе осознать зависимость демократии от возможности коммуникации (а значит, и

языка. – И. А.). И примеры таких многоязычных государств, как Швейцария, Бельгия и Финляндия, не отрицают этого. Швейцария, например, сформировала свою национальную идентичность задолго до конституализации и связывает с ней [идентичностью] свой многоязычный политический дискурс... При этом отсутствие в Европе своей коммуникативной системы, главным образом из-за языкового разнообразия, будет иметь весьма негативные последствия, а именно: в реально обозримом будущем в Европе не будет политического дискурса»¹.

Вопроса публичного пространства касается и Юрген Хабермас, утверждая, что невозможно существование демократического европейского федеративного государства, «если охватывающая всю Европу интегрированная публичная сфера не развивается в пределах/границах общей политической культуры, куда входят неправительственные организации, гражданские движения и, конечно, соответствующая европейскому пространству партийная система. Все это требует наличия публичной коммуникации, которая выходит за рамки ныне существующей ограниченной национальной публичной сферы»².

В отличие от Гримма Хабермас считает, что цель создания публичной сферы в ЕС может быть достигнута лишь с привлечением соответствующих политических институтов. К вопросу же языка Хабермас обращается как бы походя, пренебрежительно называя английский «вторым первым языком» европейцев³. Тем не менее он вновь поднимает вопрос языка во время европейских конституционных дебатов, более детально разъясняя свою позицию в этом вопросе. Хабермас начинает с того, что заявляет главную политическую функцию инфраструктуры публичной сферы в демократическом государстве – «превратить соответствующие общественные проблемы в темы наибольшей значимости и позволить широкой публике касаться этих тем, высказывая свою (положительную или отрицательную) точку зрения на уже высказанные мнения»⁴. При этом Хабермас признает, что на транснациональном уровне такой площадки по созданию общественной воли пока не существует. В связи с этим он предлагает, чтобы национальные публичные сферы создавали общую коммуникативную сеть, при этом оставляя неповрежденными свои внутренние механизмы коммуникации. Призывая относиться уважительно к языковой автономии определенных форумов по политическим коммуникациям, Хабермас выражает надежду, что английский как «второй первый язык» будет преобладать, поскольку именно он традиционно выступает адекватным средством общения в ЕС⁵.

По мнению большинства европейских исследователей в области коммуникаций постулат «английский язык как второй», выдвинутый Хабермасом, далеко не всегда соответствует жизненным практикам большинства населения Европы. Интеграция английского языка в европейское сообщество со всей очевидностью является собой процесс политического доминирования. Следовательно, анализируя возможные формы организации транснационального публичного пространства, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что включение в политическую повестку дня вопросов языка создает возможность будущих конфликтов.

Заслуга обоих авторов состоит в их попытке включить вопросы языка в анализ политических коммуникативных структур ЕС (все, кто делали это после них, так или иначе повторяли выводы, сделанные в свое время Гриммом и Хабермасом). Нормативные трудности языкового плюрализма при создании всеохватывающего пространства политической коммуникации (идея Гримма) вряд ли могут быть преодолены средствами моделирования гомогенного национального государства. Однако стратегия внедрения английского языка (как второго) при попытке создания политического публичного пространства, но без признания политически противоречивого характера развития соответствующей коммуникативной инфраструктуры, может в лучшем случае актуализировать слабый импульс для формирования транснациональной политической культуры, призванной сглаживать диверсифицированность языковых идентичностей.

Политическое пространство в многоязычных контекстах

Проблемы *политического публичного пространства и языка* не следует рассматривать исходя из принципа конгруэнтности. Однако в какой-то степени можно говорить и о пересечении или, точнее сказать, наложении этих двух понятий. Коммуникативный обмен политическими дискурсами неизменно связан с языковыми средствами. Таким образом, еще до того, как будет иметь место политическая коммуникация, необходимо заранее определить те языковые каналы, через которые она будет осуществляться. Само положение может на первый взгляд показаться тривиальным, но в контексте многочисленных языковых дифференциаций оно таковым не является, поскольку решение о том, как будет проходить коммуникация, уже само по себе можно считать политическим.

Чтобы пролить некоторый свет на связь языкового многообразия и организации публичного пространства в развивающейся транснациональной политике, вновь обратимся к опыту Евросоюза. Европарламент должен позиционироваться как основной форум для публичного представления соответствующей позиции на существующие вопросы политики ЕС. Но осведомленность о деятельности Европейского парламента в Страсбурге далеко не достаточна для того, чтобы можно было объективно судить о работе парламента каждого государства-члена ЕС. Некоторая утомленность политикой как будто бы заразила большинство европейских демократий и стала еще более заметной в процессе формирования общественного мнения на транснациональном уровне. Это не могло не сказаться на качестве работы Европарламента: его вклад в процесс ознакомления широкой публики с основными выводами по принятию решений расценивается ведущими политологами и политтехнологами Европы как более чем скромный.

Очевидно, что такая низкая оценка деятельности ЕС как публичного форума для актуализации транснационального политического дискурса связана с проблемой *языковых барьеров*. Причина? Языковое многообразие. Сложно предположить, как можно проводить оживленные политические дебаты на одиннадцати (!) языках. Как следствие – вклад парламентариев в работу ЕС ограничен короткими заявлениями-монологами. Время говорящего также строго лимитировано в связи с необходимостью координации выступления с синхронным переводом. В результате пленарные заседания ЕС превращаются в жестко регламентированный ритуал, в процессе проведения которого безоговорочное доверие к традиционному переводу почти не оставляет места для демонстрации свободы политической риторики говорящего.

Настоящая работа делегатов, таким образом, осуществляется не на пленарных заседаниях (как принято считать), а на встречах в многочисленных комитетах и рабочих группах, которые и формируют процесс принятия парламентских решений. Здесь многоязычие, сводимое к двум языкам общения (английскому и французскому), де-факто становится главным коммуникативным режимом для делегатов. Те, кто не владеет в достаточной степени одним из этих двух языков, находятся в зависимости от своих более компетентных в этой области коллег и их возможности общения в неформальной обстановке всегда резко ограничены. Владеющий лишь своим родным языком делегат (при условии, что это не английский или французский язык) обречен на молчание по большинству профессиональных вопросов, которое в конце концов

приравняется к его политической никчемности. Именно в связи с этим знание иностранных языков выступает важным критерием приема на работу в Комиссию ЕС. Следует, однако, оговориться, что сделать знание языков критерием отбора при найме на работу политических представителей означает создать большую проблему, но уже нормативного характера. И тем не менее проблема языка в работе Европарламента выступает как наиважнейшая. Для большинства делегатов воздействие на процесс волеизъявления предполагает высокий уровень иноязычной компетентности. Но фактические различия в статусе официальных языков ЕС и соответствующее (зависящее от этих различий) неравенство возможностей политической коммуникации остаются вопросом, запрещенным к обсуждению в Европарламенте. Именно здесь снова замыкается пространство, связующее язык и политическую публичную сферу. А если конкретно, то коммуникативные аномалии парламентской публичной сферы на европейском уровне в значительной степени производны от того факта, что Европарламент не играет роли того представительного классического органа, который был бы местом столкновений между правительством и оппозицией. Его *modus operandi*, по сравнению с Советом ЕС, приспособлен скорее под представительский, а значит, в немалой степени подчиненный, статус и не делает этот страсбургский институт местом проведения актуальной транснациональной политики.

Проблема политической коммуникации на уровне Европарламента – это всего лишь вершина айсберга, демонстрирующая, как медленно формируется дискурсивно интегрированная сфера среди представителей политической элиты. Но еще более сложный процесс в сфере транснациональной массовой коммуникации связан с созданием общего публичного пространства, включающего процедуру принятия политических решений. В ЕС дифференциация внутри сферы политической коммуникации, основанная на инфраструктуре массмедиа, отражает границы, разделяющие национальные государства и языковые сообщества. С одной стороны, ЕС уже озвучивались инициативы по созданию единого европейского аудиовизуального пространства путем продвижения кино- и телепродукции стран-участниц ЕС. Их цель – инициировать кросс-культурный диалог и способствовать сохранению культурного наследия. В отличие от этих инициатив тема «информационного общества», зафиксированная недавно в повестке дня Еврокомиссии, связана прежде всего с выработкой единого евростандарта для внедрения телекоммуникационных систем и новых информационных технологий. Показательно, что и в том и в другом случае

вопросы политической коммуникации в более узком смысле были исключены из повестки дня ЕС.

Очевидно, что мы слишком мало знаем о том, как, в соответствии с какими правилами действует политическая коммуникация в многоязычных демократиях. Было бы полезно составить эмпирические модели, освещающие микроструктуры распространения информации в условиях культурных и языковых различий. Здесь мы непременно столкнулись бы с проблемой, которая характерна для отношений между коммуникацией и политикой, а именно: язык выступает экзогенным (исходящим извне) фактором в политическом процессе. Тем не менее выявление условий коммуникативного понимания уже само по себе – политическая проблема. Даже в условиях культурной гетерогенности демократическая публичная сфера должна обладать способностью продуцировать основу для политической когезии, детерминируя концепцию всеобщего блага, неважно, насколько уязвимой и недолговечной она (когезия) окажется. Можно предположить, что в многоязычных демократиях такая модель будет воплощена посредством группирования (англ. *nesting*) и коммуницирования акторов – выходцев из гражданского и/или политического общества. В этой связи в высшей степени релевантными оказываются межкультурные медиативные процессы, а буквально – трансляции более или менее однозначно понимаемых смыслов, облаченных в разную языковую форму.

Ввиду тех тенденций, которые наблюдаются в сфере транснациональной коммуникации, существует опасность сдвига в сторону вертикального распределения информации (снизу вверх) вместо горизонтального обмена ею. По мнению Петера Крауса, эта опасность сигнализирует о том, что представители элиты и экспертное сообщество будут изолированы и заблокируют пространство принятия политических решений, превратив его в закрытые форумы, от участия в которых большинство граждан будут просто отстранены. Эта ситуация серьезно подрвет нормативную силу проекта интеграции, а сам проект лишится весомых оснований, поскольку политика, как и язык, имеет как экспрессивное, так и инструментальное измерение. Интегрирующая сила политического порядка в конечном итоге зависит от того, насколько понятными для широких гражданских слоев становятся разворачивающиеся на «публичной арене» политические события, представленные в символически-драматической форме. Но даже если политический перформанс успешно «доходит» (экспрессивное измерение политики), без широкого (англ. *encompassing*) коммуникативного контекста интегративная сила политики (инструментальное измерение) представляется малоэффективной⁶.

Европейский лингвистический ландшафт и языковая политика ЕС

Как следует оценивать языковые основы транснациональной коммуникации в Европе? Другими словами, как знание языков – и прежде всего иностранных языков – дистрибутируется в ЕС? Насколько компетентны люди, живущие в странах ЕС, в области соответствующего иностранного языка? Как правило, предполагается, что люди, имеющие обязательное среднее образование, приобрели тот минимум языковой компетенции, который необходим им для того, чтобы пользоваться своими гражданскими правами. Если мы рассматриваем языковые предпосылки для использования своего законного права на свободный доступ к информации и коммуникации, то предположение, сделанное нами выше, заслуживает самого пристального рассмотрения. В официальных многоязычных контекстах основной принцип коммуникации предполагает, что принадлежность к той или иной языковой группе не должна означать создание для ее членов каких-либо политических преимуществ по отношению к другой языковой группе. Другими словами, как отмечает Краус, «о своих гражданских правах принято говорить на родном языке»⁷. Во многих случаях эта связь между гражданскими правами и языком проявляется в принципе территориальности. От иммигрантов, которые хотят стать гражданами другой страны, обычно требуется овладение новым для них «политическим языком» этой страны. Данное положение становится абсолютно очевидным в связи с тем, какое огромное значение придается овладению языком в новом законодательстве по интеграции иммигрантов в таких странах, как Германия или Нидерланды.

Допустим, что в контексте гражданства Евросоюза равный статус официальных языков является неким основополагающим принципом коммуникации. В этом случае приходится признать резкое осложнение языковой ситуации в европейском коммуникативном пространстве в целом, поскольку (как мы уже убедились в случае с Европарламентом) транснациональная политическая коммуникация с использованием одиннадцати и более официальных языков равного статуса – чистой воды химера. Ведь для большинства участников транснациональная коммуникация означает коммуникацию на иностранном языке. Но знание иностранного языка далеко не всегда может быть приравнено к уровню владения языком своей страны.

Какие подходы выработаны европейскими организациями в условиях сложившейся ситуации? Известно, что ЕС не обладает

законодательной властью, которая позволила бы ему использовать прямое влияние на языковую политику каждого из государств-членов ЕС. И тем не менее он оказывает значительное, хотя и косвенное, влияние на степень распространения остальных европейских языков внутри ЕС. Например, будущее немецкого языка (как официального языка Евросоюза) целиком зависит от того, насколько успешно немецкое правительство будет способствовать его распространению как систематически используемого рабочего языка в органах управления Евросоюза.

Очевидно, доминантное положение английского языка в политическом пространстве ЕС в меньшей степени можно считать следствием прямого использования политической власти под знаменами Великой Америки и в большей – выражением культурной гегемонии того образа жизни, который навязан нам голливудскими фильмами, роликами с кока-колой или рекламой Макдоналдса. Как бы мы ни относились к распространению английского языка по всему миру, бесспорно одно: как *lingua franca* английский имеет очевидные преимущества перед другими языками, а значит, может быть использован в огромном многообразии коммуникативных контекстов внутри Европы и за ее пределами.

Политический выбор в конвергентном многоязычии

Почему же тогда, несмотря на описанную выше ситуацию, ни политологи, ни историки, ни лингвисты не рекомендуют к использованию в качестве политической стратегии *только английский язык*? Рассмотрим поэтапно четыре причины, каждая из которых затрагивает тот или иной аспект *языка и политики*.

Первая причина. Придание английскому языку официального статуса *lingua franca* нарушает все общественные представления о справедливости. Для огромного большинства граждан Евросоюза английский язык воспринимается как иностранный и по существу является им. Исключение составляют Ирландия и Великобритания, для которых английский – не только родной, но еще и официальный язык коммуникации внутри ЕС. *Европейский английский*, таким образом, оказывается такой же нормативной ахиллесовой пятой, как и *глобальный английский*, но в более широком, мировом контексте: его нейтральность остается в высшей степени спорной. Английский служит своеобразным языковым медумом для достижения взаимопонимания внутри обширных транснациональ-

ных коммуникативных сообществ. Однако расходы, возникающие в связи с появлением интегрированного англоязычного коммуникативного пространства, распределяются в странах ЕС отнюдь не равномерно. Знание английского языка как необходимого средства коммуникации является врожденным правом совсем небольшого количества участников ЕС. Для остальных овладение этим языком – результат огромных интеллектуальных усилий в процессе его постижения. Специалисты в области психолингвистики подсчитали среднестатистические временные затраты, требуемые европейцам для овладения английским языком в целях участия в конференциях и опубликования в научных журналах результатов своих изысканий. В 2001 г. эта цифра перевалила за 10 тыс. учебных часов. Можно лишь гадать, насколько меньше усилий могло бы быть потрачено, если бы образовательная цель сводилась к овладению английским, достаточным для того, чтобы регулярно участвовать в транснациональном процессе политической коммуникации внутри Евросоюза, не более того. Не вызывает сомнений тот факт, что хорошее знание английского языка – важное преимущество в продвижении по служебной лестнице или обязательная предпосылка для получения доступа к высокопрофессиональным специалистам в области академической науки, но все это не делает его широкомасштабной легитимной основой для развития европейского политического публичного пространства.

Вторая причина. Выбор английского языка в качестве медиума политической коммуникации в ЕС уже сам по себе политически значим. Абсурдно было бы считать гегемонию английского следствием глобального заговора на уровне проведения соответствующей языковой политики. И тем не менее несомненным остается тот факт, что своим доминирующим положением английский обязан политико-экономическим властным отношениям, а вовсе не свойственным этому языку внутренним характеристикам. Богатое, многогранное «европейское культурное наследие», часто упоминаемое в официальных документах ЕС, оказывается неизбежно скомпрометированным односторонней привилегией выбора английского языка на уровне языковой политики государств-членов Евросоюза. Для кого-то такого рода *заужение* кажется вполне приемлемой ценой, необходимой к уплате за оптимизацию возможностей общения в транснациональном пространстве. Но, вероятнее всего, политика, направленная на ограничение использования других языков (в пользу английского), сыграет свою роль в воспроизведении политической идентичности, свойственной политическим сообществам.

Третья причина. Успешное распространение английского языка может существенно снизить его потенциал как медиума транснациональной публичной коммуникации внутри Евросоюза. На первый взгляд это звучит парадоксально. Но как отмечают многие европейские специалисты в области речевых коммуникаций, успешная история английского в качестве *lingua franca* в значительной степени – результат множества прагматических расчетов. Мотивы изучения английского языка различны: от получения доступа к определенным источникам информации до использования его в качестве эффективного средства общения в современных массмедиа (включая Интернет). Нет и не может быть возражений против того, чтобы изучать английский, преследуя именно такие цели. Тем не менее остается сомнительным, обеспечивают ли эти мотивы стабильную основу для коммуникативной интеграции того или иного политического сообщества в политическое пространство ЕС. Отпуская скептические замечания в адрес английского языка как идеологически связующей силы культурной глобализации, Микаэль Манн отмечает: «Английский язык успешно развивается в качестве медиума современной публичной коммуникации, но те, кто использует этот язык в бизнесе, вряд ли пытаются на нем шутить или выяснять личные отношения»⁸. Явно ссылаясь на разницу в использовании инструментального и экспрессивного аспектов языка, Манн подчеркивает весьма ограниченную сферу употребления *глобального английского*. В конце концов его точка зрения сводится к тому, что «голая» функциональность (англ. *naked instrumentalism*) английского языка как медиума *глобальной* коммуникации не способствует развитию экспрессивных связей коммуникации *языковой*⁹.

Вывод, который делают в связи с вышеназванным фактом зарубежные ученые, однозначен: если *европейский английский* как региональный вариант *глобального английского* не трансформируется со временем в генерализированную форму разговорного европейского (английского) языка (англ. *Eurospeak*), то следует опасаться, что транснациональному компоненту идентичности будет не хватать признаков коммуникативно генерированной политической культуры в сознании граждан ЕС. Ведь экспрессивные средства языка не исчезнут из политики просто потому, что были запрещены на европейском пространстве. Вместо этого они еще более энергично будут искать (и найдут!) свое место в национальном публичном дискурсе, усиливая таким образом тенденции к ренационализации Европы.

И наконец, *четвертая причина.* Политика, в соответствии с которой только английский язык представляет собой единственное средство коммуникативной интеграции европейских граждан, неизбеж-

но столкнется с возражениями со стороны многоязычной Европы, а те, в свою очередь, приведут к достаточно серьезным языковым и культурным конфликтам. Ведь политическое благословение английского языка на доминантное положение *lingua franca* будет означать прежде всего изгнание из ключевых транснациональных контекстов остальных европейских языков. Тенденция, давно проявившаяся в экономике и науке Европы, в настоящее время подтверждается и на уровне европейской политики. Очевидно, что эта тенденция будет влиять на языковую политику каждой из стран-участниц ЕС. А если это так, то наивно надеяться на то, что роль европейского английского будет ограничена лишь рамками транснационального общения. Вероятнее всего, английский составит серьезную конкуренцию национальным европейским языкам в сфере управления и образования. Не исключено его доминирование в ключевых областях ежедневной коммуникации, что приведет к ниспровержению всех официальных европейских языков (кроме английского) до положения *языков меньшинства* или *местных диалектов*. Если высказываемые европейскими политологами и лингвистами возражения в адрес доминантного положения английского языка справедливы, то остается выяснить, существуют ли альтернативные этой политике стратегии, способные стать основой для коммуникативной интеграции европейских граждан. Постулат, провозглашающий необходимость признать культурное многообразие *политически*, кажется абсолютно безнадежным предприятием в свете представленных только что аргументов. При этом ЕС давно известен своими попытками создать некую модель *конвергентного многоязычия*. Авторы модели не оставляют надежды, что после создания общего для всех европейцев коммуникативного контекста удастся найти, пусть часто и неизбежно нарушаемый, но тем не менее баланс между прагматизмом и уважением к многообразию. Попытки эти пока по большей части безуспешны, поскольку на данный момент Евросоюз не имеет альтернативы решения обсуждаемой языковой проблемы, которая (альтернатива) удовлетворила бы многоязыковую чувствительность (англ. *multilingual sensitivity*) граждан Европы. Но в качестве долгосрочной перспективы специалисты в области речевых практик предлагают создать частично перекрывающиеся коммуникативные *репертуары* (англ. *overlapping communicative repertoires*). Внутри них помимо английского обязательно присутствие и других европейских языков. Сочетание языков в каждом репертуаре в конечном итоге зависит от ряда социокультурных факторов, но особую значимость будет иметь политическая компонента, выражаемая в постоянном лоббировании многоязычия на европейском уровне.

Создание европейских коммуникативных репертуаров, с точки зрения большинства европейских политологов и лингвистов, должно в значительной степени облегчить решение проблемы неравного статуса европейских языков. Политическая карта Европы будет поделена на кластеры (латинский, скандинавский, тевтонский, славянский), в которые войдут страны, имеющие близкое лингвокультурное родство. Языковая и коммуникативная аппроксимация внутри выделенного кластера даст возможность его представителям возможность воспользоваться пассивным билингвизмом, внутри которого коммуникативные партнеры А и Б поймут друг друга, хотя и будут пользоваться в процессе общения разными языками.

Хотя проблема языка должна и может быть решена, руководители ЕС не торопятся ставить ее на повестку дня. В связи с этим создается впечатление, что они надеются на спонтанное возникновение коммуникативно интегрированного гражданского общества, которое возвысит *европейский английский* до положения единственного в политическом пространстве Европы языка. Эти надежды более чем сомнительны. В конечном итоге вопрос о том, *каких* правил коммуникации будет придерживаться европейское общество, менее важен, чем вопрос о том, *как* эти правила будут претворяться в жизнь. От успешного решения второго вопроса будет зависеть, получают ли европейцы возможность активного участия в транснациональной коммуникации с правом свободного языкового выражения.

Примечания

- ¹ *Grimm D.* Does Europe Need a Constitution? // *European Law Journal*. 1995. № 1. P. 296–296.
- ² *Habermas J.* Remarks on Diter Grimm’s “Does Europe Need a Constitution?” // *Ibid.* P. 307.
- ³ *Ibid.*
- ⁴ *Habermas J.* Why Europe Needs a Constitution // *New Left Review*. 2001. № 11. P. 218.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Kraus P.* Between Mill and Hallstein: Some Challengers to Intercultural Solidarity in the EU. Is There a Tension? How Must It Be Resolved? Brussels: Deboeck Univ., 2004. P. 299–314.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Mann M.* Globalization and September 11 // *New Left Review*. 2001. № 12. P. 65.
- ⁹ *Ibid.*

С. Карнер

О КАТЫНИ, РАУЛЕ ВАЛЛЕНБЕРГЕ
И ДРУГИХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Рецензия на сборник статей и материалов:

Христофоров В.С. История страны в документах архивов
ФСБ России. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с.)¹

В рецензируемой книге предпринята попытка рассмотреть некоторые вопросы истории советской России с позиции спецслужб СССР, в том числе и дискуссионные, а также ранее закрытые для исследования темы. Важное место уделено истории политических репрессий и реабилитации их жертв, в том числе австрийских подданных. Одна из актуальных тем книги – история Афганистана XX в.

Ключевые слова: архив ФСБ, архивные документы, рассекречивание, репрессии, реабилитация, Р. Валленберг, Катень, Австрия, Афганистан.

С недавних пор ФСБ России дает историкам возможность ознакомиться с обширным собранием своих архивных материалов. Несмотря на то что некоторые документы по-прежнему остаются закрытыми, так как содержат секретные сведения, массив рассекреченных материалов поражает. На сегодняшний день исследователям представлена для ознакомления значительная их часть. Иностранцы также имеют возможность получить доступ к документам архива ФСБ России, естественно, с учетом ограничений, установленных российскими законами. Рецензируемый сборник статей, выступлений и интервью главы архивной службы ФСБ России, члена австрийско-российской исторической комиссии, историка Василия Степановича Христофорова «История страны в документах архивов ФСБ России» представляет собой очень интересное издание.

Массив изученных документов, а также проведенных за несколько лет исследований и написанных материалов вызывает

уважение. В.С. Христофоров предлагает читателям объемное собрание собственных статей и интервью, посвященных отдельным событиям, в которых история советской России представлена с позиции спецслужб СССР. Издание дает исследователям реальную возможность ознакомиться со взглядами историка российских органов безопасности, в том числе и по спорным вопросам, так как материалы, использованные для написания данных статей и выступлений, представляют собой в основном архивные документы КГБ и его предшественников.

Эта книга не результат реализации специального проекта, а продукт деятельности современной архивной службы ФСБ России, которую автор возглавляет с 2001 г. Под его руководством и при непосредственном участии вышли в свет десятки изданий, позволивших по-новому увидеть советскую историю, а также международные отношения XX в. Достаточно упомянуть такие многотомные серии, как «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934)», «Трагедия советской деревни» и др. Однако многие из них были посвящены какой-то одной проблеме. В данный же сборник вошла значительная часть трудов автора, которые условно распределены по нескольким темам, и работа архива ФСБ России предстает перед нами целиком.

Отнестись к изданию следует с большим вниманием, поскольку его материалы затрагивают широкий круг вопросов, каждый из которых достоин глубокого изучения и жесткого анализа. Книга включает в себя такие в прошлом закрытые для исследования темы, как расстрел органами НКВД десятков тысяч поляков в Катыни (с. 298–302), шпионские скандалы (судьба жены известного советского разведчика Рихарда Зорге) (с. 926–929), деятельность советского Комитета обороны по масштабной эвакуации промышленности страны на восток, преимущественно на Урал (с. 310–319, 341–348), партизанское движение и создание в структуре НКВД специального управления для его организации (с. 320–328, 360–385)², участие советских спецслужб в подготовке и проведении Нюрнбергского процесса (с. 596–598), антиправительственные выступления в ГДР в 1953 г. (с. 735–739)³ и многие другие.

Кроме того, один из разделов издания посвящен «Большому террору» в СССР в конце 1930-х гг. Автор особо отметил заслугу сотрудников архивной службы ФСБ России, которые рассматривают эту работу «как исполнение гражданского долга» (с. 5–6, 814–816). Также в данном разделе помещены материалы о сотрудничестве ФСБ России со спецслужбами других государств по вопросам реабилитации (например, взаимодействие с Комитетом национальной

безопасности Казахстана в 2007 г. (с. 895–901)). В этом же разделе опубликованы интервью о проблемах противодействия фальсификации истории (с. 817–827, 885–894), реабилитации (с. 814–816), рассекречивания (с. 947–954), спорных вопросах истории Второй мировой войны: количестве ее жертв (с. 836–852), деятельности «Смерш» (с. 853–866)⁴, судьбе Гитлера и его останков (с. 876–884).

Некоторые статьи В.С. Христофорова посвящены историям отдельных людей, чьи судьбы были искалечены в тюрьмах Лубянки: историка Мельгунова, политического деятеля Шульгина (с. 50–66)⁵, шведского дипломата Валленберга⁶, спасшего в 1944–1945 гг. в Будапеште десятки тысяч евреев, судьба которого до настоящего времени неизвестна (с. 691–709, 930–935), поэта Мандельштама (с. 902–905), советских и немецких генералов (с. 454–491, 630–652, 710–716) и многих других.

Будучи участником событий в Афганистане 1979–1989 гг., автор не первый раз обращается к истории этой страны⁷. В рецензируемой книге он освещает ее ранее неизвестные страницы: деятельность Восточного отдела Секретно-оперативного управления ОГПУ в 1920-х гг. (с. 202–209), гражданскую войну в Афганистане в 1928–1929 гг. (с. 210–224), а также участие советских спецслужб в афганской войне 1979–1989 гг. (с. 801–807).

Затрагивается и особо важный для многих австрийцев вопрос реабилитации миллионов политических заключенных, военных преступников и интернированных, а также получения доступа к документам ФСБ России в отношении этих лиц. В сборнике представлен целый блок статей, посвященных этим вопросам (с. 663–690). Многие события, рассмотренные в нем, выглядят совершенно по-иному, нежели прежде, особенно если учесть, что статьи написаны на основе ранее закрытых архивных материалов советских спецслужб.

Хранящиеся в архиве ФСБ России документы инспекции советской части союзнической комиссии по Австрии, а также массив архивных уголовных дел на австрийских подданных позволяют с уверенностью сказать, что большинство привлеченных к ответственности лиц действительно были информаторами спецслужб союзнических держав. При этом советское командование рассматривало их как шпионов. После принятия в России закона о реабилитации все эти уголовные дела были пересмотрены, многие австрийские граждане реабилитированы, а дела на них направлены на хранение в архив ФСБ России. Работа по дополнительному исследованию документов в отношении австрийских граждан ведется архивной службой ФСБ России совместно с российско-австрийской комиссией историков.

В рамках совместной работы архивной службы ФСБ России с инициатором этих проектов Институтом по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Австрия) были изданы несколько сборников документов и статей, например «Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955 гг.». В этих сборниках опубликованы и статьи В.С. Христофорова⁸. Одну из своих статей по истории Австрии автор посвятил деятельности австрийской организации сопротивления «О5», возникшей в концентрационном лагере Дахау (с. 536–540).

В целом, оценивая сборник, можно отметить разнообразие тем и исследованных материалов. Конечно, данный труд еще требует некоторой доработки, в частности конкретизации и дополнения содержания. Также, безусловно, необходимо постепенно расширять круг изучаемых вопросов и тем. Очевидно, что в архивной службе ФСБ России активно идет процесс рассекречивания документальных материалов, в связи с чем в ближайшем будущем, вероятно, станет возможной работа с новыми источниками по истории XX в. Так, раздел сборника о событиях 1950–1980-х гг. впоследствии мог бы быть значительно расширен. Немалый интерес для исследователей представляют такие темы, как работа органов КГБ с интеллигенцией и общественными организациями в 1960–1980-х гг., международные отношения СССР, Европы и США в послевоенный период и многие другие.

Появление данного сборника дает возможность представить широкой публике исследования, в которых сделана попытка объективно рассмотреть историю XX в. с позиции советских спецслужб. Это серьезный шаг России в условиях ее современного политического развития и взаимодействия с другими государствами на пути к переоценке событий прошлого.

Примечания

- ¹ См. рецензию на нем. яз.: *Karner S. Das Gemetzel von Katyn // Spektrum. 2014. 11. Jänner. S. 5.*
- ² См. также: *Христофоров В.С. Охота на «Кабана». Советские разведчики и диверсанты в тылу немецких войск // Родина. 2007. № 12. С. 76–83; Он же. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.*
- ³ См. также: *Христофоров В.С. Документы Центрального архива ФСБ России о событиях 17 июня 1953 г. в ГДР // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 73–124.*

- ⁴ См. также: *Христофоров В.С.* Контрразведка «Смерш» Тихоокеанского флота // Морской сборник. 2003. № 9. С. 82–86.
- ⁵ См. также: *Христофоров В.С.* С.П. Мельгунов – пассажир «философского парохода» (1922 г.) // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 119–140; *Он же.* Из тюремного дневника С.П. Мельгунова. 1920 г. // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 106–117; *Христофоров В.С., Репников А.В.* Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 64–111.
- ⁶ О судьбе Р. Валленберга подробнее см.: *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 23, 45, 301–318.
- ⁷ См. также: *Христофоров В.С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47; *Он же.* Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. 320 с.; *Он же.* КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг.: К 25-летию вывода советских войск из Афганистана. М.: Главархив Москвы, 2014. 80 с.
- ⁸ *Christoforov V.S.* Sowjetische Geheimdienste in Österreich Zu den Beständen Zentralarchiv des FSB // Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Beiträge. Graz; Wien; München, 2005. S. 149–160; *Idem.* Zu den Dokumenten über die österreichische Widerstandsbewegung aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes der Russischen Föderation // Widerstand in Österreich 1938–1945. Graz; Wien, 2007. S. 195–212; *Idem.* Kalter Krieg und sowjetische Spionageabwehr in Österreich // Stalins letzte Opfer. Verschleppte und erschossene Österreicher in Moskau 1950–1953 / Hg. von S. Karner, B. Stelzl-Marx. Wien; München, 2009.

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

Н.А. Данилин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ГАЗОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI в.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье выявляются проблемы, с которыми связана выработка общего подхода к достижению энергетической безопасности на общеевропейском уровне. Анализируются наиболее важные аспекты понятия «энергетическая безопасность» и спектр интересов основных игроков по ее достижению. Предпринимаемые Россией и Европейским союзом политические меры рассматриваются с точки зрения влияния, которое они оказывают на перспективы дальнейшего сотрудничества сторон.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетическая политика, газоэнергетика, международный рынок природного газа, сотрудничество России и ЕС.

Особая важность энергетики для экономики, функционирующей в рамках существующих технологических укладов, вполне очевидна. Проблемам обеспечения энергоснабжения поэтому традиционно уделяется повышенное внимание. Особенность же ситуации сегодняшнего дня заключается в том, что теперь ограничения поставок углеводородов (обеспечивающих около 57 % мирового энергопотребления¹) имеют в основном не зависящие от политической конъюнктуры причины.

Объективная нехватка дешевого углеводородного сырья, усугубляемая субъективными причинами, усиливает политизированность проблематики мировой энергетики. Вопросы добычи энергоресурсов, поставок, транспортировки и переработки приобретают

новый смысл. Все чаще экономические и технологические аспекты их решения оказываются на втором плане по сравнению с причинами политического и геополитического характера.

В изменяющихся условиях большинство экономически развитых государств мира, являющихся импортерами энергоресурсов, вынуждены, как пишет К.В. Симонов, «жестко конкурировать друг с другом... локтями пробивая себе дорогу к углеводородам»². Повышаются ставки и для стран-экспортеров: им нужно, с одной стороны, обеспечить приток необходимых объемов инвестиций для разработки собственных месторождений, а с другой – не стать пассивными объектами политики мощных держав. Понятно, что в таких условиях межгосударственное взаимодействие не может не сопровождаться значительным по своему накалу противоборством.

Состояние нестабильности мировой энергетики обуславливает развитие двух противоположных тенденций в этой сфере. С одной стороны, на мировых энергетических рынках усиливается конкуренция между государствами и пользующимися их поддержкой крупными энергетическими концернами. С другой стороны, активизируются процессы сотрудничества. Это происходит как непосредственно между энергетическими компаниями, так и на межгосударственном уровне, где подобные процессы приводят к усилению правового регулирования энергетической сферы. По мнению С.З. Жизнина, одна из причин активизации сотрудничества «связана со стремлением ведущих “игроков” на мировом энергетическом поле избежать хаотичной и нецивилизованной конкуренции, а также учесть новые риски и угрозы для энергетической безопасности»³.

С наступлением нового столетия проблемы энергетической безопасности стали еще более актуальными. Им уделяется особое внимание на обсуждениях в рамках международных форумов глобального и регионального характера, они выходят на первый план в деятельности международных организаций даже далеко не энергетического профиля. Однако нужно отметить, что в контексте энергетической безопасности чаще всего внимание привлекается к проблемам безопасности поставок⁴, которые затрагивают в основном интересы экономически развитых стран и являются, таким образом, лишь одним из аспектов энергетической безопасности. Интересам других стран на глобальном уровне не всегда придается должное значение.

В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть несхожесть подходов различных государств к проблематике энергетической безопасности. С.З. Жизнин выделяет три возможные

группы стран в зависимости от того, какую роль они играют на мировом энергетическом рынке:

- первая группа – страны-импортеры. К ним относится большинство промышленно развитых стран. Наиболее часто встречающиеся цели их политики по обеспечению собственной энергетической безопасности сводятся к бесперебойному обеспечению поставок энергоресурсов из других стран по разумно низким ценам;
- вторая группа – страны-экспортеры. Для них энергетическая безопасность связана обычно с обеспечением стабильных поступлений от продажи энергетических ресурсов, экспортируемых по разумно высоким ценам. Экспортирующие государства обычно стремятся построить современную экономику, используя экономический и политический потенциал, который обеспечивается добычей углеводородов. Кроме того, для многих государств, обладающих запасами энергоресурсов, чрезвычайно актуальной является задача сохранения суверенитета над ними⁵;
- третья группа – транзитные страны. Интерес этой группы стран заключается в максимизации финансовых поступлений от предоставления услуг транзита энергоресурсов через их территорию⁶.

Вся сложность межгосударственного взаимодействия, складывающегося при столкновении интересов всех этих стран, в полной мере демонстрируется на примере энергетического сотрудничества между Россией и ЕС: наша страна стремится реализовать типичные цели стран-экспортеров, государства и надгосударственные институты Европейского союза в основном выражают точку зрения стран-импортеров. На это накладываются интересы Украины и Белоруссии как транзитных государств, через территории которых проходит очень значительная доля экспорта энергоносителей из России в ЕС. Понятно, что спектр интересов указанных игроков на самом деле гораздо шире. Тем не менее такое разделение в соответствии с вышеприведенной классификацией отражает наиболее важные аспекты политики каждой из сторон.

На фоне сложностей, с которыми сталкивается каждый участник энергетического взаимодействия уже на этапе выработки своей стратегии поведения, ярко выделяется своей комплексностью ситуация формирования энергетической политики ЕС. На настоящий момент времени наблюдается лишь тенденция к проведению полноценной газоэнергетической политики Евросоюза. Полномочия наднациональных институтов ЕС в энергетике еще в значительной мере ограничены. Государства-члены имеют различный

спектр интересов в энергетике, что зачастую не дает возможности прийти к общему консенсусу. Для такой ситуации существует целый ряд объективных причин:

- во-первых, роль газа в энергобалансах стран ЕС значительно варьируется: от 3 % (Швеция⁷) до 43 % (Нидерланды⁸). Соответственно, государства ЕС уделяют разное внимание и тратят различные объемы ресурсов на решение вопросов газовой проблематики;
- во-вторых, вопросы импорта природного газа по-разному затрагивают интересы стран ЕС: в то время как большинство из них являются чистыми нетто-импортерами этого энергоресурса, некоторые государства (Румыния, Великобритания⁹) большей частью сами обеспечивают им национальную экономику, а некоторые (Нидерланды, Дания¹⁰) – не только полностью удовлетворяют внутренние потребности в этом энергоносителе, но и экспортируют его за рубеж. Необходимо также учитывать, что целый ряд государств – членов ЕС обеспечивает транзит природного газа через свою территорию и извлекает из этого политические и экономические дивиденды;
- в-третьих, значительно различаются степень зависимости экономик стран Европейского союза от экспортеров газа, а также политика этих экспортеров на европейском рынке. Ведь некоторые члены ЕС могут покупать газ внутри Евросоюза (у Нидерландов или Дании) или у Норвегии, проводящей весьма мягкую ценовую политику (сравнение цен на газ некоторых поставщиков для определенных стран ЕС приведено в докладе Еврокомиссии, посвященном анализу ситуации на европейском газовом рынке¹¹). В таком случае о безопасности поставок (и в политическом, и в экономическом смысле) беспокоиться не приходится. Другие же государства вынуждены покупать газ у потенциально нестабильных стран Северной Африки или же у России, борющейся за высокие цены. Соответственно, даже при одинаковых объемах импорта и одинаковых долях газа в энергобалансе две какие-либо страны Евросоюза могут быть вынуждены уделять разное внимание газовому сектору.

В результате перечисленных выше причин возникает следующая ситуация. С одной стороны, наднациональные институты ЕС вынуждены искать компромисс между всеми суверенными государствами Европейского союза, а среди них, как было показано, есть как импортеры и экспортеры природного газа, так и те, кого можно было бы назвать транзитными странами. С другой стороны, ЕС, как пишет Бэн Розамонд (Ben Rosamond), «все же не стандарт-

ная инстанция для выработки межправительственного согласия, а скорее – общее стремление европейских государств усовершенствовать процесс принятия общих решений»¹². И поэтому политика Евросоюза не сводима лишь к балансу интересов входящих в ЕС стран. Хотя нельзя не признать, что такой комплексный подход приносит свои плоды, все равно в общем итоге получается, что даже для государств – членов ЕС сложно прийти к общему пониманию своей энергетической безопасности и выработке общего курса по ее достижению.

Энергетическая безопасность каждой страны или группы стран является сложным феноменом еще и потому, что включает в себя комплекс различных аспектов. Формулирование ее целей может диктоваться различным пониманием безопасности в энергетической сфере. Можно выделить ее политическое и экономическое измерения. Какое из них будет считаться приоритетным – зависит от политики каждого отдельного государства. При этом часть сформулированных целей должна быть достигнута внешней энергетической политикой, а ряд других – через реализацию внутренней энергетической политики. Ниже мы рассмотрим эти аспекты несколько подробнее, насколько это позволяет ограниченный формат статьи.

Итак, во-первых, энергетическая безопасность может рассматриваться как «политическая безопасность» – стабильное удовлетворение потребностей в импорте, экспорте или загрузке газотранспортной системы (ГТС) для стран-импортеров, стран-экспортеров и транзитных государств соответственно. «Политическая безопасность» – это отсутствие угроз намеренного уменьшения или полного прерывания поставок по политическим мотивам. Чаще всего обеспечение этого измерения безопасности государства решается в двустороннем формате между импортером и экспортером. Естественно, что стороной такого диалога при этом может быть и группа стран, объединенная общими интересами в энергетике. Но принципиальным моментом остается то, что при взаимодействии такого рода существуют две основные позиции. И компромисс вырабатывается на основе решения, приемлемого для двух сторон. Отношения же между Россией и государствами ЕС осложняются тем, что помимо необходимости договариваться между собой стороны политического диалога вынуждены считаться и с наличием третьей стороны – транзитных государств – Украины, Белоруссии и транзитных стран Евросоюза, через территории которых до недавнего времени проходила львиная доля транзита газа из России в ЕС. В результате этого политическое измерение газоэнергетической

безопасности России и Европы обретает второй план: безопасность требует достижения компромисса не только между стороной-импортером и стороной-экспортером, но и между ними и транзитными странами.

Во-вторых, не менее важную роль для энергетической безопасности играет экономическая приемлемость поставок. Она подразумевает удовлетворение потребностей в импорте / экспорте энерго-ресурсов или загрузке ГТС по разумно низким / высоким ценам для каждой группы стран энергетического взаимодействия соответственно.

Каждое из этих измерений имеет различную степень значимости для любого отдельно взятого государства. Следовательно, степень, в которой они выражены в государственной энергетической политике, также отличается от страны к стране. Если рассматривать более подробно с этой точки зрения ситуацию в странах ЕС, то можно обнаружить взаимозависимость между значимостью каждого из этих измерений для конкретного государства – члена ЕС и особенностями функционирования его газового сектора (которые были отмечены выше). Различная роль политических и экономических измерений энергетической безопасности – еще один фактор, обуславливающий сложности для выработки единой энергетической политики ЕС.

При рассмотрении любого примера сотрудничества страны-импортера и страны-экспортера (характеризующегося определенным равноправием сторон, конечно) можно заметить, что стремление каждой из сторон обеспечить свою энергетическую безопасность приводит к формированию двух противоположных тенденций, схожих с теми, которые выделены на глобальном уровне. Первая из них возникает из мер государственной политики, направленных на формирование максимально независимого от партнера курса по обеспечению собственных интересов (условно обозначим ее как тенденцию «максимальной независимости»). Вторая формируется из предпринимаемых государством шагов по достижению безопасности через тесное сотрудничество с партнером (условно – тенденция сотрудничества). На практике в государственной политике обычно можно обнаружить проявления обеих тенденций; вопрос только в соотношении проявлений каждой из них в конкретном политическом курсе. Наличие двух таких тенденций можно обнаружить и в отношениях между Россией и ЕС.

Как мы отмечали выше, энергетическая политика по обеспечению энергетической безопасности в каждом ее измерении имеет как внешнеполитическую, так и внутривнутриполитическую составля-

ющие. По этому признаку мы и структурируем теперь различные меры, которые предпринимают Россия и ЕС по защите своей безопасности в газовом секторе.

Рассмотрим сначала внешнеполитические аспекты энергетической политики России и ЕС. Тенденция сотрудничества в отношениях России и ЕС заметнее всего проявляется при рассмотрении энергетической безопасности с точки зрения обеспечения «политической безопасности» поставок через транзитные страны. Как отмечается на сайте Постоянного представительства РФ при ЕС, «создание условий для бесперебойных поставок энергоресурсов на рынки ЕС» является «важнейшей составляющей нашего взаимодействия в этой области»¹³. Особое внимание, которое уделяется обеспечению «политической безопасности» транзита, обусловило проявление серьезной озабоченности в столицах стран ЕС и в Москве по поводу нарушений поставок газа в Европу в 2000-е гг., а также в первой половине 2010-х гг. Нарушения, вызванные напряженными отношениями между Россией и Белоруссией (прерывание транзита в 2004 г.¹⁴ и уменьшение в 2010 г.¹⁵), а также между Россией и Украиной (ограничение транзита в январе 2006 г.¹⁶, полное прекращение в январе 2009 г.¹⁷ и значительные сокращения в 2012 г.¹⁸), сделали насущной необходимость повысить гарантии стабильности поставок. Уже первые нарушения транзита в 2000-е гг. привели к принятию решения о реализации программы по диверсификации маршрутов транспортировки российского газа. Возникавшие в дальнейшем конфликты, в том числе актуальные для сегодняшнего дня события в Украине, лишь подтвердили значимость диверсификационных маршрутов.

Уже построенный Северный поток и еще строящийся Южный поток функционируют в рамках международных консорциумов, включающих в себя «Газпром» и крупнейшие европейские энергетические компании. Огромные инвестиции, потребовавшиеся для строительства этих газопроводов, обусловили широкое привлечение российского и европейского капитала. Это, соответственно, приводит к росту обоюдной заинтересованности в максимально полном использовании построенных транзитных мощностей в частности и в расширении дальнейшего сотрудничества в целом.

Вместе с тем нельзя не признать, что газовые войны между Москвой и Киевом, а также Москвой и Минском дали веский аргумент противникам укрепления сотрудничества с Россией в странах ЕС. В Европе многие в это время обвиняли российские власти в использовании «энергетического оружия», а газовые контракты из России – в ненадежности. Это ставило под сомнение саму возможность обеспечить «политическую безопасность» поставок газа

в Евросоюз из России и оправдывало курс на максимальную диверсификацию поставщиков. В сфере газоэнергетического сотрудничества это укрепляло тенденцию «максимальной независимости».

Политика ЕС по максимальной диверсификации поставщиков имеет целью не только обеспечить «политическую безопасность» импорта газа. Не менее важной задачей является разрешение проблемы экономической приемлемости импорта. Эта проблема особо актуализировалась в последние годы в связи с ростом цен на природный газ. Расширив список потенциальных поставщиков, ЕС планирует заставить их конкурировать между собой и в итоге снижать цены. Как отмечает К. Симонов, «это довольно серьезно увеличило риски для российского нефтегаза, который столкнулся с перспективой резкого роста конкуренции со стороны других потенциальных поставщиков нефти и газа на рынок ЕС»¹⁹. Неблагоприятные перспективы, которые потенциально могут открыться перед Россией при полной реализации планов ЕС, заставили в свою очередь Москву заняться проблемами диверсификации стран-импортеров и по-новому взглянуть на свою зависимость от газового рынка стран Евросоюза. Новые подходы к стратегии диверсификации проявились уже в 2009 г. – в Энергетической стратегии до 2030 г., где наряду с признанием необходимости сохранения отношений с традиционными партнерами был сделан акцент на формировании «столь же устойчивых отношений на новых энергетических рынках»²⁰. Наиболее перспективным новым рынком для России был признан Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), и в рамках Восточной газовой программы «Газпром» активно начал развитие этого направления²¹. Одним из значимых достижений на этом направлении стал заключенный в мае 2014 г. долгосрочный контракт с Китаем. Политика диверсификации, которая стала проводиться обеими сторонами энергетического диалога, способствует усилению тенденции «максимальной независимости» в сфере газового сотрудничества двух стран.

Перейдем теперь к рассмотрению внутривластной политики России и ЕС. Формат данной статьи невелик, поэтому мы сосредоточимся лишь на тех мерах внутренней энергетической политики России и Европейского союза, которые, на наш взгляд, оказывают наибольшее влияние на внешнеэнергетические связи партнеров.

Среди таких мер, принятых Россией, выделяется монополизация экспорта природного газа, закрепленная в 2006 г. Федеральным законом № 117-ФЗ «Об экспорте газа». Принятие этого закона можно во многом объяснить той важнейшей ролью, которую играет

экспорт «голубого топлива» для наполнения российского бюджета и решения внешнеполитических задач. Может возникнуть вопрос: почему тогда нет монополии в сфере экспорта нефти? Почему целый ряд российских компаний (таких как, например, «Роснефть», «Лукойл», «Газпром-нефть») могут продавать нефть за рубеж? Ведь доля нефти значительно больше как в мировом энергобалансе, так и в доходах российского бюджета. Ответ, как представляется, заключается в том, что в отличие от рынка нефти в мире отсутствует в полной мере сложившийся глобальный рынок газа. Это проявляется в том, что пока только формируется в достаточной мере развитая инфраструктура его доставки – прокладываются новые газопроводы, строятся заводы по производству сжиженного природного газа (СПГ) и регазификационные терминалы, увеличивается тоннаж флота специальных судов-газовозов. Пока что большинство покупателей и продавцов не могут так просто поменять друг друга. В результате возникает ситуация, в которой монополизация российского экспорта дает дополнительные возможности для реализации энергетических и политических стратегий государства. Монополизация усиливает энергетическую безопасность РФ как государства-экспортера потому, что при прочих равных гарантирует более высокие цены на экспорт. Позиции «Газпрома» при переговорах со странами-импортерами усиливаются, так как при необходимости импорта российского газа приходится договариваться исключительно с российским монополистом. А в сфере политики возможность политически мотивированного снижения цены на поставки газа дает российской дипломатии дополнительные аргументы. В случае когда нет необходимости в импорте именно российского газа (такая ситуация возникает, например, тогда, когда у страны-импортера есть достаточные мощности для регазификации СПГ), монополизация экспорта может мешать. Именно с этим, на наш взгляд, связана отмена в 2013 г. монополии на экспорт СПГ (Федеральный закон № 318-ФЗ от 30.11.2013 г.).

Среди внутривнешнеполитических аспектов энергетической политики ЕС, оказывающих наибольшее влияние на сотрудничество государств-членов со странами – экспортерами газа, можно выделить усилия по созданию единого конкурентного газового рынка ЕС. С одной стороны, это типичный пример внутренней энергетической политики, но с другой – степень влияния этого фактора на сотрудничество с государствами-поставщиками трудно переоценить. При позитивном для ЕС развитии событий ко времени, когда мероприятия по созданию единого газового рынка будут полностью реализованы, во-первых, значительно усилятся возможности над-

национальных институтов ЕС по регулированию газовой сферы (в том числе общеевропейских агентств – регуляторов энергетики ACER и ENTSOG)²². Во-вторых, усилятся позиции отдельных стран в переговорах со странами-экспортерами. Единый рынок выравнивает цены на газ для европейских стран, и каждому внешнему поставщику придется продавать газ по общей цене. Если события будут развиваться так, как планируется в Евросоюзе, то его позиции, в том числе в области сотрудничества с Россией, значительно укрепятся. Вместе с тем, как отмечают многие отечественные исследователи²³, указанные меры несут в себе риски – в перспективе Европа может столкнуться с нежеланием стран-экспортеров работать на рынке, доходность которого последовательно снижается.

Подведем основные итоги. Как мы видим, интересы России и Евросоюза по обеспечению собственной энергетической безопасности по ряду объективных причин значительно различаются. В экономической плоскости обеспечения безопасности – по вопросам величины цен – интересы диаметрально противоположны, что, впрочем, вполне естественно. Это обычная рыночная ситуация, где сторонам взаимодействия приходится достигать компромисса. Положение же в политической плоскости требует некоторых пояснений. Достижение целей по обеспечению безопасности в этом измерении возможно в рамках двух стратегий: кооперативной стратегии и стратегии «максимальной независимости» (по аналогии с ранее выделенными нами тенденцией сотрудничества и тенденцией «максимальной независимости»). Используя терминологию теории игр, ситуацию можно точнее всего моделировать как игру с положительной суммой. При обоюдном выборе варианта «сотрудничество» из возможных форм взаимодействия в рамках этой модели каждая сторона легче всего может достичь собственных целей по обеспечению политического измерения энергетической безопасности. В связи с этим кооперативная стратегия, как представляется, является значительно более продуктивной и перспективной. Однако ее реализация требует твердой политической воли всех сторон взаимодействия. Без этого она просто не сможет быть осуществлена. Этот фактор и является основным препятствием для усиления «тенденции сотрудничества».

Здесь мы подходим к еще одному важному выводу. Главной проблемой в отношениях России и ЕС в газовом секторе является не только различие интересов основных сторон. Само по себе различие интересов можно преодолеть. Еще одна трудность – большое число игроков с различающимися интересами, от политики которых зависит выработка общего взаимоприемлемого подхода. Как

было показано выше, выработка общих взаимоприемлемых решений в таких условиях и на уровне отдельных акторов, и на уровне региона в целом слишком затруднена. И пока у нас нет достаточно оснований считать, что в кратко- и среднесрочной перспективе ситуация существенно изменится.

Следовательно, можно прогнозировать, что стремление всех сторон взаимодействия гарантировать собственную энергетическую безопасность в дальнейшем в большей степени может вести к усилению тенденции «максимальной независимости» и, соответственно, к укреплению возможностей проведения политики, нацеленной на формирование максимально независимого от партнера курса. В долгосрочной перспективе это ведет к снижению потенциала для сотрудничества России и ЕС в газовом секторе.

Примечания

- ¹ BP Statistical Review of World Energy 2013. P. 41 [Электронный ресурс] // BP. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
- ² *Симонов К.В.* Нефтегазовый фактор в мировой геополитике. Ухта, 2011. С. 54.
- ³ *Жизнин С.З.* Энергетика в современном мире и международная энергетическая политика (Балтийский регион. 2010. № 1 (3). С. 2) [Электронный ресурс] // Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта. URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/085/ufbcrrsglbyef.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).
- ⁴ Там же. С. 3.
- ⁵ *Жизнин С.З.* Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. С. 48.
- ⁶ *Жизнин С.З.* Энергетика в современном мире... С. 2.
- ⁷ Sweden – Sverige / European Commission, DG Energy. P. 2 [Электронный ресурс] // Europe's Energy Portal. URL: http://www.energy.eu/country_overview/Sweden_2011.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
- ⁸ Netherlands – Nederland / European Commission, DG Energy. P. 2 [Электронный ресурс] // Europe's Energy Portal. URL: http://www.energy.eu/country_overview/Netherlands_2011.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
- ⁹ Europe's Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification. P. 6 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R42405.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Quarterly Report on European Gas Market. Market Observatory for Energy [Электронный ресурс] // European Commission. 2012. Fourth quarter. Vol. 5. № 4. P. 17.

- URL: http://ec.europa.eu/energy/observatory/gas/doc/quarterly_report_on_eu_gas_markets_q4_2012.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹² *Rosamond B.* Conceptualizing the EU Model of Governance in World Politics. P. 8 [Электронный ресурс] // University of Warwick. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/1098/1/WRAP_Rosamond_9570885-150709-rosamond_efar_05.pdf (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹³ Энергосотрудничество и энергобезопасность [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <http://russianmission.eu/ru/energositrudnichestvo-i-energobezopasnost> (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹⁴ Газовые конфликты России за последние 15 лет [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20080212/99021453.html> (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹⁵ *Мельников К., Габуев А.* В Европу прорубить трубу [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. 2012. № 40. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/2034910> (дата обращения: 11.07.2014).
- ¹⁶ Газовые конфликты России за последние 15 лет...
- ¹⁷ *Мельников К., Габуев А.* Указ. соч.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Симонов К.В.* Указ. соч. С. 210.
- ²⁰ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Параграф 4.2 [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminenergo/energostategy/> (дата обращения: 11.07.2014).
- ²¹ Восточная газовая программа [Электронный ресурс] // Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/east-program/> (дата обращения: 11.07.2014).
- ²² *Мельникова С.* «Третий Энергопакет ЕС» принять нельзя отказаться [Электронный ресурс] // ТЭК. Стратегии развития. URL: http://tek-russia.ru/issue/articles/articles_137.html (дата обращения: 11.07.2014).
- ²³ Реформирование газового рынка Европы: чужие туфли могут натереть мозоли. С. 40–41 [Электронный ресурс] // Фонд национальной энергетической безопасности. URL: <http://www.energystate.ru/catalog/files/Reformirovanie-gazovogo-rynka-Evrope.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).

О.Е. Митрофаненкова

АФГАНСКИЙ НАРКОБИЗНЕС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ НАТО (2001–2014)

Статья посвящена проблеме афганского наркобизнеса в контексте военной операции НАТО в Афганистане. На начальном этапе США удалось достигнуть поставленную перед ними цель по ликвидации режима талибов и наркобизнеса. Однако дальнейшие действия и политика, проводимая Соединенными Штатами в Афганистане, не имели успеха. Из-за определенных причин США стали терять влияние на данном направлении. Автор рассматривает такие факторы, как эскалация кризиса в Афганистане, разочарование в политике США и рост объемов наркопроизводства. Анализируются современная ситуация внутри страны и последствия вывода войск НАТО из Афганистана в конце 2014 г.

Ключевые слова: теракты 11 сентября, афганский наркобизнес, военная операция НАТО в Афганистане.

Теракты 11 сентября 2001 г. в США перевернули новую страницу в истории Афганистана. Эти события стали легитимной основой для военной интервенции и реализации новых геостратегических задач ведущих держав на этом направлении.

Руководство США в тот же день выдвинуло обвинение в произошедшем в адрес «Аль-Каиды». Такое обвинение во многом было не случайным, так как ранее, в 90-е гг., целый ряд терактов в отношении американцев был осуществлен этой организацией¹.

Президент США Дж. Буш объявил, что страна находится в состоянии войны с международным терроризмом. Целями Соединенных Штатов стали искоренение международного терроризма во всех его проявлениях, ликвидация основных его лидеров и лишение террористических группировок финансовой подпитки².

Терроризм сегодня – глобальное явление, не знающее границ и не имеющее структуры с четкой организацией. Уничтоженная в одном месте, террористическая ячейка появляется снова, но уже

в другом месте. Сетевой принцип организации террористических группировок обеспечивает их неуловимость. Само понятие «терроризм» выглядит очень расплывчатым, и до сих пор не было выработано конкретного его определения. Из этого можно сделать вывод, что враг, которому США объявили войну, довольно абстрактен. Поэтому «война с терроризмом» не может быть до конца успешной – ведь противник не является чем-то конкретным.

Однако уже к концу сентября 2001 г. была полностью сформирована антитеррористическая коалиция во главе с США. Основными ее целями стали ликвидация очага мирового терроризма в лице талибов и террористической организации «Аль-Каида», борьба с наркобизнесом, обеспечение прав человека, достижение мира и безопасности в Афганистане³. В самом начале военной кампании союзники США по НАТО (Канада, Великобритания, Франция, Германия и др.) поддерживали их действия и принимали активное участие в боевых операциях. Кампания имела большую популярность среди населения Штатов, верившего в военную мощь своей страны и скорую победу над терроризмом⁴.

7 октября американские ВВС приступили к массированным бомбовым ударам по крупнейшим городам Афганистана, авиабазе в Баграме и объектам инфраструктуры талибов. Важнейшую роль в успехе наземных военных действий сыграли подразделения «Северного альянса» (объединение полевых командиров в Афганистане, образованное в 1991 г.; под его контролем находились северные провинции страны). 15 октября США официально объявили о намерении совместно с ООН контролировать создание институтов власти в Афганистане⁵.

На первых этапах США удалось реализовать поставленные ими цели. В 2001 г. подразделениям Сил специальных операций США и ЦРУ совместно с афганскими войсками и при поддержке ВВС США удалось свергнуть режим талибов менее чем за три месяца, при этом потеряв около дюжины американцев⁶.

Соединенные Штаты сумели достигнуть своих задач и по ликвидации наркопроизводства внутри Афганистана. Так, согласно докладу Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC)⁷ за 2001 г., объем производимого героина в Афганистане упал до 185 т, что составляло 6 % от уровня прошлого года. Но успех в этой области был недолговременным: уже в следующем году отмечалось повышение объема производства героина.

Еще в 90-е гг. мировое сообщество пыталось вести борьбу с афганским наркобизнесом. В тот период уже стало общеизвестно, что Бен Ладен и члены движения «Талибан» получают финансиру-

ние за счет наркоторговли. Россия представила подробный отчет об этом и других аспектах деятельности «Талибана» в Совет Безопасности ООН в марте 2001 г., но США, согласно Jane's Intelligence Review, решили в своих действиях не основываться на этой информации⁸. Проблема афганской наркоторговли никогда не была серьезной угрозой для Соединенных Штатов, так как основными поставщиками наркотиков на их черные рынки являются страны Латинской Америки.

В США в то время появился своего рода негласный запрет на публикацию подобных материалов об «Аль-Каиде» (такие статьи также появились во Франции, Великобритании и Канаде). Связано это было с тем, что в них речь шла об использовании США «Северного альянса» как поставщика наркотиков с целью борьбы с «Талибаном»⁹.

Противник «Талибана» «Северный альянс» во главе с Гульбедином Хекматияром контролировал только 5 % афганского наркобизнеса, в то время как талибы – 75–80 %. Полевые командиры длительное время использовали доходы от наркоторговли для вооружения своих армий и проведения боевых операций.

Однако еще до начала военной интервенции США в Афганистан ситуация начала меняться. В конце октября 2001 г. Jane's Intelligence Review сообщал о том, что в зоне, подконтрольной талибам, плантации мака почти полностью исчезли, причем поток наркотиков из зон, контролируемых «Северным альянсом», наоборот, существенно увеличился¹⁰.

С середины 90-х гг. Афганистан и наркоторговля стали неразделимыми понятиями. Очаг основного производства героина переместился из «Золотого треугольника» (Мьянма, Лаос, Таиланд) в «Золотой полумесяц» (Афганистан, Иран, Пакистан). В конце XX в. самые высокие урожаи опиумного мака давала подконтрольная талибам провинция Гильменд. Именно в этот период объем наркотиков, производимых в Афганистане, стал превышать объем наркотиков, которые производились в Мьянме.

Пришедшие к власти в 1995 г. талибы сделали торговлю опиумным маком и его производными ключевым сектором региональной экономики. Деньги, получаемые от его продажи, шли на содержание армий и ведение войны. Тысячи мирных крестьян были втянуты в процесс производства и торговли как самим опиумным маком, так и его конечными продуктами. Соответственно, объемы посевов опиумного мака и наркотрафика существенно росли. «Талибан» не просто расширил ареал, доступный для выращивания опиумного мака. Завоевания талибов на территории Афганистана укрепили

торговлю и расширили дорожную сеть. Одни караваны шли на юг через пустыни Белуджистана к портам Макранского побережья в Пакистане, другие – на запад в Иран, огибая Тегеран и достигая Восточной Турции. Третьи двигались на северо-запад, в Герат и Туркменистан. В 1997 г. наркоторговцы стали возить опиум самолетами из Кандагара и Джелалабада в порты Персидского залива – Шарджу и Абу-Даби.

Однако по нескольким причинам в этот период правительство «Талибана» начинает предпринимать попытки по сокращению объемов наркопроизводства. К этим причинам относятся: 1) внимание к афганскому наркопроизводству со стороны мирового сообщества и перспектива лишиться гуманитарной помощи; 2) перенасыщение черного рынка героина и падение его стоимости, попытка создать искусственный дефицит и простимулировать рост цен на опий и его производные.

Существенную часть бюджета Афганистана составляла гуманитарная помощь от мирового сообщества. Сомнительная экономическая деятельность, поощряемая правительством талибов, не могла не вызывать его недовольства. Западные правительства были обеспокоены развитием событий в стране и угрозой дальнейшей дестабилизации ситуации не только внутри Афганистана, но и в приграничных государствах. В результате, чтобы не потерять гуманитарную помощь, талибам пришлось предпринять меры по борьбе с наркотрафиком. Лидер движения «Талибан» Мулла Омар в июле 2000 г. издал указ, запрещающий выращивать опиумный мак. Эффект от этого указа стал ощутим уже в следующем году: и UNODC, и правительства стран Запада подтвердили, что в том году опиумный мак не выращивался, но их беспокоили сохранившиеся запасы готовых к продаже опиумных производных.

Так, по данным UNODC, в 1999 г. было произведено 4600 т героина, что являлось максимумом всего производства наркотиков в Афганистане за 90-е гг. В 2000 г. этот показатель снизился до 3276 т, а основные очаги производства сосредоточились на территории, которую контролировал «Северный альянс».

В результате военной операции США остаток талибов и представителей «Аль-Каиды» были вынуждены бежать в граничащие с Афганистаном районы Пакистана, откуда они потом проводили свои операции против интервентов. А наркопроизводство на территории, подконтрольной движению «Талибан», упало фактически до нулевого уровня. Как уже говорилось выше, меньше всего героина в Афганистане было произведено в 2001 г. – всего 185 т, но уже в 2002 г. объем его производства достиг 1900–2007 т. Несмотря

на все попытки, которые предпринимало временное правительство, в последующие годы сохранялась тенденция к росту наркопроизводства, в основном зависевшего от климатических условий и других факторов, влияющих на урожай опиумного мака. При этом в 2000-е гг. был побит рекорд 1999 г. по наркопроизводству, и в некоторые годы (2003, 2007, 2008) он составлял от 7000 до 8000 т.

Руководитель группы по исследованию проблем мира и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений РАН Е.А. Степанова объясняет увеличение потока наркотиков из Афганистана после 2001 г. тем, что в стране могли быть значительные запасы опия. Вторая причина связана, согласно ее мнению, с тем, что талибы не контролировали переработку опия в героин¹¹.

Таким образом, поток наркотиков из Афганистана никогда не прекращался¹².

Необходимо отметить, что в качестве самостоятельного актора НАТО начинает играть серьезную роль в Афганистане лишь с августа 2003 г., когда альянс принял на себя функции стратегического командования, контроля и координации деятельности Международных сил содействия безопасности (International Security Assistance Force, ISAF) для Афганистана¹³.

На первом этапе задача НАТО заключалась в обеспечении локальной безопасности в относительно спокойных районах Афганистана и постепенном расширении зоны безопасности на территорию всей страны, на втором – в создании условий для восстановления Афганистана при доминирующей политической роли и военном контроле США¹⁴.

В отношении Афганистана НАТО разработала общеполитическую стратегию, которая базировалась на трех принципах: безопасность, управление и развитие. Но время показало, что до конца эта стратегия не может быть реализована, так как первые два компонента имеют гражданский характер и НАТО не располагает опытом и навыками для их выполнения. Только «безопасность» соответствует концепции НАТО¹⁵.

Несмотря на быстрый успех США в начале боевых действий, к 2006 г. ситуация кардинально изменилась. Происходила стремительная эскалация кризиса внутри Афганистана, вызванная целым рядом причин: 1) Пакистан стал пристанищем для боевиков «Талибана» и «Аль-Каиды», переходивших границу и проводивших операции на территории Афганистана; 2) пораженное коррупцией правительство Афганистана теряло способность управлять страной, в результате чего к нему росло недоверие со стороны населения; 3) действия американцев, не соответствующие их же официальным

заявлениям, вызывали недовольство местного населения. Так, в 2005 г. США объявили о приостановке расширения своего военного контингента в связи с необходимостью сосредоточить основные силы на войне в Ираке, где, по мнению американского руководства, находился основной источник мирового терроризма. Однако, несмотря на эти заявления, американские войска продолжали прибывать в Афганистан. Для сравнения: в 2001 г. численность ISAF составляла 5000 солдат, но к 2006 г. увеличилась до 20 000¹⁶.

Все эти факторы привели к усилению повстанческих движений внутри Афганистана и потере США своих позиций на этом направлении. Резкое ухудшение ситуации вызвало недовольство и внутри военного контингента ISAF. Так, американцы придумали несколько альтернативных расшифровок аббревиатуры ISAF, например "I saw American Fight" («Я смотрю, как сражаются американцы») или "I Sunbathe at FOBs" («Я загораю на передовом опорном пункте»)¹⁷. Недовольство со стороны солдат США было связано с военными неудачами, эскалацией конфликта и увеличением срока пребывания американских солдат в Афганистане.

Ослабление заинтересованности США в Афганистане повлияло и на позицию их союзников по НАТО, которые не хотели в одиночку контролировать ситуацию в стране. Однако США не стремились полностью терять свои позиции в Афганистане.

По мнению отечественного исследователя А.П. Барышева, цели США на афганском направлении при Бараке Обаме не претерпели существенных изменений. Они по-прежнему заключаются в создании на территории Афганистана и соседнего с ним Пакистана мощного плацдарма для распространения влияния США в этом стратегически важном регионе, прилегающем к КНР, России, Индии, Ирану, Ближнему Востоку и Центральной Азии¹⁸. Но данная оценка ситуации выглядит очень категоричной. Нельзя исключать и того, что США действительно обеспокоены своей безопасностью, выдвигая в качестве своей основной цели борьбу с международным терроризмом.

Положение, связанное с производством наркотиков в Афганистане, по мысли А.П. Барышева, осложняется еще и тем, что в годы администрации Обамы американские силы устранились от проведения масштабных антинаркотических операций в этой стране исходя из того, что лишение афганских крестьян практически единственного источника доходов может привести к нарастанию терроризма в Афганистане¹⁹.

Отказавшись в 2009 г. от уничтожения посевов опиумного мака, НАТО заявила, что ее приоритетной задачей является уничтожение нарколабораторий. При этом в 2010 г. уничтожено было всего

2 тыс. гектаров наркопосевов, а количество нарколабораторий увеличилось в 2,5 раза – со 175 в 2008 г. до 425 в 2010 г.²⁰

Стоит отметить, что конфликт в Афганистане с участием США продолжается уже 13 лет. Это вторая по продолжительности военная кампания США конца XX – начала XXI в., которая стоит между Иракской (8 лет) и Вьетнамской (18 лет) войнами. Сложно определить истинную цель американцев в Афганистане. Мнения ученых, как отечественных, так и западных, по этому вопросу существенно отличаются. Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой США специально дестабилизируют ситуацию в Афганистане и Центральной Азии для получения доступа к энергоресурсам. Так, Д. Фридман в работе “The Next Hundred Years” указывает на такой важный аспект политики США, как дестабилизация регионов мира и усиление конфликтности в разных точках земного шара²¹. Другие ученые видят цель США в том, чтобы устранить все возможные угрозы для их безопасности и статуса «великой державы».

Так или иначе, затянувшаяся военная кампания и отсутствие успеха на афганском направлении привели к тому, что США больше не заинтересованы в военном присутствии в Афганистане, поскольку это отнимает у них много сил и ресурсов.

В связи с этим летом 2011 г. начался процесс постепенного вывода американского контингента из Афганистана. К концу 2014 г. члены НАТО должны завершить передачу ответственности за страну афганским силам безопасности, подготовка которых сейчас ведется усиленными темпами с участием как региональных, так и международных структур. Однако обстановка в Афганистане до сих пор остается напряженной. Это связано и с межэтническими проблемами, и с колоссальными объемами коррупции, наркобизнеса, сросшегося с чиновничьим аппаратом на высшем уровне, потребления наркотиков внутри страны. Все эти процессы происходят на фоне малой эффективности международных и региональных структур, в том числе ООН²².

Вывод войск из Афганистана в 2014 г. не внушает особого оптимизма. После этого внутриафганский кризис может развиваться по непредсказуемому сценарию. Если ранее США удавалось сдерживать конфликт на определенном уровне и решать поставленные задачи в области борьбы с международным терроризмом, то после вывода войск может начаться очередной этап борьбы за власть между полевыми командирами, талибами, правительством Афганистана и другими возможными силами, которые будут втянуты в новый конфликт.

Афганистан до сих пор остается на уровне средневекового государства, где основной сегмент экономики представлен сельским хозяйством. Сегодня это государство все больше и больше зависит от экспорта наркотиков. Однако, по некоторым данным, мировой рынок сегодня перенасыщен героином, поэтому не весь героин, произведенный в Афганистане, идет на экспорт. Часть его хранится на складах, и если даже Афганистан откажется от производства этого наркотика, его количества на складах хватит еще на несколько десятков лет²³.

На сегодняшний момент видно, что ни международные, ни региональные силы не могут стабилизировать ситуацию внутри Афганистана. Выполняя функцию контроля над большинством административных центров, включая столицу Кабул, они поддерживают лишь относительное равновесие в стране. При этом проблемы, которые планировали решить в 2001 г., остаются до сих пор острыми. Таким образом, можно говорить о том, что политика, которую США проводили в отношении Афганистана, не принесла положительных результатов.

Директор Аналитического центра МГИМО А.А. Казанцев предлагает четыре возможных сценария развития событий после вывода военного контингента США из Афганистана. Согласно первому сценарию, государства (Россия, Китай и страны Центральной Азии) успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами безопасности в Центральной Азии, а США и НАТО поддерживают с ними диалог в рамках «доктрины Обамы» по перебазированию. Во втором сценарии к существующему соперничеству между Россией и США в регионе добавится соперничество между США и Китаем. Также отмечается возможность возрастания роли негосударственных акторов, а именно террористических, криминальных и коррупционных сетей, распространения религиозного экстремизма, увеличения объемов наркобизнеса и неконтролируемой миграции. Эти криминализованные негосударственные акторы могут стать куда более значимыми, чем формальные государства.

В третьем сценарии террористическая и экстремистская деятельность, наркобизнес и другие новые угрозы безопасности усилятся. Однако основными игроками останутся государства, которые в своих геополитических интересах могут прибегать к поощрению отдельных коррупционных, криминальных и экстремистских групп. Четвертый сценарий развития событий автор характеризует как катастрофический. Он предусматривает образование серии «несостоявшихся государств». Их территория будет располагаться от северо-запада Пакистана до Центральной Азии. В таком случае будет нарастать тенденция к образованию наркогосударств; тер-

рористические и экстремистские группы установят контроль над существенными территориями; резко вырастут миграционные потоки из Афганистана и Центральной Азии. Роль государств в регионе значительно уменьшится, а роль негосударственных новых игроков станет определяющей²⁴.

Пока сложно сказать, как именно изменится ситуация в Афганистане, однако из этих сценариев видно, что основные государственные акторы сохраняют свое влияние в регионе, но, возможно, существенно возрастет роль негосударственных игроков (террористические организации, преступные группировки и т. д.).

Кроме эскалации конфликта внутри страны, существует угроза ухудшения ситуации, связанной с наркотрафиком. Е.А. Степанова отмечает, что в результате вывода сил США и НАТО могут увеличиться объемы наркотрафика из Афганистана. Правда, она полагает, что катастрофического роста объемов транспортировки наркотиков в Россию не будет. Согласно ее оценке, пик увеличения объемов наркотрафика для России пришелся на начало XXI в. Также она полагает, что Россия может снова стать зоной транзита наркотиков²⁵.

В отличие от других государств, осуществляющих присутствие в этом регионе, только США обладают полнотой всех ресурсов для борьбы с наркотической угрозой. Россия без США не сможет справиться ни с наркотрафиком, ни с другими угрозами, идущими из Афганистана. Если бы НАТО активнее взаимодействовала с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) или Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), то на данном направлении могли бы быть достигнуты неплохие результаты. Но в настоящий период НАТО проводит единоличную политику, также затруднены пути для нахождения консенсуса между Россией и США. Государства Центральной Азии, с которыми Россия сотрудничает в области противодействия афганскому наркобизнесу, не имеют достаточного количества необходимых для этого ресурсов (финансовых, военных, человеческих).

После вывода войск США основной удар от угроз, идущих из Афганистана, примут на себя его ближайшие соседи – государства Центральной Азии и Россия, а также Пакистан, у которого довольно сильные связи с Афганистаном. Китай, Иран и Индия пострадают в значительно меньшей степени. Эти три государства, в отличие от России, Центральной Азии и Пакистана, имеют более защищенные границы. Иран в прошлом проводил политику по борьбе с афганским наркобизнесом и по укреплению своих границ²⁶.

Афганистан граничит с тремя государствами Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан), которые имеют важное

геостратегическое значение для России. Одной из главных угроз для Центральной Азии и России является афганский наркобизнес. В Россию и Центральную Азию наркотики из Афганистана поступают уже с 90-х гг. Слабые границы в Центральной Азии, политическая нестабильность и порождаемая ею коррупция открывают наркотикам и экстремизму дорогу в Россию. Ведь еще в 90-е гг. российская мафия наладила связь и каналы поставки наркотиков из Афганистана. Помимо этого, для России существенную угрозу представляет исламский экстремизм, идущий из Афганистана. Известно, что талибы поддерживали чеченских экстремистов. В Центральной Азии существует участок концентрации террористических группировок, расположенный в Ферганской долине (особенно области Фергана, Андижан, Наманган, Ош). На территории Центральной Азии эти группировки (Исламское движение Узбекистана, «Братья-мусульмане», Центр исламского развития и др.) пропагандируют сепаратизм и радикальный фундаментализм. Деятельность этих организаций тесно связана с наркотрафиком из Афганистана, а во многих государствах Центральной Азии (Таджикистан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан) давно уже пролегают отработанные наркомаршруты.

Афганский наркобизнес ослабляет границы государств Центральной Азии и России, делая их прозрачными, является фактором роста коррупции в пограничных войсках. В Центральной Азии он приводит к росту коррупции на уровне чиновничьего аппарата. В этих государствах стремительно растет процент наркозависимого населения, существенно ухудшается демографическая ситуация и криминогенная обстановка в больших городах.

В заключение еще раз отметим, что несмотря на то что в будущем присутствие США в Афганистане существенно уменьшится, полностью американцы не покинут регион. При этом очевидно, что только совместные усилия мирового сообщества, активное взаимодействие всех заинтересованных государств в рамках международных организаций могут стабилизировать ситуацию в этом неспокойном регионе и уменьшить его конфликтный потенциал.

Примечания

- ¹ Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М.: УРСС, 2009. С. 12.
- ² Белокреницкий В.Я. Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2012. С. 135.
- ³ Коргул В.Г. История Афганистана XX в. М.: Крафт+; ИВ РАН, 2004. С. 462.

- ⁴ Flashback: The invasion of Afghanistan // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EV068w7RpqI> (дата обращения: 01.09.2014).
- ⁵ *Белокреницкий В.Я.* Указ. соч. С. 136.
- ⁶ *Джонс Сет Дж.* Война США в Афганистане. На кладбище империй. М.: Эксмо, 2013. С. 18.
- ⁷ Доклад международного комитета по контролю за наркотиками 2001. Нью-Йорк: ООН, 2002.
- ⁸ *Скотт П.Д.* Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. М.: Кучково поле, 2012. С. 49.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ *Степанова Е.А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005. С. 73–75.
- ¹² *Сиколев Р.Р.* Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Крафт+; ИВ РАН, 2004. С. 141.
- ¹³ *Бурлинова Н.* Война в Афганистане (2001–2011 гг.): обзор и перспективы [Электронный ресурс] // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vojna_v_afganistane_2001__2011_gg__obzor_i_perspektivy_2011-07-01.htm (дата обращения: 12.09.2014).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ About ISAF [Электронный ресурс] // Сайт Международных сил содействия безопасности. URL: <http://www.isaf.nato.int/history.html> (дата обращения: 12.09.2014).
- ¹⁷ *Джонс Сет Дж.* Указ. соч. С. 20.
- ¹⁸ *Барышев А.П.* Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011. С. 59.
- ¹⁹ Там же. С. 62.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century. N. Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. P. 288.
- ²² *Бурлинова Н.* Указ. соч.
- ²³ ООН: в 2007 г. Афганистан произвел 93 % всего опиума в мире [Электронный ресурс] // Портал «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/society/28/08/2007/115120.shtml> (дата обращения: 13.09.2014).
- ²⁴ *Казанцев А.А.* Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года // Аналитические доклады МГИМО (У) МИД России. 2013. № 2 (37). С. 5.
- ²⁵ *Степанова Е.А.* Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана. М., 2013. С. 102–103.
- ²⁶ *Марсден П.* Талибан: война и религия в Афганистане / Пер. с англ. под общ. ред. Е. Егорова, Е. Клинова. М.: Городец, 2002. С. 160.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ИЗРАИЛЕ В ПРЕЗИДЕНТСТВО Б. ОБАМЫ

Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов публичной дипломатии США в 2009–2014 гг. как политики «мягкой силы» в отношении Израиля в контексте американо-израильских отношений. Автор рассматривает образовательные и информационные программы США, реализуемые в Израиле, в качестве инструмента публичной дипломатии и обращает особое внимание на недостатки действий вашингтонской администрации в том, что касается реализации концепции «умной силы».

Ключевые слова: американо-израильские отношения, «мягкая сила», «умная сила», публичная дипломатия, цифровая дипломатия.

Публичная дипломатия используется государствами в качестве реального вспомогательного инструмента, способствующего продвижению их национальных интересов на мировой арене и оказывающего воздействие на происходящие события¹.

Термин «публичная дипломатия» был впервые введен в научный оборот американским дипломатом Эдмундом Галлином в 1965 г.² Согласно словарю Государственного департамента, публичной дипломатией называют «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения»³.

Публичная дипломатия является одним из механизмов реализации концепции «мягкой силы», вызывающей повышенный интерес у специалистов разных областей научного знания. Ее автором считается профессор Гарвардского университета и член администрации Б. Клинтона Дж. Най. Согласно его концепции, «мягкая сила» – это способность достигать внешнеполитических целей

путем убеждения, привлечения, аргументации, что ведет к диалогу и взаимопониманию⁴.

«Мягкая сила» Соединенных Штатов направлена на решение двух основных задач: во-первых, создание положительного имиджа страны за рубежом вообще и содействие формированию выгодного для США восприятия их внешней политики в частности, во-вторых, распространение американской культуры и ценностей.

По результатам исследования “Soft Power Survey” за 2013 г., опубликованного международным журналом “Monocle”, Соединенные Штаты значительно преуспели в использовании «мягкой силы», занимая в международном рейтинге третье место⁵.

В 2008 г. Дж. Най и Р. Армитадж расширили концепцию «мягкой силы» посредством тезиса об «умной силе». «Умная сила» предполагает сочетание ресурсов «жесткой» и «мягкой силы», т. е. не исключает использования военного и экономического давления, однако нацелена на создание и укрепление партнерских и дружеских отношений между США и другими странами. Согласно данным Государственного департамента, «умная сила» направлена на обеспечение безопасности США и их союзников, укрепление роли Соединенных Штатов в качестве лидера по обеспечению глобального блага, защиты и продвижения американских ценностей⁶.

В 2009 г. заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии и связям с общественностью Джудит Макхейл заявила, что «умная сила» станет приоритетной концепцией для администрации Б. Обамы в реализации новой стратегии публичной дипломатии США⁷.

Инструментами в арсенале «умной силы» Соединенных Штатов стали укрепление и расширение сотрудничества США с неправительственными (НПО) и международными организациями, осуществление программ международного развития и экономической интеграции, развитие технологий и инноваций, убеждение и применение различных рычагов влияния⁸.

Публичная дипломатия, в свою очередь, позволяет реализовывать как «мягкую», так и «умную силу» посредством образовательных, информационных и культурных программ.

Информационные программы включают в себя деятельность традиционных средств массовой информации: газет, радио и телевидения. Параллельно с развитием киберпространства в публичной дипломатии появилось новое эффективное направление – цифровая дипломатия.

Впервые идею использования Интернета как инструмента публичной дипломатии предложил директор Информационного

агентства США Дж. Даффи в 1996 г⁹. Необходимость установления контактов между американским правительством и зарубежными обществами подтолкнула Соединенные Штаты к развитию сетевой дипломатии, а появление внешнего врага в лице исламского фундаментализма способствовало использованию Интернета для ведения информационных войн, мониторинга общественного мнения и мгновенной реакции на те или иные события.

Администрация Барака Обамы вывела цифровую дипломатию на новый политический уровень. В 2009 г. госсекретарь США Хилари Клинтон предложила новую программу американской внешней политики, одним из основных направлений которой стала цифровая дипломатия¹⁰. Главная задача такой дипломатии – объединение пользователей сети Интернет вокруг правительства США. В рамках осуществления сетевой дипломатии Госдепартамент США создал около 230 страниц в Facebook, 80 – в Twitter, 55 каналов на YouTube и 40 страниц на Flickr. Успешно реализуя цифровую дипломатию, Барак Обама стал первым президентом Соединенных Штатов, активно использующим Всемирную паутину. Американский президент зарегистрирован и официально подтверждает свое присутствие в 16 различных интернет-сервисах. Микроблог Обамы в «Твиттере» является одним из самых популярных в мире, так как его читают уже более 43 млн человек. Именно Барак Обама во время своего первого президентского срока сделал популярным общение официальных лиц с пользователями Интернета.

Реальным механизмом такой дипломатии становятся социальные сети, в частности Facebook и Twitter, которые, например, в период «арабской весны» превратились в платформы протестного движения. В научно-исследовательской литературе появился даже специальный термин *Twiplomacy* – осуществление дипломатии через социальную сеть Twitter¹¹.

Цифровая дипломатия полностью вписывается в публичную дипломатию с присущими ей элементами, которые были охарактеризованы американским исследователем Н. Куллом. Он впервые ввел в научный оборот понятие «слушание» (*listening*), а именно установление диалога с зарубежными обществами и анализ общественного мнения. Второй элемент публичной дипломатии, на который обратил внимание Н. Кулл, – информационные кампании для формирования положительного мнения в зарубежных странах (*advocacy*)¹². Другими словами, это реакция на общественное мнение с целью его коррекции в необходимом для Соединенных Штатов направлении. Именно эти элементы были предложены Дж. Макхейл в качестве нововведений в американскую публичную дипломатию в 2009 г.

Поскольку культурные программы являются средством реализации публичной дипломатии, культурную дипломатию можно рассматривать как составляющую часть публичной дипломатии. Культурная дипломатия подразумевает обмен идеями, информацией, ценностями, методами, традициями, мнениями для достижения взаимопонимания¹³. Она также нацелена на достижение определенных интересов и тиражирование позитивного имиджа страны.

Значение публичной дипломатии усиливается в условиях конфликта и культурно-цивилизационного противостояния. Например, в начале 2000-х гг. на фоне роста антиамериканских настроений в мусульманских странах именно они привлекают повышенное внимание в качестве объекта публичной дипломатии США.

Однако публичная дипломатия имеет большое значение и во взаимоотношениях Соединенных Штатов с союзниками, в частности с Израилем, который является одним из ключевых игроков в Ближневосточном регионе. Несмотря на традиционно дружественные отношения между США и Израилем, существует фактор, который способствует сохранению напряженности, – палестино-израильский конфликт.

С приходом к власти в 2009 г. Барак Обама намеревался выстроить новую политику в отношениях с арабским и мусульманским миром, отличающуюся от той, которую проводила администрация его предшественника Дж. Буша-младшего.

В своей каирской речи Барак Обама не забыл подчеркнуть неизблемость союзнических отношений США с Израилем и заявил, что не станет отступать от исторически сложившихся принципов оказания поддержки государству Израиль, но также выразил симпатию к палестинцам, осудив продолжающуюся экспансию израильских поселенцев на западный берег реки Иордан¹⁴. Именно с выступления Обамы в Каире начался период охлаждения в американо-израильских отношениях.

Несмотря на негативную политическую конъюнктуру, связь между США и Израилем не стала менее тесной. Так, согласно опросу, проведенному в США Центром современных еврейских исследований Коэна при Университете Брандейс в 2009 г., примерно 63 % респондентов заявили, что они чувствуют личную тесную связь с Израилем, в то время как 75 % указали на тот факт, что забота о происходящем в Израиле является важной частью их национального самосознания¹⁵.

Причиной кризиса в американо-израильских отношениях в 2010 г. стали критические заявления Барака Обамы по поводу

строительства израильских поселений на оккупированных территориях. Политику Обамы стали воспринимать как «слишком жесткую» по отношению к еврейскому государству и называть «антиизраильской». Опрос общественного мнения, проведенный по заказу газеты «The Jerusalem Post» в мае 2011 г., показал, что 40 % израильтян считают политику Барака Обамы «пропалестинской» и только 12 % жителей государства поддерживают его политику¹⁶.

Однако после произнесенной президентом США речи на сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2011 г. ситуация изменилась и популярность Барака Обамы в Израиле значительно возросла. В своей речи он заявил, что к созданию палестинского государства могут привести только переговоры с Израилем¹⁷. Впоследствии Обама проинформировал главу Палестинской автономии Махмуда Аббаса, что США воспользуются правом вето в Совете Безопасности в случае обращения Палестины в ООН с требованием включить ее в состав организации. Согласно опросу, проведенному в конце сентября 2011 г. в Израиле, уже 54 % его граждан одобряли политику Обамы и считали ее благоприятной для еврейского государства. И только 19 % по-прежнему полагали, что в политике Обамы преобладает «пропалестинская» направленность¹⁸.

Новый виток напряженности в отношениях между США и Израилем возник на фоне приостановки Израилем переговоров по урегулированию палестино-израильского конфликта, которые начались в июле 2013 г. при активном посредничестве США и, в частности, государственного секретаря Джона Керри.

Одним из ключевых вопросов, по которому между США и Израилем до сих пор остаются определенные разногласия, является иранская ядерная программа. Израиль добивается от Соединенных Штатов проведения жесткой политики по отношению к Ирану, так как видит в его ядерной программе угрозу своей безопасности. Для Израиля единственно приемлемым результатом переговоров с Ираном является отказ этой страны от своей ядерной программы. Однако в 2013 г. США пошли на сближение с Исламской Республикой Иран, чем вызвали резкую критику израильского руководства и как следствие ухудшение американо-израильских отношений.

Тем не менее посол Израиля в Вашингтоне Майкл Орен утверждает, что, несмотря на разногласия по вопросу иранской ядерной программы, Израиль и США остаются союзниками. Посол США в Израиле Дан Шапиро также подтвердил, что разногласия между странами не означают кризиса в двусторонних отношениях, нацеленных на выполнение общей миссии на Ближнем Востоке¹⁹.

Укреплению двусторонних отношений, а также созданию положительного образа США в Израиле способствует публичная дипломатия, которая широко используется Соединенными Штатами в еврейском государстве.

Соединенные Штаты осуществляют публичную дипломатию в Израиле прежде всего посредством образовательных и информационных программ, что полностью вписывается в концепцию «мягкой силы».

Бюро по делам образования и культуры (The Bureau of Educational and Cultural Affairs) Госдепартамента США осуществляет в еврейском государстве самую известную образовательную программу У. Фулбрайта²⁰. Для участия израильтян в этой программе в 1956 г. был создан Американско-израильский образовательный фонд (United States-Israel Educational Foundation). Целевой аудиторией программы американского сенатора У. Фулбрайта считаются студенты, аспиранты, специалисты, ученые и исследователи, которые обладают высоким уровнем академической успеваемости, лидерскими качествами, гибкостью и способностью быстро адаптироваться к условиям иной культурной среды. Таким образом, эта программа рассчитана на действующую или потенциальную элиту общества, которая впоследствии сможет оказывать влияние на политику своей страны. Согласно статистике Института международного образования (Institute of International Education), за 2012–2013 гг. по программе Фулбрайта прошли обучение 2430 израильских студентов²¹. Среди выпускников программы немало членов правительства и представителей интеллигенции. Это доказывает, что программа способствует формированию дружественной США элиты Израиля.

Американско-израильский фонд осуществляет программу конференций (Fulbright-Israel Conference Program), которая предоставляет платформу для выступлений и дискуссий стипендиатам и выпускникам программы Фулбрайта, а также спикерам из США и Израиля²².

Примечательно, что американские образовательные программы имеют большую популярность среди израильской молодежи. Прежде всего израильтян привлекает возможность установления деловых связей с представителями международных компаний. Студенты из Израиля в основном ориентируются на США. В рейтинге уровня образования в странах мира (Education Index) за 2013 г. Соединенные Штаты занимают первое место. Кроме того, дипломы вузов США наиболее востребованы работодателями²³.

Израиль традиционно участвует в американских программах военного обучения. Государственный департамент США финан-

сирует самую известную из них – Международную программу военного образования и стажировок (International Military Education and Training). Она обеспечивает обучение и образование военнослужащих на основе грантов²⁴, что способствует поддержанию благоприятного имиджа США в армии, а также распространению американского влияния в регионе в целом.

Кроме того, в рамках публичной дипломатии США осуществляется деятельность совместных американско-израильских фондов, нацеленных на развитие взаимоотношений двух стран в области промышленности и сельского хозяйства на уровне научно-технической интеллигенции: Фонд двусторонних промышленных исследований и развития (Binational Industrial Research & Development Foundation), основанный для обеспечения посреднических услуг между израильскими и американскими промышленными компаниями в области высоких технологий²⁵; Фонд двусторонних исследований и разработок в сфере сельского хозяйства (Binational Agricultural Research and Development Fund), созданный для поддержки американско-израильского сотрудничества в области сельскохозяйственных исследований²⁶; Фонд двусторонних научных исследований (Binational Science Foundation), содействующий развитию сотрудничества в научно-технических исследованиях²⁷.

Осуществляя образовательные программы и оказывая воздействие не только на элиты общества, но и на молодежь, Соединенные Штаты используют образование для распространения своего влияния.

Важным инструментом реализации публичной дипломатии США в Израиле в начале XXI в. стали информационные программы. Поскольку Ближний Восток остается одной из приоритетных зон публичной дипломатии США, в регионе была создана широкая сеть американских радиостанций и телевидения. В частности, телеканал «Аль Хурра» и радио «Сава» осуществляют вещание на Израиль и Палестинские территории, оказывая воздействие на арабское население страны²⁸.

Трансляция спутникового телеканала «Аль Хурра» включает в себя новостные программы, освещающие последние события на Ближнем Востоке, в США и во всем мире, а также телепередачи, посвященные вопросам науки и культуры, политики и бизнеса. Таким образом, Соединенные Штаты имеют возможность передавать новости, соответствующие их интересам.

Телеканал транслирует специальные программы, рассказывающие о повседневной жизни американского общества, об истории и политике США, параллельно обращая внимание на создание об-

раза успешных арабских американцев, что способствует развитию доверия арабского населения Израиля к США, в том числе как к посреднику в палестино-израильском конфликте. Кроме того, отдельным направлением работы телеканала стал весь комплекс проблем развития стран Ближнего Востока с особым акцентом на недостатках политических режимов региона, достоинствах курса США, преимуществах развития государства Израиль.

Особое внимание канал «Аль Хурра» уделяет женской аудитории, еженедельно транслируя интервью с влиятельными арабскими женщинами, а также дискуссии о правах женщин в регионе. Поднимая вопросы социального положения женщин в обществе, США стимулирует процесс эмансипации. Это способствует более активному вовлечению арабских женщин в процесс производства в Израиле, который стремится не только повысить долю трудоспособного населения за счет увеличения занятости женщин в арабском секторе, но и увеличить ВВП страны на душу населения, преодолев отставание Израиля от 15 наиболее развитых стран²⁹.

Радио «Сава» осуществляет преимущественно трансляцию музыки. 80 % эфирного времени посвящено популярным песням арабских, американских и европейских исполнителей. 20 % эфира отведено рубрикам последних новостей, интервью и спорта³⁰.

Помимо реализации своих целей, США помогают еврейскому государству противостоять арабским странам в информационной войне. Так, когда между Израилем и ХАМАС вспыхнула борьба, телеканал «Аль Хурра» освещал обе стороны сложившейся ситуации. «Аль Хурра» предоставил еврейской стороне возможность рассказать о своем положении, чего не делали арабоязычные каналы, и показал страдания израильских и палестинских граждан.

Что касается печатных изданий, то около половины израильских газет переводятся на английский язык. Кроме того, в наиболее известных израильских газетах, таких как “The Times of Israel”, “The Jerusalem Post”, “Haaretz”, существуют разделы, посвященные еврейской диаспоре, в том числе в США. Это показывает тесную связь двух стран и координацию действий в информационном пространстве.

Газеты, радио и телевидение считаются эффективными средствами публичной дипломатии, однако сейчас они постепенно уходят на второй план, отдавая первенство сети Интернет, особенно в работе с главной целевой аудиторией – молодежью.

Проводя цифровую дипломатию, Соединенные Штаты умело используют Всемирную паутину для создания положительного

имиджа страны, разъяснения своей внешней политики и распространения американских культурных ценностей.

Американская цифровая дипломатия осуществляется и в отношении Израиля. Еврейское государство входит в число активных пользователей Всемирной паутины. По данным компании «Безек», в Израиле сегодня из 8,1 млн человек около 5 млн являются интернет-пользователями. В среднем 82 % из них выходят в сеть ежедневно³¹. По данным TechCrunch, на сайт Facebook каждый день заходит почти треть израильтян – 2,7 млн человек. Всего активных пользователей-израильтян этой социальной сети насчитывается более 3,8 млн человек³². По данным компании «Комскор», социальной сетью Twitter ежедневно пользуются 235 тыс. израильтян. Этот показатель касается только владельцев стационарных компьютеров, а с учетом пользователей мобильных устройств число израильтян в Twitter значительно больше³³.

Дипломатия в киберпространстве позволяет полномасштабно осуществлять концепцию «слушания», которая имеет большое значение в контексте международной коммуникации, как подчеркнул Барак Обама в интервью телеканалу «Аль Арабия» в 2009 г.³⁴ Благодаря такому общению у пользователей создается впечатление личного знакомства, близкого общения, появляется надежда быть услышанными, что непосредственным образом влияет на личный рейтинг официального лица, а также государства в целом.

Методы реализации публичной дипломатии, основанные на деятельности в сети Интернет, – сетевые контакты, форумы и интернет-телевидение – вписываются в концепцию «умной силы».

В Израиле существует множество интернет-форумов, где обсуждаются американо-израильские взаимоотношения, политика Соединенных Штатов. Например, на Israelforum.com существуют разные разделы, посвященные насущным проблемам еврейского государства. В частности, участники форума могут найти отдельный раздел, посвященный политике США (U.S. politics)³⁵.

Помимо потребления новостей, израильтяне также пользуются мультимедийной платформой YouTube, отправляя свои сообщения всему миру. Так, во время операции «Литой свинец» Израиль выкладывал видео происходящих событий³⁶. Кроме того, Израиль также использовал Twitter для общения с молодежью. Именно в Twitter разворачивались дебаты о ситуации в Секторе Газа. Тем самым еврейское государство, используя американские методы, пыталось противостоять информационной войне, которая разразилась в 2008 г., и донести свою точку зрения до пользователей социальных сетей.

Примером реализации «умной силы» США в Израиле можно считать заявление госсекретаря Дж. Керри на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в 2014 г. о возможном экономическом бойкоте Израиля странами Запада и вероятной третьей интифаде, в случае если Израиль не примет требования палестинских арабов и не подпишет с ними договор о создании Палестинского государства³⁷. Таким образом, США пытаются убедить еврейское государство, оказывая давление с применением экономических рычагов влияния.

В концепцию «умной силы» вписывается и деятельность различных неправительственных организаций. Однако ее нельзя признать успешной.

В Израиле действует специальная некоммерческая организация, занимающаяся сбором информации об НПО, анализом их деятельности и распространением результатов своих исследований, – «NGO Monitor». Согласно ее данным, в Израиле осуществляют свою деятельность такие американские организации, как «Джей-стрит» (JStreet), Фонд Форда, Новый израильский фонд (New Israel Fund), к которым в Израиле относятся крайне негативно.

Леворадикальная и антиизраильская направленность НПО «Джей-стрит» очевидна. Один из ее основателей, Даниэль Леви, назвал создание государства Израиль «исторической ошибкой». «Джей-стрит» получает пожертвования от проживающих в Америке мусульман, а также от нескольких лиц, связанных с лоббированием интересов Палестинской автономии и Ирана³⁸.

Фонд Форда является некоммерческой и неправительственной организацией и позиционирует себя как защитник демократии и прав человека. В течение холодной войны Фонд служил прикрытием финансовых операций ЦРУ и имел тесную связь с Управлением³⁹. Посредством иностранных фондов – Палестинского центра по правам человека (Palestinian Center For Human Rights) и Центра защиты конституционных прав (Center for Constitutional Rights) – Фонд Форда оплачивал иски против ряда израильских военных⁴⁰. В 2003 г. он подвергся критике за поддержку палестинских НПО, участвовавших в антиизраильских мероприятиях в ходе Всемирной конференции против расизма в 2001 г. После подписания 21 конгрессменом петиции фонд был вынужден принести извинения. В то же время Фонд Форда объявил о создании Нового израильского фонда (НИФ).

Полковник Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) Бенни Янайя заявил: «Новый израильский фонд действует против Израиля,

против солдат страны». Организация «Консенсус», в которую входят 300 высокопоставленных израильских армейских офицеров, убеждена, что НИФ является в настоящее время ведущей угрозой для боевой эффективности израильской армии, ВВС и ВМФ⁴¹.

Таким образом, несмотря на то что американские НПО активно действуют в Израиле, их деятельность не способствует укреплению двусторонних отношений.

Ярким примером реализации публичной дипломатии США является деятельность Американско-израильского комитета по общественным связям (American-Israel Public Affairs Committee – АИРАС), который был создан в 1954 г. с целью обеспечить поддержку молодому еврейскому государству со стороны правительства Соединенных Штатов Америки. С тех пор АИРАС постоянно способствует укреплению отношений между США и Израилем в экономической, политической и военной областях⁴². Начав свою деятельность как одно из многочисленных лобби в конгрессе, АИРАС превратился во влиятельную организацию со штаб-квартирой в Вашингтоне и местными представительствами по всей территории США. Члены АИРАС активно работают не только в Конгрессе, но и в самых различных кругах общества, стремясь вовлечь как можно больше американских граждан в мероприятия по укреплению дружественных связей между Израилем и США. Таким образом, пользуясь значительным влиянием в Вашингтоне, еврейское лобби оказывает давление на законодательную и исполнительную власти США.

Еврейское лобби осуществляет контроль над такими ведущими газетами, как “The Wall Street Journal”, “The New York Times”, “The Washington Post”, а также журналами “New Republic”, “Commentary”, “Weekly Standard”⁴³.

Многочисленная и влиятельная еврейская диаспора в США является своеобразным инструментом публичной дипломатии. По данным еврейской энциклопедии, в США проживают 5,6 млн евреев, что составляет 1,8 % всего населения страны. Большинство из них живут в крупных городах: прежде всего в Нью-Йорке, а также в Лос-Анджелесе, Филадельфии, Чикаго, Бостоне⁴⁴. К началу XXI в. в США действовало 5380 еврейских организаций. Политическая система и политическая культура США позволяют еврейским организациям играть решающую роль на выборах всех уровней, делая большие взносы в предвыборные фонды⁴⁵.

Американские евреи занимают ведущие посты в теле- и киноиндустрии, заведуют театрами и управляют консерваториями.

Располагая огромным влиянием в СМИ и щедро финансируя научно-исследовательские центры, еврейское лобби создает положительный имидж Израиля в США. Кроме того, посредством культурных мероприятий, а также личных контактов американские евреи оказывают влияние на евреев, живущих в Израиле.

Можно с уверенностью сказать, что в начале XXI в. США активно используют публичную дипломатию для поддержания и укрепления взаимоотношений с Израилем. Несмотря на охлаждение американо-израильских отношений и разногласия по некоторым вопросам, две страны остаются союзниками благодаря тесной связи не только двух государств, но и двух народов, реальный вклад в которую вносит публичная дипломатия.

Примечания

- ¹ *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. С. 18.
- ² *Долгинский А.* Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2399#top (дата обращения: 04.04.2014).
- ³ *Цатурян С.А.* Общественная дипломатия США в новом информационном столетии [Электронный ресурс] // АНО Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <http://www.csef.ru/index.php/ru/component/csef/project/---/?id=3371> (дата обращения: 06.04.2014).
- ⁴ *Нью Дж.* Soft Power: The Means of Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs Press, 2004. P. 6–7.
- ⁵ Soft Power Survey 2013 [Электронный ресурс] // Monocle. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013/> (дата обращения: 23.04.2014).
- ⁶ American “Smart Power”: Diplomacy and Development Are the Vanguard [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/pr/162247.htm> (дата обращения: 08.04.2014).
- ⁷ Public Diplomacy: A National Security Imperative [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/remarks/2009/124640.htm> (дата обращения: 23.06.2014).
- ⁸ *Журавлева В.Ю.* Концепция «умной силы» и Стратегия национального развития Б. Обамы [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=268> (дата обращения: 14.06.2014).
- ⁹ *Цветкова Н.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США [Электронный ресурс] // История США. URL: <http://www.ushistory.ru/stati/559-programmy-web-20-v-publichnoj-diplomatii-ssha.html> (дата обращения: 09.04.2014).

- 10 U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton speaks about 21st century statecraft [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=x-6PFPSTeEz3c> (дата обращения: 20.06.2014).
- 11 Зонова Т. Публичная дипломатия и ее акторы [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiangovernment.ru/inner/?id_4=681#top (дата обращения: 10.04.2014).
- 12 Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 35.
- 13 Hemming J. Comment on Cultural Diplomacy [Электронный ресурс] // Academy for Cultural Diplomacy. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?Comment-on-Cultural-Diplomacy-4> (дата обращения: 10.06.2014).
- 14 Косач Г.Г. Барак Обама в Каирском университете: речь, обращенная к арабскому и мусульманскому миру [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8763> (дата обращения: 07.04.2014).
- 15 Связь евреев Америки с Израилем остается неизменной [Электронный ресурс] // Media international group MIGnews.com. URL: http://www.mignews.com/news/society/world/050910_03529_13725.html (дата обращения: 07.04.2014).
- 16 Hoffman G. Poll: 12 % of Israeli Jews consider Obama to be pro-Israel [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. URL: <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Poll-12-percent-of-Israeli-Jews-consider-Obama-to-be-pro-Israel> (дата обращения: 07.04.2014).
- 17 The United States of America. Statement summary [Электронный ресурс] // General Assembly of the United Nations. URL: <http://gadebate.un.org/66/unit-ed-states-america> (дата обращения: 07.04.2014).
- 18 Hoffman G. Op. cit.
- 19 Бывший посол Израиля в США рассказал об истинных отношениях Обамы и Нетаниягу [Электронный ресурс] // Центральный еврейский ресурс SEM 40. URL: <http://www.sem40.ru/index.php?newsid=237750> (дата обращения: 13.06.2014).
- 20 About Us [Электронный ресурс] // United States-Israel Educational Foundation. URL: <http://fulbright.org.il/en/> (дата обращения: 08.04.2014).
- 21 International Students: All Places of Origin [Электронный ресурс] // Institute of International Education. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Open-Doors/Data/International-Students/All-Places-of-Origin/2011-13> (дата обращения: 08.04.2014).
- 22 About Us // United States-Israel Educational Foundation...
- 23 Рейтинг стран мира по уровню образования [Электронный ресурс] // Global EDU. URL: <http://global-edu.ru/foreign-education/education-country-ratings/> (дата обращения: 21.04.2014).
- 24 International Military Education and Training (IMET) [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/pm/65533.htm> (дата обращения: 08.04.2014).

- ²⁵ What is BIRD? [Электронный ресурс] // BIRD Foundation. URL: <http://www.birdf.com/?CategoryID=317&ArticleID=374> (дата обращения: 17.04.2014).
- ²⁶ U.S.-Israel Binational Foundations: Binational Agricultural Research & Development Fund (BARD) [Электронный ресурс] // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/US-Israel/BARD.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- ²⁷ U.S.-Israel Binational Foundations: Binational Science Foundation (BSF) [Электронный ресурс] // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtual-library.org/jsource/US-Israel/bsf.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- ²⁸ Alhurra TV, Radio Sawa [Электронный ресурс] // Broadcasting Board of Governors. URL: <http://www.bbg.gov/broadcasters/mbn/> (дата обращения: 09.04.2014).
- ²⁹ *Дубсон Б.И.* Современный Израиль: Социально-экономические очерки. М.: Международные отношения, 2014. С. 28.
- ³⁰ Radio Sawa [Электронный ресурс] // World News Network. URL: http://wn.com/radio_sawa (дата обращения: 18.04.2014).
- ³¹ Интернет в Израиле. Статистика [Электронный ресурс] // 9tv.co.il. URL: <http://9tv.co.il/news/2014/02/26/169935.html> (дата обращения: 07.04.2014).
- ³² Там же.
- ³³ Сотни тысяч израильтян сидят в «Твиттере» [Электронный ресурс] // 9tv.co.il. URL: <http://9tv.co.il/news/2014/05/27/176619.html> (дата обращения: 14.06.2014).
- ³⁴ Obama tells Al Arabiya peace talks should resume [Электронный ресурс] // AL ARABIA NEWS. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2009/01/27/65087.html> (дата обращения: 12.04.2014).
- ³⁵ 24-Hour News, Discussion & Debate from a Pro-Israeli Viewpoint [Электронный ресурс] // Israelforum. URL: <http://www.israelforum.com/> (дата обращения: 09.04.2014).
- ³⁶ Israel uses YouTube, Twitter to share its point of view [Электронный ресурс] // CNN.com. URL: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/meast/12/31/israel.youtube/> (дата обращения: 11.04.2014).
- ³⁷ *Генис Д.Е.* Керри угрожает Израилю бойкотом [Электронный ресурс] // Сервер «Заграница» при библиотеке Мошкова. URL: http://world.lib.ru/g/genis_d_e/kerri_boikot_israel.shtml (дата обращения: 09.04.2014).
- ³⁸ Левые американские евреи задумали переворот в Израиле [Электронный ресурс] // Новости ХАДАШОТ. URL: <http://hadashot.kiev.ua/old/Hadashot%2006-2012/Над%2013-06-2012.html> (дата обращения: 20.04.2014).
- ³⁹ *Лабарик П.* Почему Фонд Форда финансирует споры [Электронный ресурс] // Сеть Вольтер. URL: <http://www.voltairenet.org/article129883.html> (дата обращения: 25.04.2014).
- ⁴⁰ *Генис Д.Е.* Кто платит левым «правозащитникам» Израиля [Электронный ресурс] // Сервер «Заграница» при библиотеке Мошкова. URL: http://world.lib.ru/g/genis_d_e/ktoplatitlevymisrailya.shtml (дата обращения: 20.04.2014).

- ⁴¹ *Black E.* Financing the Flames [Электронный ресурс] // Financing the Flames by Edwin Black. URL: <http://www.financingtheflames.com/> (дата обращения: 30.04.2014).
- ⁴² Our Mission [Электронный ресурс] // AIPAC America's Pro-Israel Lobby. URL: <http://www.aipac.org/about/mission> (дата обращения: 18.04.2014).
- ⁴³ *Меликян А.* Евреи и США [Электронный ресурс] // Журнал «Золотой лев». URL: http://www.zlev.ru/173/173_56.htm (дата обращения: 18.04.2014).
- ⁴⁴ Евреи США: история успеха [Электронный ресурс] // Jewish.ru. URL: <http://www.jewish.ru/history/facts/2011/10/news994301406.php> (дата обращения: 15.04.2014).
- ⁴⁵ *Меликян А.* Указ. соч.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX в. В ЕВРОПЕ В ВОСПРИЯТИИ «МОЛОДОЙ АМЕРИКИ»

В статье изучается отношение сторонников «Молодой Америки», к которой относили группировку в Демократической партии США – сенаторов (С. Дугласа, Дж. Шилдза, И. Уолкера, П. Сулэ), политиков, а также журнал “Democratic Review” (в 1852 г. его редактором являлся Дж.Н. Сэндерс, в числе авторов были ирландский революционер Т. Девин Райлли, сподвижник Л. Кошута Ч.Ф. Хеннингсен), к национальным движениям в Старом Свете. Многие «молодые демократы» поддерживали национально-освободительную борьбу венгерского, польского, итальянского, ирландского народов. Некоторые из них допускали возможность вооруженного вмешательства Соединенных Штатов в дела других стран для оказания помощи «угнетенным национальностям» Европы, защищали так называемую доктрину «интервенции ради невмешательства».

Ключевые слова: «Молодая Америка», “Democratic Review”, национальные движения в Европе 1848–1849 гг., Ч.Ф. Хеннингсен, Т. Девин Райлли, доктрина «интервенции ради невмешательства».

В последнее время вышло в свет большое число научных трудов, посвященных национализму, истории возникновения национального сознания. В этой связи исследователи обратились и к европейским революциям 1848–1849 гг., в которых национальный вопрос сыграл значительную роль. Однако восприятие национальных движений в Старом Свете американскими современниками, в частности сторонниками «Молодой Америки», не было предметом специального изучения.

К «Молодой Америке» в конце 1840 – начале 1850-х гг. относили группировку в Демократической партии – членов Конгресса, политиков, журналистов. К «молодым демократам» причисляли сенаторов: депутата от штата Иллинойс Дж. Шилдза (он родился

в Ирландии), И. Уолкера (Висконсин), уроженца Франции, представлявшего в это время штат Луизиана, П. Сулэ. Кандидатом в президенты США от «Молодой Америки» был выдвинут сенатор из Иллинойса С. Дуглас. Печатным органом «младоамериканцев» в конце 1851–1852 гг. являлся издававшийся в Нью-Йорке “Democratic Review” (редактор – Дж.Н. Сэндерс). В состав редакции журнала входили выпускник Дублинского протестантского университета Тринити, член «Молодой Ирландии» Т. Девин Райлли (после неудачного восстания конфедератов летом 1848 г. он бежал в Соединенные Штаты, в конце 1850–1851 гг. сотрудничал с вигским журналом “American Whig Review”) и, по некоторым сведениям, гражданин Великобритании скандинавского происхождения, сподвижник Л. Кошута Ч.Ф. Хеннингсен, эмигрировавший в Америку в 1851 г.

По словам поэта, члена «Молодой Ирландии» Дж. Сэвиджа, “Democratic Review” под руководством Сэндерса «поднял знамя демократии над каждой национальностью Европы»¹. Революциям в Старом Свете, национальным движениям середины XIX столетия журнал посвящает несколько статей, в частности «Кризис в Европе» (в двух частях), «Интервенция», «Мадзини – Молодая Европа», «Абсолютизм против республиканизма. Положение Европы», «Ирландия и Священный Союз. Томас Фрэнсис Мигер (Мар)», «Война в Венгрии: Стайлз – Хеннингсен – Гёргей» и др. На фронтисписе январского 1852 г. номера был помещен портрет итальянского революционера Дж. Мадзини, а позднее – изображение Дж. Митчела, Т.Ф. Мигера.

“Democratic Review” нередко обращается к постнаполеоновской эпохе, системе послевоенного устройства Европы, установленной Венским конгрессом в 1815 г., деятельности Священного союза. Если ряд современных исследователей делают акцент на том, что Венский порядок в первой половине XIX в. обеспечил «долгий мир» в Европе, способствовал совместному разрешению спорных проблем², то публицисты журнала, как и многие их современники – европейские демократы и либералы, указывали на его несовершенство. Как известно, по Венским договоренностям польские земли были поделены между Россией, Пруссией и Австрией. Последняя получила Восточную Галицию и округ Тернополь, а также к ней перешли Венеция и Ломбардия; под контролем Вены вновь оказались мелкие государства Центральной Италии.

Новая европейская организация, с точки зрения авторов “Democratic Review”, основывалась на принципе легитимизма и территориальном status quo, воплощала тайную дипломатию. Представ-

лялось, что идеологический фактор играл определяющую роль в международных отношениях. На центральное место выдвигался конфликт между республиканизмом и монархизмом: Венское устройство явилось «монархическим заговором против республиканизма», «распространяющегося духа свободы». Подчеркивалось, что «перекройка» Европы была произведена великими державами в угоду абсолютизма, в соответствии с принципами, игнорирующими национальную идею. Россия, Англия, Австрия, Пруссия, а затем и Франция от лица пентархии «осуществляли управление всем континентом». «Малые» государства Европы фактически были лишены суверенитета, отстранены от активного участия в международных делах. Политика Священного союза противоречила чаяниям народов; права народов были вероломно попораны европейскими монархами и князьями, «врагами человеческой расы»³.

Еще в своих книгах «Восточная Европа и император Николай» (первое издание вышло в свет в 1845 г.), «Открытие России, или Император Николай и его империя в 1844 г.» (1844) Ч.Ф. Хеннингсен обращает внимание на этническую неоднородность Российской, Австрийской, Османской империй, Прусского королевства. Большое место он отводит «славянской расе» (Slavonic race) в этих государствах, насчитывающей, по его сведениям, примерно 85–100 млн человек. В Российской империи выделяются «московиты», или великороссы, малороссы, или русины, белорусы, или русняки, поляки, в Австрийской империи – словаки, хорваты, словенцы, поляки, чехи. Работа Хеннингсена, несомненно, представляет интерес для этнологов. Он отмечает многонациональный характер Российской империи, пишет о финнах, лопарях, самоедах, эстонцах, литовцах, немцах, евреях, армянах, грузинах, черкесах и других народностях⁴. В работе «Прошлое и будущее Венгрии» (1852) Хеннингсен рисует довольно пеструю картину «рас», населяющих Венгрию. Термин «раса» употребляется для обозначения народов, родственных по историческим традициям, языку, культуре, религии. Иногда термин «национальность» используется как синоним понятия «раса».

Как и у многих их современников в Соединенных Штатах, у приверженцев «Молодой Америки» находит широкий отклик венгерское национальное движение: имя его лидера Л. Кошута было хорошо известно в Новом Свете. В конце 1851 – первой половине 1852 г. мадьярский революционер находился с визитом в США в качестве «гостя нации» и призывал американцев к оказанию помощи мадьярскому народу. С. Дуглас, выступая в Сенате в декабре 1851 г., сопоставляет венгерское национальное движение с Вой-

ной за независимость североамериканских колоний⁵. Вооруженная интервенция России на стороне Габсбургов с целью подавления венгерской революции в 1849 г. рассматривается как грубое нарушение права народов, принципов свободы и независимости наций. Независимая венгерская нация, уверяет “Democratic Review”, уже сложилась до царской интервенции⁶.

Национальные предубеждения одних народностей Австрийской империи против других, как представлялось Хеннингсеном, разжигались Веной, – они уже в прошлом. В настоящее время, утверждал он, для борьбы с деспотизмом все народы объединяются вокруг Кошута (последний в апреле 1848 г. будто бы уравнивал все классы и «расы»). Определяющая роль принадлежит мадьярской «расе»⁷. Как показали отечественные историки, реальность была далека от картины, сконструированной Хеннингсеном: в 1852 г. в Венгрии проживало 4,8 млн венгров, что составляло 36,5 % от общего числа жителей Австрии. Кошут недооценил значение проблемы национальных прав немадьярских народов, что подтолкнуло часть славян к союзу с Габсбургами⁸.

С большой симпатией “Democratic Review” отзываясь о Мадзини, Римской республике 1849 г.; осуждается политика папы Пия IX. Автор книги «Прошлое и будущее Венгрии» ратует за то, чтобы Италия стала независимой республикой со столицей в Риме. Журнал выражает сочувствие освободительной борьбе польского народа, делает упор на рост польского национального сознания. Ряд публицистов, резко выступая против англо-ирландской унии 1800 г., негодуют по поводу того, что Ирландия была «стерта» английской аристократией с политической карты Европы.

Развивается мысль о том, что венгерский, итальянский, ирландский, польский народы имеют право на государственную самостоятельность, формирование собственного республиканского правительства. Как считают некоторые авторы, в том случае, если бы интервенция Санкт-Петербурга не состоялась, произошел бы распад Австрийской империи. Тогда Венгрия стала бы «независимой национальностью», Италия превратилась в единую в культурном и религиозном отношениях нацию, а Пруссия разделила бы судьбу Габсбургской монархии. Девин Райлли, поддерживая Пруссию в войне против Дании за герцогства Шлезвиг и Гольштейн, приветствует дезинтеграцию Прусского королевства и Австрийской империи, образование «конфедеративной германской республики»⁹. В этом контексте о немецкой «национальности» речи не идет.

В целом можно заключить, что “Democratic Review” в начале 1850-х гг. уделяет значительное внимание национально-освободи-

тельному движению в Старом Свете, «принципу национальности» (сам термин «национальное самоопределение» стал общепринятым, по мнению ряда специалистов, лишь в годы Первой мировой войны¹⁰), что можно объяснить и стремлением «молодых демократов» получить голоса европейских иммигрантов на очередных президентских выборах (в 1852 г. подходил к концу срок президентства вигской администрации М. Филлмора). «Молодая Америка» опиралась в значительной степени на штаты Среднего Запада и, в некоторой степени, Юга США, а также на г. Нью-Йорк (в 1850 г. более трети жителей «великого города» составляли те, кто родился за рубежом). Собственно, и среди «младоамериканцев» были уроженцы Европы, участники революций в Старом Свете.

«Принцип национальности» связывается «молодыми демократами» с республиканскими политическими институтами, с понятиями молодости и прогресса. Ему придается политический смысл. Одним из апостолов «принципов национальности и республиканизма» объявляется герой Американской революции, шотландский моряк Дж. Пол Джонс. Последний, по словам одного из авторов "Democratic Review", завещал «нашему современному миру» (modern world) то, что Атлантический океан является «дорогой наций» (highway of nations)¹¹. Подобная трактовка «принципа национальности» согласуется с либеральной идеологией, с традицией «гражданского», «демократического национализма». Как и ряд современных исследователей¹², Хеннингсен ассоциирует возникновение национального сознания большей части славян с современной эпохой – с «энергией пара», распространением прессы. Европейские «цивилизованные» нации рассматриваются многими сторонниками «Молодой Америки» как отдельные индивидуумы в общей «семье народов». Они в основном не противопоставляются универсуму, не проводится жесткого разграничения между национальными и всеобщими ценностями. Согласно Дж. Шилдзу, Венгрия «вела битву за национальность в интересах всего цивилизованного мира». В этом смысле высказывания «младоамериканцев» перекликаются с заключениями Мадзини, для которого нации выступали промежуточной ступенью между личностью и человечеством.

Автор книги «Восточная Европа и император Николай» с неодобрением отзываясь об, как бы мы сейчас сказали, «этническом национализме». Он признается, что «принцип национальности и патриотизма», доведенный до крайности, может оказаться препятствием к прогрессу. Слияние всех «племен, рас и наций» можно считать «счастливым событием» только в том случае, пишет он,

когда дух «национальности» будет окончательно похоронен¹³. Однако некоторые высказывания Хеннингсена, Девина Райлли, ряда публицистов “Democratic Review” выдержаны в духе «исключающего национализма». Разжигается недоверие, неприязнь к другим народам, конструируется образ враждебного «Другого».

Как полагает известный американский культуролог и историк Ларри Вульф, концепт «Восточная Европа» был «изобретен» образованными европейцами в эпоху Просвещения – до XVIII в. разделение европейского континента происходило по линии: средиземноморский Юг – балтийский Север. Но специалисты обращают внимание на то, что в самих текстах, анализируемых Вульфом, понятие «Восточная Европа» не встречается. Переориентация воображаемой географии Европы, утверждают они, происходила постепенно вплоть до середины XIX в. Американский исследователь Марк Бейкер приходит к выводу о том, что Хеннингсен – первый в числе англоязычных авторов, кто вводит в оборот данный термин¹⁴.

Ментальная карта Европы, «изобретенная» последним, разделяет европейский континент на «западную половину» и «восточную часть». В Западную Европу автор включает «цивилизованные» государства, опирающиеся на конституционные принципы, – Англию, Францию, Бельгию, Голландию, Швецию. Им противостоят «деспотические» империи – Российская, Австрийская, Османская, а также Прусское королевство. Российской империи отведена особая роль – автор не жалеет темных красок для описания «неограниченного деспотизма» самодержавия, и в особенности Николая I. Автор отвергает обвинения в русофобии, однако формирует «демонический» образ русских, которых он пренебрежительно называет «москвитами» (они будто бы по-рабски покорны, хотя миролюбивы), «варварской», «азиатской» России¹⁵. Хеннингсен подводит к мысли об искусственности и непрочности «деспотических» империй. Согласно Бейкеру, гражданин Великобритании одним из первых высказал идею о том, что исторические и культурные различия между народами Российской империи, и в частности польский вопрос, могут послужить причиной ее распада.

В “Democratic Review” также часто используются словосочетания: Западная и Восточная Европа, «западный мир», «западная цивилизация» (к коей относят и Соединенные Штаты), создается образ русского «варвара у ворот». Название одной из статей Девина Райлли – «Русские амбиции» – говорит само за себя. Автор отмечает важную роль, которую будет играть национальный вопрос в «политических революциях» (до недавнего времени, по его словам, «генеалогия наций», «безвредная для всех», интересовала

лишь ученых-этнологов). При этом он прямо подчеркивает: определяющее значение будут иметь не политические узы, объединяющие граждан и подчиняющие их одному правительству, а воспоминания об общем происхождении. Он также пишет о «варварской жестокости и азиатском хитроумии» русских¹⁶. Тезис об «азиатскости» России приводится для формирования образа России – не-Запада. Исследователи выделяют несколько форм доминировавших в XIX–XX вв. панславистских представлений¹⁷. В отличие от Хеннингсена, ирландский националист приводит традиционные аргументы об угрозе славянских «варварских» народов Западу, об экспансионистских устремлениях царизма и т. д.

Подобная «демонизация» России отражала упрощенное, черно-белое восприятие мирового порядка многими последователями «Молодой Америки», призвана была подтвердить развивавшуюся ими идею об антитезе: монархизм, однозначно трактуемый как Тьма, Зло, – республиканизм, истолковывавшийся как Свет, Добро. Однако такой образ Санкт-Петербурга в целом не оказал существенного влияния на российско-американские отношения в данный период. Отечественные специалисты пришли к заключению, что использование русского «Другого» в качестве конституирующего на официальном уровне произойдет позднее, в XX в.¹⁸

«Чужой» ассоциируется ирландскими революционерами, многими публицистами “Democratic Review” и с Англией. Политика Лондона в постнаполеоновскую эру характеризуется как лицемерная, предательская в отношении европейской демократии. Великобритания представляется главным виновником всех бед Ирландии, прежде всего «великого голода» 1845–1849 гг., вызванного длительным неурожаем картофеля. Как и Митчел, Райлли политизирует голод, проводя мысль о преднамеренном геноциде ирландского народа британским правительством. Сэндерс в примечании редактора даже утверждает, что английский политический режим намного более жестокий, нежели российский. Монархии, заявил автор статьи «Ирландия и Священный Союз», паразитируют на теле национальности и погибают вместе со смертью наций, которые они поглощают. Ненависть к «туманному Альбиону» переносится и непосредственно на британский народ, будто бы «слабый, бездуховный, жалкий»¹⁹. «Национально окрашенное» сознание публицистов создает враждебного английского «Другого», используемого для конструирования мифической ирландской идентичности, истоки которой – в идеализированной древнеирландской цивилизации. «Чистый», «не зараженный деспотизмом» католицизм связывается с ирландской «кельтской расой».

Привлекая внимание стран «западного мира» к национальным движениям в Европе, Хеннингсен еще в 1845 г. подводит к мысли о необходимости оказания им помощи. В целом “Democratic Review” придает большое значение доктрине интервенции, ее истории. Рассматривая международные отношения в Европе в постнаполеоновские годы, прослеживая политику Священного союза, один из авторов осуждает принцип вооруженного вмешательства во внутренние дела иностранных государств, одобренный Россией, Австрией, Пруссией на конгрессе в Троппау (1820) в целях противодействия революционному движению. Публицист истолковывает его как нарушение суверенитета наций. Он отмечает крупные интервенции, осуществленные тиранами XIX столетия. Это интервенции Французской республики в Рим в 1849 г. (подвергается критике политика Луи-Наполеона), Австрийской империи – в дела итальянских государств. Однако его особое возмущение вызывают царские интервенции в Польшу в 1831 г. и Венгрию²⁰.

“Democratic Review”, подобно Мадзини²¹, другим европейским демократам, отвергает и «эгоистический», «полный равнодушия» классический принцип невмешательства в отношениях между нациями, проповедуемый английскими либералами «манчестерской школы». Данный принцип после 1815 г., как утверждается, стал использоваться великими державами, европейским абсолютизмом для подавления движений, направленных на изменение Венского порядка. «Молодые демократы» по существу развивают идеи республиканцев, левых либералов – сторонников «партии движения» в годы Июльской монархии во Франции (в 1830-е гг. последние объединялись вокруг газеты “Le National” А. Карреля). Радикальное крыло приверженцев «партии движения» требовало защиты «угнетенных национальностей» в Бельгии, Польше и Италии, отказа правительства от принципа невмешательства в дела соседних государств и вместе с тем усиления международного влияния Франции, ее территориального расширения²².

Американский журнал подвергает критике позицию министра иностранных дел Французской республики А. де Ламартина в 1848 г., одобряя революционное мессианство французских демократов. Как известно, принципы внешней политики Второй республики излагались в манифесте Ламартина, опубликованном в марте 1848 г. В нем провозглашалось право республики оказывать помощь, в том числе военную, «определенным угнетенным национальностям» Европы. На этом основании к министру иностранных дел пришли польская (19 марта) и ирландская (3 апреля) делегации. Однако им было отказано в помощи. Как заявил один из публицистов “Demo-

cratic Review”, Французская республика в будущем не должна допустить «серьезную ошибку» временного правительства. Она должна объявить «принципиальную войну всем коронованным особам, распространить принципы братства на народы всего земного шара»²³.

Хотя «младоамериканцы» иногда рассуждают о праве, а не обязанности поддерживать «угнетенные национальности», а также говорят о возможности дипломатического, экономического, морального вмешательства, некоторые из них отстаивают законность и справедливость вооруженной интервенции США в дела суверенного европейского государства под предлогом оказания помощи «жертвам тирании». Принцип невмешательства в конфликты в Старом Свете для Соединенных Штатов имел собственные коннотации: он был связан с Прощальным обращением Джорджа Вашингтона, с доктриной Монро. И. Уолкер 16 декабря 1851 г. размышляет о «неполитичной, немудрой и несправедливой системе нейтралитета», которую защищает правительство. Когда народ поднимается для того, чтобы сбросить иго тирании, а иноземная держава осуществляет интервенцию для оказания помощи деспоту, подавления «национальности и независимости», подобные действия, по его словам, становятся предметом «международной озабоченности», и США совместно с Англией должны вмешаться (interpose), используя «моральную и физическую силу». В этом случае даже война будет способствовать «делу мира». Как заявил П. Сулэ, политики «прогрессивной школы» пытаются инициировать «систему вмешательства в дела других наций». С призывами отказаться от политики невмешательства выступает Дж. Шилдз²⁴, входивший в комитет по подготовке встречи Кошута в Конгрессе США.

В значительной степени это были, конечно, декларативные, «символические» заявления. Ни о какой немедленной интервенции речи не шло. Сторонники «Молодой Америки» руководствовались весьма «реалистическими» доводами, не забывая и о геополитических интересах Соединенных Штатов в Западном полушарии. Возможность интервенции оговаривалась внешне- и внутривнутриполитическими интересами Вашингтона, соображениями национальной безопасности, международной обстановкой. Дуглас высказывался весьма неопределенно: интервенция России в Венгрию, утверждал он, давала право Великобритании и Соединенным Штатам вмешаться в защиту «национальности», однако это отнюдь не означает, что правительство США в будущем в любом случае осуществит вмешательство.

Но показательно, что вопрос о возможности вооруженного вмешательства в дела другого государства был поставлен. По существу выдвигалась крайне сомнительная с юридической и этиче-

ской точек зрения доктрина «интервенции ради невмешательства» (“intervention for non-intervention”), или контринтервенции, вызывающая и поныне ожесточенные споры. Сейчас употребляется термин «гуманитарная интервенция»²⁵ (“intervention d’humanité”), появившийся позднее. Исследователи расходятся в понимании того, когда, кем впервые было использовано понятие «интервенция ради невмешательства». Его связывают либо с французскими республиканцами, либо с Дж. Мадзини²⁶, либо с Дж.С. Миллем²⁷. В своей более поздней статье «Несколько слов о невмешательстве» (1859) британский философ оговаривал случаи, когда интервенция в дела другого суверенного государства возможна. Если народ борется против иноземного гнета или против собственного тирана, поддерживаемого иностранным оружием, и если он подготовлен к свободным институтам, приходил к заключению Милль, тогда «интервенция ради невмешательства» (“intervention to enforce non-intervention”) «всегда справедлива, всегда моральна, хотя и не всегда целесообразна». Так, Англия и Франция имели право выступить на стороне венгров и предотвратить интервенцию России²⁸.

Однако в условиях пребывания Кошута в Соединенных Штатах концепция невмешательства, характер внешнеполитического курса Вашингтона в отношении Европы были предметом острой полемики и в республике Нового Света. Газета “Washington Union” (официальный орган Демократической партии) интерпретировала резолюции Уолкера как призыв «осуществить “интервенцию против интервенции” в дела Венгрии»²⁹. То есть, как показывают протоколы Конгресса, материалы периодических изданий, этот термин был уже знаком американцам: между Старым и Новым Светом происходила миграция, взаимовлияние идей. Этому в немалой степени способствовали европейские иммигранты в США, часть из которых разделяла устремления «Молодой Америки». Некоторые «молодые демократы», оказывая поддержку национальным движениям венгерского, польского, итальянского, ирландского народов, одобряли право военного вмешательства североамериканской республики в защиту «угнетенных национальностей» Европы.

Примечания

¹ *Savage J.* '98 and '48: The Modern Revolutionary History and Literature of Ireland. N. Y.: Redfield, 1856. P. 378.

² См., напр.: *Дегоев В.В.* Венская система: испытание революцией 1830–1831 гг. // Россия в XVIII–XX веках: страницы истории / Отв. ред.

- Л.В. Кошман. М.: Кн. дом «Университет», 2000. С. 127–131; *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 576–579.
- ³ Intervention // *Democratic Review* (далее – DR). 1852. Jan. Vol. 30. № 163. P. 54; The Crisis in Europe. Intervention of the United States // *Ibid.* 1852. May. Vol. 30. № 167. P. 411–412, 416; The Crisis in Europe. Number Two. Intervention of the United States // *Ibid.* 1852. June. Vol. 30. № 168. P. 554–557; etc.
- ⁴ [*Henningsen C.F.*] Eastern Europe and the Emperor Nicholas: In 3 vols. 2nd ed. L.: T.C. Newby, 1846. Vol. 1. P. 150–154; [*Idem.*] Revelations of Russia in 1846, by an English Resident: In 2 vols. 3rd ed. L.: Henry Colburn, Publisher, 1846. Vol. 2. P. 11–12, 18–21, 27–29; Vol. 1. P. 16, 365–368.
- ⁵ *Congressional Globe*. 32 Congress. 1st Session. P. 70.
- ⁶ War in Hungary: Stiles, Henningsen, Gorgey // DR. 1852. Nov.–Dec. Vol. 31. № 173. P. 543.
- ⁷ *Henningsen C.F.* The Past and Future of Hungary: Being Facts, Figures, and Dates, Illustrative of the Past Struggle, and Future Prospects. Cincinnati, OH: E. Morgan and Co, 1852. P. 3–4, 13–14; etc.
- ⁸ См., напр.: *Исламов Т.М.* Венгерская революция и национальности: ошибки национальной политики революционной власти // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии* / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 138–146; *Чуркина И.В.* Л. Кошут и южные славяне // *Вопросы истории*. 2003. № 3. С. 131–137; и др.
- ⁹ Monarchy and the Republic in Italy // DR. 1852. Sept. Vol. 31. № 171. P. 196–199; Absolutism versus Republicanism // *Ibid.* 1852. Nov.–Dec. Vol. 31. № 173. P. 593, 597; Ireland and the Holy Alliance. Thomas Francis Meagher // *Ibid.* 1852. July. Vol. 31. № 169. P. 28–29; Russian Ambition // *American Whig Review* (далее – AWR). 1850. Dec. Vol. 12. № 36. P. 633.
- ¹⁰ *Lynch A.* Woodrow Wilson and the Principle of ‘National Self-Determination’: A Reconsideration // *Review of International Studies*. 2002. Apr. Vol. 28. № 2. P. 422.
- ¹¹ Progress of Democracy, vs Old Foggy Retrograder. Speech of Marshall, of California // DR. 1852. Apr. Vol. 30. № 166. P. 292.
- ¹² *Геллиер Э.* Нации и национализм: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- ¹³ [*Henningsen C.F.*] Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 2. P. 212–214.
- ¹⁴ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 6–7, 35–36; *Бейкер М.* Один человек «Восточную Европу» не создаст, но может попытаться: Чарльз Фредерик Хеннингсен и идеологическое конструирование Восточной Европы / One Man Cannot an “Eastern Europe” Make, but He Can Certainly Try: Charles Frederick Henningsen and the Ideological Construction of Eastern Europe // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 524–525, 530.

- ¹⁵ [Henningsen C.F.]. Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. v–vii, xii, 28–29; Vol. 3. P. 119, 181, 282–283; etc.; The Ingraham Committee and Universal Democratic Republicanism // The New York Times. 1853. Nov. 11.
- ¹⁶ Mazzini – Young Europe // DR. 1852. Jan. P. 42; Russian Ambition // AWR. 1850. Dec. P. 621–624, 629.
- ¹⁷ См., напр.: Павленко О.В. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40–60-е годы XIX века // Славяно-германские исследования. М.: Индрик, 2000. С. 246.
- ¹⁸ Кирилл И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е гг. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914. М.: Изд-во РГГУ, 2012.
- ¹⁹ Ireland and the Holy Alliance // DR. July 1852. P. 28; The Crisis in Europe // Ibid. 1852. May. P. 416; Revolution or Migration – The Irish Question // Ibid. 1852. Febr. Vol. 30. № 164. P. 101–105.
- ²⁰ Intervention // DR. 1852. Jan. P. 53–57.
- ²¹ Обычно исследователи обращаются к статье Мадзини «О невмешательстве» (1851).
- ²² Федосова Е.И. Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Европейские революции 1848 года. С. 16–18; Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005. С. 51–53.
- ²³ Lamartine A. Trois mois au pouvoir. P.: Michel Lévy Frères, 1848. P. 130–136, 148–152; The Crisis in Europe. Number Two // DR. 1852. June. P. 404.
- ²⁴ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 105, 55; Soule P. Speech of Mr. Soule, of Louisiana, on Non-Intervention, Delivered in the Senate of the United States, March 22, 1852. Washington: J.T. Towers, 1852. P. 7.
- ²⁵ У современного читателя данная концепция, по-видимому, ассоциируется прежде всего с начатыми в марте 1999 г. бомбардировками авиацией НАТО сербских позиций под предлогом защиты якобы подвергавшихся геноциду косовских албанцев. Бомбовые удары вызвали напряженность в отношениях между Москвой и НАТО, резкую критику ряда стран. В последнее время специалисты обратились к серьезному изучению истории гуманитарной интервенции, однако она рассматривается главным образом в контексте политики европейских держав. См.: Onuf N. Humanitarian Intervention: The Early Years [Электронный ресурс] // UC Irvine School of Social Sciences. URL: http://www.cgpracs.uci.edu/files/cgpracs/docs/2010/working_papers/nicholas_onuf_humanitarian_intervention.pdf (дата обращения: 17.02.2014); Bass G.J. Freedom's Battle: The Origins of Humanitarian Intervention. N. Y.: Knopf; 2008; Humanitarian Intervention: A History / Ed. by B. Simms, D.J.B. Trim. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- ²⁶ Isabella M. Mazzini' Internationalism in Context: From the Cosmopolitan Patriotism of the Italian Carbonari to Mazzini's Europe of the Nations // Giuseppe Mazzini and

the Globalization of Democratic Nationalism 1830–1920 / Ed. by C.A. Bayly and E.F. Biagini. Proceedings of the British Academy. Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2008. P. 49–50.

²⁷ *Varouxakis G.* Liberty Abroad: J.S. Mill on International Relations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. P. 89.

²⁸ *Mill J.S.* A Few Words on Non-Intervention. P. 123–124. URL: international-political-theory.net/texts/Mill-Non-Intervention.pdf (дата обращения: 17.02.2014).

²⁹ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 129.

ОБРАЗ «ЮЖАНИНА» В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу образа «южанина», представленного в американском юмористическом дискурсе на рубеже XX–XXI вв. Междисциплинарный подход позволяет исследовать конструкцию национальной и региональной идентичности через образ «Другого» с учетом внешней и внутренней политики США.

Ключевые слова: идентичность, Юг, США, юмор, южанин, дискурс.

В контексте современного глобализованного и мультикультурного мира с его стремлением преодолеть постмодернистскую парадигму исследование идентичности хоть и в иных условиях, но сохраняет свою значимость в силу постоянной активизации культурной памяти нации с целью определения собственного места в исторической системе координат. Постмодернизм постулирует положение о том, что раз прошлое невозможно уничтожить, а идентичность всегда исторична, «его нужно переосмыслить, иронично, без наивности»¹. В этом смысле изучение «юмористического» измерения идентичности репрезентативно, поскольку оно выявляет существенные, а не акцидентные (случайные) свойства высмеиваемого объекта², а в качестве формы восприятия инаковости и вовсе стремится к принятию и пониманию «Другого».

Существующие теории юмора³ направлены на исследование его генезиса и определение функционального диапазона. При этом, как представляется, юмор необходимо рассматривать прежде всего в качестве дискурсивной практики, в которой социальная норма или интертекстуальная составляющая нарушается⁴. Таким образом, юмор требует наличие пресуппозиции, т. е. тех условий и контекстов, которые «должны иметься для того, чтобы предложение было понято в его “преднамеренном” значении»⁵. Говоря о современном

американском юморе, посвященном Югу США, пресуппозицией выступают представления о регионе, формирующие образ и культуру его жителей.

В качестве основных источников выступают современные американские мультипликационные юмористические сериалы: «Симпсоны»⁶, «Король горы»⁷, «Южный парк»⁸, «Гриффины»⁹. Выбор в первую очередь обусловлен продолжительностью и систематичностью общения сериалов со зрителем¹⁰. Интенсивность данного общения и следы его влияния потенциально более значительны, если вести речь о сериалах, идущих в прайм-тайм и приобретших статус культовых.

Кроме того, в современном мире информацию и материал для самоидентификации люди получают, главным образом, через средства массовой коммуникации, особенно телевидение¹¹, аудитория которого огромна¹². Также предполагается, что влияние телетекстов естественнее и глубже, чем влияние других типов телепрограмм, так как представленные на экране значения художественного текста не навязываются, а постигаются во время игры-потребления¹³.

Дискурс-аналитический метод, в силу гибкости привлекаемого инструментария, позволяет для каждого нового исследования создавать необходимую для раскрытия темы на данных источниках конфигурацию подходов. Так как телеполотно – это своего рода Текст (сложноустроенная семиотическая система), для работы с его контентом я привлекаю стратегии и терминологию из области текстового анализа. Учитывая тот факт, что телевидение комбинирует ряд искусств и эксплуатирует множество форматов, что делает его язык-дискурс особенно трудным для анализа по всем параметрам, необходимо в конкретном исследовании ограничить себя методологически – в соответствии с особенностями рассматриваемых источников. В данном случае речь идет о художественном мультипликационном фильме в формате сериала, т. е. долго длящегося нарратива. В художественном произведении, существующем как замкнутая, самодостаточная система знаков, ключевыми элементами структуры являются мир произведения, его тематика и проблематика, культурные, исторические и другие ассоциации, сюжетные линии и персонажи. Именно эти элементы будут в центре моего анализа содержания сериалов, для чего я использую сочетание семиотического и нарративного подходов. Анализ формы источников будет возможен благодаря предварительному введению в парадигму дискурса мультипликационных сериалов на американском телевидении, что включает знание жанров и разновидностей сериалов, а также порядка их производства¹⁴.

Прежде чем перейти к рецепции южан их антагонистами, необходимо сделать уточнение. Дело в том, что Юг США не является гомогенным регионом. По этой причине образ южанина – явление многослойное, включающее в себя представления о конкретном штате, религиозной принадлежности, стиле жизни и т. д. Так, например, наиболее бедная прослойка южных фермеров получила прозвище «*реднеки*» (Redneck, «красношеи»), а те из них, которые населяют район гор Аппалачи, в свою очередь, зовутся «*хиллбилли*» (Hillbilly, «Билли с холмов»). В Луизиане и Техасе южан, потомков французских переселенцев, называют *каджунами*, *кейджунами* (cajuns)¹⁵. В этом смысле интересно выявление именно тех представлений, которые определяют «южность», т. е. конституирующий признак региональной идентичности.

Говоря о конструировании американского дискурса идентичности посредством южного «Другого», возможно выделить три долгосрочных тренда восприятия Юга в Соединенных Штатах.

Во-первых, к наиболее устойчивым трендам в юмористическом дискурсе следует отнести бинарную оппозицию «Север – Юг» и соответствующее дихотомичное видение общеамериканских и глобальных процессов. Юг как внутренний «Другой» позволяет ответить на вызовы времени. Во внутренней политике дискурс южной идентичности актуализирует проблемы расизма и толерантности, попрание принципов демократии, дифференциации и неоднородности американского общества и регионализации страны.

Так, в результате президентских выборов в США в 2000 и 2004 гг. в качестве шутки была составлена карта вымышленного государства Соединенных Штатов Канады и Земли Иисуса. В соответствии с распределением голосов, отданных за представителей демократов и республиканцев, объединение США и Канады образовало два региона без разрывов: демократические штаты Северо-Востока и Тихоокеанского побережья (в содружестве с Канадой) и консервативные южные штаты¹⁶. Ориентация на Библейский пояс (как еще называют американский Юг за его патриархальные ценности) стала одной из причин неудачного политического курса республиканской администрации Дж. Буша-мл.

Во внешней политике Юг оказывает влияние на курс США в отношении региональных конфликтов и связанных с ними проблем соотношения национально-гражданской принадлежности и самоопределения регионов. Это приобретает особое значение не только для Соединенных Штатов с учетом вызовов со стороны испаноязычной части населения, но и для всего мира в условиях

многочисленных территориальных споров между региональными общностями и титульными нациями.

Гражданская война как «место памяти»¹⁷ также играет важную роль в подтверждении мессианской цели внешней политики США. Уходящая корнями в колониальный период истории Америки, идея *мессианизма* неразрывно связана с религиозной сферой и актуализируется в условиях борьбы Соединенных Штатов с терроризмом на фоне конфронтации цивилизации Запада и исламского мира и акцентирования религиозных различий. Так, мультипликационный герой, вынужденный переехать на Юг по программе защиты свидетелей, восклицает: «Неважно, откуда вы родом, до тех пор, пока мы все одной религии!»¹⁸ В современном мире для США приоритетным конституирующим оказывается не внутренний «Другой» в лице Юга, а внешний «Чужой» в лице исламских фундаменталистов.

Во-вторых, к одной из основополагающих относится идея отсталости (*backwardness*) Юга. Довоенный период истории США (первая половина XIX в.) ознаменовался конфронтацией Севера и Юга, в итоге приведшей к Гражданской войне. Идеологическая борьба по вопросу о рабстве способствовала формированию двух идентификационных моделей: Север культивировал идею экономической и культурной отсталости Дикси, а Юг закреплял за собой исключительную роль в сохранении наследия отцов-основателей. Поражение Конфедерации привело к кризису южной я-концепции. В условиях послевоенного периода Реконструкции идентичность Юга была трансформирована: ретроспективно и под влиянием возросшего национализма произошла романтизация эпохи, предшествовавшей Гражданской войне, как золотого века южных идеалов.

Север совместил *миф о золотом веке* с идеей отсталости Юга. Сумма этих двух идентификационных мифологем существенно превзошла эффект каждой в отдельности. Север сформировал представление о южном *традиционализме* в его классическом понимании. Золотым веком остался довоенный Юг, а вместе с ним консервировалась и региональная отсталость. Прогресс не тронул Юг со времен Гражданской войны. Южане по-прежнему живут на плантациях, которые ныне не обрабатываются в силу отсутствия рабской силы. Собирательство и охота скорее являются досугом и веселым времяпрепровождением, нежели необходимостью. До сих пор используется гужевой транспорт. В равной степени традиционализм отразился и в идеологической сфере¹⁹.

В-третьих, проигрыш в Гражданской войне, являясь точкой бифуркации, оказал влияние на историческую память южан и

формирование их послевоенной региональной идентичности. Эта идея получила название «*Проигранное Дело*» («*Lost Cause*»)²⁰. Появившаяся после войны и обозначающая идеалы Старого Юга, которые исчезли после поражения конфедератов, идея о «Проигранном Деле» вновь стала актуальна в США, что выразилось в неослабевающем общественном внимании к довоенной истории Юга: общественные дискуссии о Старом Юге, создание обществ памяти Конфедерации, публичные церемонии, посвященные погибшим солдатам армии южан, а также повышенный интерес к изучению источников, так или иначе связанных с историей довоенного Юга.

Одним из наиболее популярных юмористических сюжетов является историческая реконструкция событий Гражданской войны в ходе празднования Дня поминовения. Американцы делятся на южан и северян для воссоздания знаковых сражений войны. Однако изображающие конфедератов (многие из них представлены как до сих пор живые ветераны Гражданской войны) предпринимают попытку пересмотра результатов войны, которые, по их мнению, являются несправедливыми²¹.

Причиной стремления южан исправить историю во многом является низкий уровень образования или вовсе отсутствие такового. Церковь заменяет учебные заведения, которые при условии их наличия в южной глубинке не просвещают, а пропагандируют идеалы довоенного периода: расизм, ксенофобию, патриархальные ценности. Усвоение подобной этики возможно благодаря отсутствию технологий и СМИ²².

Говоря о значении религии в духовной сфере южан, необходимо сделать уточнение. *Фундаментализм*, возникший как ответ на серию модернистских публикаций в США в начале XX в., буквально означает «обожание священных книг» и характеризуется тенденцией истолковывать Библию²³. Исходя из этого фундаментализм отличается неприятием всех форм образования, подрывающих веру в библейский текст. Однако в представлении северян южный фундаментализм с учетом современных реалий все более приобретает форму *интегризма*, т. е. такого устройства общности, в котором решающее влияние оказывает религиозность²⁴. Она пронизывает все сферы жизни общества. В шуточной форме представлены выдуманные законы Юга, добрая половина которых регламентирует и уточняет порядок поведения в церкви или прописывает напрямую связанные с религией обязанности и права²⁵. В отличие от бытового расизма и нетерпимости к любой форме инаковости, имеющих природные корни, интегризм представляет собой теоретическое учение, требующее мощного идеологического обоснования,

которым Юг не располагает. Север попросту экстраполирует идею интегризма на южное общество для обоснования генезиса расизма и других проявлений нетерпимости.

Выделив устойчивые тренды в формировании образа «южанина» в юмористическом дискурсе, следует определить тенденции последних лет.

Прежде всего это языковые различия. Юг США, будучи неоднородным регионом, изобилует различными диалектами. На праксеологическом уровне восприятия происходит противопоставление себя южному «Другому». Комедийный мультсериал «Король горы» повествует о жизни типичной южной семьи из Техаса. В данном сериале высмеиваются такие особенности южного английского, на котором общаются персонажи, как нечленораздельность, фонетическая девиация, использование архаизмов и обценной лексики, нарушение грамматических правил²⁶. Эмфазирование подобных черт значимо, поскольку язык является не только важнейшим средством идентификации с определенной нацией, но и маркером культуры, ее адаптивности и интегративности.

Также особый интерес представляет визуализация дискурса южной идентичности. В основу представлений о телесности южанина закладывается принцип калокагатии, определяющий соответствие между внутренним и внешним человека: доброе всегда прекрасно, злое обязательно некрасиво и даже уродливо. Соответственно своим характеристикам выглядит глупый, ленивый, страдающий от алкоголизма южанин. Палящее солнце плантаций Юга пигментировало кожу и осветлило волосы южан. Однообразный рацион, состоящий из кукурузы, кукурузы и кукурузы, спровоцировал гингивит (воспаление десен), искривление зубов и физическую слабость. Одежда южанина также соответствует его образу жизни. Засаленный комбинезон поверх голого тела, патриотичная бейсболка с флагом Конфедерации, обувь часто и вовсе отсутствует. Говоря о гендерном измерении южной я-концепции, стоит заметить, что южанки часто мужеподобны, а иногда и вовсе андрогинны. Здесь же выступает связанная с телесностью тема сексуальности. Внешне непривлекательные южанки раскрепощены, обладают повышенным сексуальным желанием, в раннем возрасте лишаются невинности. Мужчинам-южанам приписывается склонность к инцесту и зоофилии²⁷. Таким образом в юмористическом дискурсе демифологизируются представления о южных кавалерах и дамах (образы, знакомые по одноименной экранизации романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»).

Говоря о самоидентификационных моделях, выстраиваемых самими южанами, следует выделить две основные тенденции. Первая связана с использованием аналогичных неюжных дискурсивных стратегий и мифологем для конструирования собственной идентичности. При этом высмеивание происходит посредством перечисленных мифов, структурная составляющая которых не затрагивается²⁸. Вторая тенденция, будучи устойчивым трендом южной я-концепции, определяет исключительность Юга²⁹. Таким образом, юмор не является способом критической саморефлексии, поскольку регламентирует особенность, а значит, и мифологизирует образ южанина.

Форма восприятия действительности посредством юмора представляет попытку принятия и понимания «Другого»³⁰. Однако прорыв на эпистемологический уровень, необходимый для деконструкции мифов и стереотипов восприятия, не происходит, поскольку современные СМИ позволяют смеяться именно по той причине, что «до и после смеха мы непременно плачем»³¹. Средства массовой информации определяют вполне конкретные границы и способы существования юмористического. Кроме того, в ответ на вызовы времени актуализируются долгосрочные тренды восприятия южанина как «Другого». В этом смысле особое значение приобретает навязывание южной модели вовне с учетом доминанты Соединенных Штатов в секторе мировой массовой культуры. Интерес представляют не столько способы декодирования мифов, стереотипов и образов Юга, сколько их значение в конструировании собственной я-концепции и представлении о США в целом.

Примечание

¹ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М., 2012. С. 133.

² Rescher M., Parks Z. Possible Individuals, Trans-World Identity, and Quantified Modal Logic // Noûs. 1973. Vol. 7. № 4. P. 256.

³ Обычно выделяют три теории юмора: 1) *теория превосходства*, которая представляет юмор как антисоциальное явление; 2) *теория несоответствия*, в которой юмор выступает как проявление иррационального в человеке; 3) *теория освобождения*, которая рассматривает юмор как своего рода предохранительный клапан, снижающий социальную и психологическую напряженность. См.: Morreall J. Comic Relief: A Comprehensive Philosophy of Humour. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. P. 32–34.

- ⁴ *Eco U.* The Comic and the Rule // Faith in Fakes. L., 1986. P. 276–278.
- ⁵ *Keenan E.L.* Two Kinds of Presupposition in Natural Language // Studies in Linguistic Semantics / Ed. by C.J. Fillmore, D.T. Langendoen. N. Y., 1971. P. 132.
- ⁶ The Simpsons. The Complete Series / I. Maxtone-Graham, C. Clements etc. Original network: FOX. Original run: December 17, 1989 – Present.
- ⁷ King of the Hill. The Complete Series / M. Judge, G. Daniels etc. Original network: FOX. Original run: January 12, 1997 – May 6, 2010.
- ⁸ South Park. The Complete Series / T. Parker etc. Original network: Comedy Central. Original run: August 13, 1997 – Present.
- ⁹ Family Guy. The Complete Series / D. Povenmire, S. Callaghan etc. Original network: FOX. Original run: January 31, 1999 – Present.
- ¹⁰ *Михалкович В.* История и принцип серийности // Многосерийный телефильм: истоки, практика, перспективы. М., 1976. С. 37–54.
- ¹¹ *Сухарев Ю.А.* Глобализация и культура. М., 1999. С. 44–45.
- ¹² *Allen R.C.* Why study television at all?, Making television “strange” // Channels of Discourse, Reassembled. 2nd ed. L., 1992. P. 1–4; *Холландер П.* Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000. С. 460–461, 520.
- ¹³ *Hills M.* Fan cultures. L.; N. Y., 2002. P. 112–113.
- ¹⁴ Критический дискурс-анализ // Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. С. 99–152.
- ¹⁵ *Ferrence M.* You Are and You Ain’t: Story and Literature as Redneck Resistance // Journal of Appalachian Studies. 2012. Vol. 18. Spring–Fall. P. 113–130.
- ¹⁶ *Hitt J.* Neo-Secessionism // The New York Times. 2004. Dec. 12.
- ¹⁷ Место памяти – крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. См.: *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- ¹⁸ Family Guy. To Love And Die in Dixie. Season 3, Episode 12 [Электронный ресурс] // FOX-fun.Ru. URL: <http://familyguy.fox-fan.ru/series.php?id=312&voice=8> (дата обращения: 12.09.2014).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ The Myth of the Lost Cause and Civil War History / Ed. by G. Gallagher, A. Nolan. Bloomington, 2004.
- ²¹ South Park. The Red Badge of Gayness. Season 3, Episode 14 [Электронный ресурс] // Comedy Central. South Park Studios. URL: <http://southpark.cc.com/full-episodes/s03e14-the-red-badge-of-gayness> (дата обращения: 12.09.2014).
- ²² The Simpsons. Dude, Where’s My Ranch? Season 14, Episode 18 [Электронный ресурс] // SEASONVAR.RU. URL: <http://seasonvar.ru/serial-1095-Simpsoni-14-season.html> (дата обращения: 12.09.2014).
- ²³ The Fundamentals. A Testimony to the Truth, 1910–1912. Vol. I–IV / Ed. by R.A. Torrey. Grand Rapids, MI, 2000.
- ²⁴ *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. N. Y., 1992. P. 2.

- ²⁵ Dumb South Carolina Laws [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ahajokes.com/laws040.html> (дата обращения: 12.09.2014).
- ²⁶ King of the Hill. The Complete Series / M. Judge, G. Daniels etc. Original network: FOX. Original run: January 12, 1997 – May 6, 2010.
- ²⁷ Family Guy. To Love And Die in Dixie.
- ²⁸ *Engvall B.* Just a Guy: Notes from a Blue Collar Life. N. Y., 2007. 256 p.
- ²⁹ *Foxworthy J.* Redneck Dictionary. Vol. I–III. N. Y., 2008.
- ³⁰ *Todorov T.* The Conquest of America: The Question of the Other. N. Y., 1984. P. 185–186.
- ³¹ *Eco U.* Op. cit. P. 275.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ КНР В КОНЦЕ XX в.

Статья посвящена анализу внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 70–80-х гг. XX в. Особое внимание уделяется сравнению политических взглядов самых высокопоставленных членов Коммунистической партии Китая в обозначенный период.

Ключевые слова: КНР, КПК, внешняя политика, концепция, СССР.

В период правления Мао Цзэдуна во внешней политике КНР господствовал принцип «трех миров», предложенный им самим. Согласно этой теории, СССР и США являлись «первым миром»¹. Во «второй мир» входили Япония, Канада и страны Западной Европы. К «третьему миру» относились страны Азии (включая сам Китай), Латинской Америки и Африки.

После смерти Мао Цзэдуна осенью 1976 г. наступил короткий период внутрипартийной борьбы за руководящую роль в партии и стране. В данной работе мы не будем подробно описывать те события, которые предшествовали решениям 3-го Пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) в декабре 1978 г.

В течение нескольких месяцев после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин становится фактическим лидером Китая. Его взгляды оказали существенное воздействие на формирование внешней политики КНР. Решения 3-го Пленума ЦК КПК были направлены на преодоление последствий «культурной революции» Мао, и одной из важных областей, в которых требовались кардинальные изменения, являлось раскрепощение сознания китайцев. Из этого вытекала новая политика отношений с внешним миром – политика «дуйвай кайфан» («открытие внешнему миру»), которая должна была помочь преодолеть колоссальное отставание Китая в экономическом плане.

Необходимо более подробно рассмотреть концепцию внешней политики Китая, которая была изложена на XII Всекитайском съезде КПК, а также в других выступлениях Дэн Сяопина того времени.

Сначала мы обратимся к беседе Дэн Сяопина с генеральным секретарем ООН Х. де Куэльяром 21 августа 1982 г.² Эта встреча произошла незадолго до XII Съезда КПК, который состоялся в сентябре того же года. Тезисы, высказанные Дэн Сяопином в этой беседе, являются неким «плацдармом» для его дальнейшей внешнеполитической программы.

В тот период стране необходимо было обозначить свое место в мире. Поэтому основой выступления Дэн Сяопина было то, что КНР как постоянный член Совета Безопасности ООН понимает свою ответственность, неизбежно отстаивает собственные принципы и всегда держит слово: «Мы не занимаемся политической игрой, не играем словами»³.

Далее была изложена концепция взаимоотношений КНР с современным миром, основные пункты которой можно сформулировать следующим образом:

- борьба против гегемонизма;
- сохранение мира во всем мире;
- укрепление единства и сотрудничества с третьим миром.

Говоря о мироустройстве, Дэн Сяопин всегда делал акцент на близости Китая к странам третьего мира: «Почему я специально подчеркиваю третий мир? Потому что борьба против гегемонизма и сохранение мира во всем мире имеют для него особое значение»⁴.

Исходя из этих высказываний очевидно, что Дэн Сяопин заимствовал у Мао Цзэдуна принцип «трех миров» (деления стран по их положению в мире), но на этой основе создал концепцию, которая, с его точки зрения, была необходима Китаю начала 1980-х гг.

Стоит пояснить, почему внешнеполитический курс сформулирован таким образом и в такой последовательности. Китай активно выступал против гегемонизма, потому что, по соображениям руководства КНР, страны-гегемоны проводили чрезмерно активную и агрессивную политику, вели соревнование с другими гегемонами и боролись за место лидера. Таким образом сверхдержавы боролись и за наименее развитые регионы. В результате вспыхивали мелкие войны на территории стран третьего мира, они усугубляли и без того многочисленные проблемы народов этих стран, что приводило к замедлению развития в целых регионах. Дэн Сяопин утверждал, что это же происходило в Китае на протяжении второй половины XIX – первой половины XX в. Именно поэтому КНР борется с любыми проявлениями гегемонизма⁵.

Лидеры Китая выступали за сохранение мира во всем мире, потому что именно такое гармоничное состояние могло позволить даже самым отсталым в экономическом плане регионам получить собственное развитие⁶. А Китаю были необходимы как минимум 20 лет спокойной жизни для реализации политических планов: осуществления начальной цели модернизации – подняться до среднезажиточного уровня жизни.

Сотрудничество со странами третьего мира – последний, но не менее важный пункт внешнеполитической программы Дэн Сяопина. Китай хочет развиваться в согласии с этими странами, так как, объединив усилия, они смогут добиться большего.

Конечно, можно заметить, что данная программа внешней политики не содержит в себе конкретных планов. Но она отражает суть политики Дэн Сяопина того времени: обеспечить мир вокруг страны и в мире в целом и начать путь восстановления государства.

Внешнеполитическая программа КНР первой половины 1980-х гг. была окончательно определена и сформулирована Дэн Сяопином на XII съезде ЦК КПК. Мы проанализируем его вступительную речь. Он начинает свое выступление со следующих слов: «Обозревая историю нашей партии, следует отметить, что нынешний съезд является важным форумом со времени VII съезда партии»⁷. На VII съезде была определена новая линия партии, было решено крепить и множить силы народа, под руководством партии разгромить японских захватчиков, освободить весь народ, построить новый демократический Китай. Для Дэн Сяопина 1982 год представлялся переломным моментом, аналогичным времени образования КНР. Получается, что речь идет о создании нового Китая: элементов нового будет много, а перемены будут коренными.

Далее Дэн Сяопин говорит о том, что со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва партия восстановила правильные экономические, политические, культурные и другие установки. А на основе изучения новой ситуации и нового опыта она выработала целый ряд новых верных установок. Из этого следует, что, несмотря на уже принятые изменения в политике и других сферах после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, Китай ждали дальнейшие трансформации. Тем самым партия выставляет себя как активного новатора, который постоянно анализирует текущую социально-экономическую ситуацию и вносит в нее изменения.

Дэн Сяопин продолжает: «При осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая»⁸. При планировании развития государства он считал обязательным учитывать состояние экономики и общества КНР, а также междуна-

родную ситуацию и идти собственным путем, строить социализм с китайской спецификой: «В процессе строительства нужно изучать опыт других стран, а теоретические парадигмы марксизма сочетать с конкретной реальностью страны»⁹.

Далее Дэн Сяопин начинает говорить конкретно о внешней политике. По его словам, дела Китая должны вестись в соответствии с реальной обстановкой, при этом силами самого китайского народа¹⁰. Исходной позицией были и будут независимость, самостоятельность и опора на собственные силы. Китай высоко ценит дружбу и сотрудничество с другими государствами и народами, но вдвойне дорожит своим правом независимости и самостоятельности. Власти Китая в то время ставили задачу активного расширения внешних сношений, умножения связей с другими государствами на основе равенства и взаимной выгоды, при этом твердо выступая против идеологического влияния со стороны других стран.

Основываясь на вступительной речи Дэн Сяопина на XII съезде КПК, можно сказать, что 80-е годы XX в. представляли важнейший период в историческом развитии страны. Перед китайским народом были поставлены три основные задачи:

- ускорение темпов социалистической модернизации;
- «воссоединение Родины»;
- «борьба против гегемонизма», за сохранение мира во всем мире (остальные задачи внешней политики также включаются в этот тезис, так как они имеют неразрывную и логическую связь).

В основе всех трех задач лежит экономическое строительство, которое дает ключ к решению внутренних и внешних проблем Китая. В этом и заключалась политика Дэн Сяопина.

Второй задачей в речи Дэн Сяопина названо «воссоединение Родины». Вопрос о воссоединении Тайваня, Сянгана и Ломэня с материковым Китаем представляет большой интерес. Эти проблемы были и остаются во внешней и внутренней политике КНР. Чтобы понять суть политики КНР того времени по этим вопросам, необходимо проанализировать, что же именно подразумевал Дэн Сяопин, называя «воссоединение Родины» второй по важности задачей.

Говоря о форме воссоединения, он употребляет выражение «мирное объединение»¹¹, которое означает, что обе стороны, т. е. материковый Китай и Тайвань, предпримут усилия для разрешения этого вопроса. По мнению Дэн Сяопина, речь не идет о поглощении или насильственном присоединении. При этом он говорит, что КНР «не одобряет формулировку “полной автономии Тайваня”»¹². «Полная» автономия означает неограниченный суверени-

тет, что логически обосновывает существование не одного, а «двух Китаев». Это совершенно неприемлемо для Дэн Сяопина, убежденного в том, что строй может быть и разным, но представлять Китай вправе только Китайская Народная Республика.

Об официальной позиции КНР по проблеме Тайваня было заявлено в сентябре 1981 г. Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Е Цзяньин выдвинул девять пунктов политики и курса по «воссоединению Родины», которые были представлены властям Тайваня. Эти пункты сводятся к следующему:

1) для того чтобы как можно скорее положить конец печальному состоянию раскола китайской нации, предлагается провести переговоры между КПК и Гоминьданом (консервативная политическая партия Китайской Республики) на паритетных началах, начать третий по счету этап сотрудничества и сообща завершить «великое дело объединения Родины». До переговоров допускаются контакты и обстоятельный обмен мнениями между представителями обеих сторон;

2) народы страны по обеим сторонам Тайваньского пролива страстно желают общения друг с другом, встреч со своими родными, развития торговли и углубления понимания. Поэтому предлагается, чтобы стороны совместно способствовали установлению почтово-телеграфных и торговых связей, открытию водного и воздушного сообщения, посещению родных и совершению туристических поездок, а также развитию научного, культурного, спортивного обмена и достигли соответствующих соглашений;

3) после объединения страны Тайваню позволяется сохранить за собой право на высокую степень самоуправления как особого административного района, а также оставить себе вооруженные силы. Центральное правительство не будет вмешиваться в местные дела Тайваня;

4) существующий на Тайване общественно-экономический строй, образ жизни населения, а также экономические и культурные связи Тайваня с зарубежными странами остаются без изменения. Признаются неприкосновенными право собственности на личное имущество, дома, землю и предприятия, право наследования в соответствии с законом, а также иностранные инвестиции;

5) представители тайваньских властей и общественности могут занимать руководящие посты во всекитайских политических органах и принимать участие в управлении государством;

6) в случае возникновения местных финансовых затруднений тайваньские власти могут рассчитывать на помощь правительства сообразно с обстоятельствами;

7) лицам, проживающим на Тайване и желающим приехать в континентальные районы Китая на постоянное жительство, гарантируется, что они будут надлежащим образом устроены, не станут подвергаться дискриминации и получат свободу проезда на материк и обратно;

8) приветствуются инвестиции тайваньских промышленников и торговцев в экономику континентальной части Родины, их законные права и возможность получения прибыли гарантируются;

9) воссоединение Родины – долг каждого китайца. Поэтому заслуживает искреннего приветствия инициатива людей всех национальностей, деятелей всех кругов и общественных организаций Тайваня, выступающих через различные каналы и в различных формах с предложениями и советами по общегосударственным делам.

Данная политическая программа была определенным прологом к переговорам между США и КНР о судьбе Тайваня, она жестко определила позиции китайской стороны. Итогом стало «рамочное коммюнике», до сих пор являющееся краеугольным камнем в тайваньской политике Соединенных Штатов¹³.

Анализируя процесс формирования внешней политики КНР в 80-х гг. XX в., мы также должны рассмотреть позиции других высокопоставленных лиц государства. Дэн Сяопин был не единственным человеком, определявшим внешнеполитический курс КНР. После смерти Мао Цзэдуна к управлению страной пришли и другие люди, такие как Чэнь Юнь и Ху Яобан. Особый интерес для нас представляет последний. Ху Яобан после ухода Мао и его наследника Хуа Гофэна стал председателем ЦК КПК, а затем генеральным секретарем ЦК КПК. Его взгляды отличались от программ, изложенных Дэн Сяопином и его сторонниками. Поэтому при анализе XII съезда КПК мы будем сопоставлять позиции Дэн Сяопина и Ху Яобана по внешнеполитическим вопросам.

Теперь обратимся к позиции Ху Яобана относительно внешней политики Китая. Прежде всего стоит отметить, что Ху Яобан отказывался от идеологизированной внешней политики и стремился осуществлять курс реформ и открытости КНР внешнему миру. Целями внешнеполитической деятельности для него были национальные интересы и потребности государства. В фокусе его внимания находилось укрепление отношений с развитыми капиталистическими странами и с СССР, при этом он подчеркивал значение полной самостоятельности Китая как основного принципа внешней политики страны.

На XII съезде КПК в 1982 г. Ху Яобан выступил с отчетным докладом ЦК КПК. Он заявил, что КНР никогда не будет опи-

ратся ни на какую державу или на блок сверхдержав, не подчинится давлению какого-либо государства¹⁴. Далее Ху Яобан говорил о необходимости развития отношений с такими крупнейшими державами, как США и СССР. Однако принципы развития этих отношений в политике Ху Яобана отличались от принципов Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Ху Яобан подчеркивал, что КНР необходимо уделять одинаковое внимание развитию отношений с СССР и США. Еще одним отличием было то, что Ху Яобан, говоря об отношениях с США и СССР, учитывал отношения с Японией и со странами Западной Европы, которые он также рассматривал в качестве приоритетных во внешней политике Китая. Если разбирать его позицию в данном вопросе более подробно, то можно сказать, что Ху Яобан считал неправильным ухудшать отношения с СССР и снижать до уровня второстепенных связей отношения с Японией и государствами Западной Европы ради активного развития отношений с США.

Внешняя политика Ху Яобана отличалась от внешней политики Дэн Сяопина, который желал отстраниться от СССР и продолжать сближение с Соединенными Штатами Америки¹⁵. Ху Яобан более рационально и взвешенно подходил к разрешению различных вопросов. Практическое воплощение политика Ху Яобана получила только в период 1981–1987 гг. После 1987 г. и вплоть до своей смерти в 1997 г. Дэн Сяопин был руководителем внешней политики Китая, произведя перестройку ее стратегии на основе своих взглядов и принципов.

В 1985–1986 гг. китайские руководители пришли к выводу о том, что тезис о неизбежности мировой войны является «преувеличенным» и «устаревшим». «В прошлом мы говорили, что мировая война является неизбежной. Сейчас мы изменили эту точку зрения. Судя по тенденциям развития международной обстановки, мира действительно можно добиться. Конечно, для того, чтобы выиграть мир, необходимо проделать целый ряд работ», – говорил Дэн Сяопин¹⁶. «Мы глубоко убеждены в том, что совместными усилиями всех народов и всех миролюбивых сил мир во всем мире можно будет сохранить. Мы – оптимисты. Пусть путь извилист, но перспективы у мира многообещающие», – заявил в докладе на 4-й сессии ВСНП 6-го созыва Чжао Цзыян¹⁷. Он же отмечал, что «продолжительная напряженность и конфронтация в советско-китайских отношениях не отвечают интересам народов двух стран и интересам мира и безопасности во всем мире. Мы за нормализацию отношений с Советским Союзом на основе пяти принципов мирного сосуществования»¹⁸. Эти заявления представляют собой

отход от внешнеполитических установок периода «культурной революции».

В данной статье мы проследили путь развития внешней политики КНР в 80-х гг. XX в., когда происходил отход от концепции Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин был не единственным человеком во власти, который определял внешнюю политику государства. В тот период в Китае существовали и другие яркие лидеры, такие как Ху Яобан, который открыто выражал свои взгляды.

Примечания

- ¹ Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК. М.: АН СССР; Институт Дальнего Востока, 1988. С. 83.
- ² Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: речи и беседы, сентябрь 1982 – июнь 1987 г.: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. С. 83.
- ³ Там же. С. 190.
- ⁴ Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: Статьи и выступления. М.: Палая, 1997. С. 185.
- ⁵ Xiong Zhiyong. Bainian zhongmei guanxi. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2006. P. 270.
- ⁶ Yang Chuang. Bainian zhong'e guanxi. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2006. P. 309.
- ⁷ Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой... С. 188.
- ⁸ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая... С. 87.
- ⁹ Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой... С. 197.
- ¹⁰ Там же. С. 201.
- ¹¹ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 41.
- ¹² Там же. С. 43.
- ¹³ Натан Э. Какой Америка видится Китаю [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Kakoi-Amerika-viditsya-Kitayu-15801> (дата обращения: 10.10.2014).
- ¹⁴ Галенович Ю.М. Дао Ху-гуна. Книга II: Подвиг Ху Яобана. М.: Русская панорама, 2008. С. 380.
- ¹⁵ Там же. С. 351.
- ¹⁶ Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК... С. 288.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 289.

Abstracts

I. Antonova

COMMUNICATION AND LANGUAGE IN THE TRANSNATIONAL POLITICAL SPACE OF THE EUROPEAN UNION

The article generalizes foreign experts' views on the issue of interrelation between language and politics within the transnational political space of the EU.

The paper begins with a discussion of prominent but dissimilar viewpoints on the role of language in shaping the European political public sphere.

The paper then turns to the conclusion that EU language policy is aimed at putting English into a dominant position as compared to other European languages. This, the author argues, fails to promote political cohesion to develop common communicative systems within the EU.

Key words: European Union, communication, transnational political space/sphere, language policy, lingua franca.

N. Danilin

INTERACTION OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION IN THE SPHERE OF GAS AND ENERGY SECURITY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to studying a number of issues connected with defining common approach to energy security for Europe. It analyzes the most important dimensions of "energy security". Political measures which have been undertaken by Russia and the EU are being analysed in order to reveal their influence on further cooperation between the parties.

Key words: energy security, energy policy, gas energy economy, global gas energy market, Russia – the EU cooperation.

K. Eltsova

DISCOURSES ON ELITES IN TODAY'S RUSSIA
(ANALYSIS OF NEW MEDIA PUBLICATIONS)

The article analyzes a number of titles suggested to the target audience of such Internet editions as Afisha.ru, Bg.ru, Lookatme, Openspace (2008–2012), W-O-S, Colta, Esquire, Snob. They all (re)produce one of the most influential elite discourses in today's Russia. The author has enriched her research by 2008–2014 publications. Within the field of the mentioned media-segment there has been revealed such notions as 'creative class', 'postintelligetzia', 'educated class', etc and the corresponding models of solidarisation each notion implies. The article considers how this variety of notions co-exist, correspond, and compete with each other in the discourse being researched.

Key words: intelligetzia, creative class, educated class, media representations, discourse on elites, discourse analysis, social group identity, identification strategies.

K. Evtushin

FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE PEOPLES
REPUBLIC OF CHINA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

The main goal of the article is the analysis of People's Republic of China foreign policy program in the 1970–1980s. Author focuses his attention on the comparison of the political views of the most high-ranking members of the Communist Party of China during that period of time.

Key words: People's Republic of China, Communist Party of China, foreign affairs, USSR.

S. Karner

ABOUT KATYN, RAUL WALLENBERG AND OTHER
DISCUSSIONAL ISSUES IN RUSSIAN HISTORY

The attempt to analyze from the Soviet special services' point of view some Soviet history of the 20th century problems including the debatable and closed for the investigation ones is undertaken in the ar-

ticle. Much attention is devoted to the political repressions history and to their victims' rehabilitation, Austrian patrials as well. One of the actual questions is let into the 20th century's Afghanistan history.

Key words: the Archive of the Security Service of the Russian Federation, archival documents, the declassification, repressions, the rehabilitation, R. Wallenberg, Katyn, Austria, Afghanistan.

S. Klyagin

ON HUMAN'S MEDIALITY IN POLITICAL SPACE DYNAMICS

The idea of "human's mediality", essential for establishing political space, is argued at the contexts of mediology concept (R. Debre), theories of mediatization and non-media-centric media studies. A human phenomenon as a continuing process of social reality occurrence through its Being is disclosed as 'broad band' media area where political socialization and personal vibrant political sense making is being explored. Thus, it is shown communicative nature of human's potentials that are of growing importance for renewing political agencies of social and political space.

Key words: media, communication, mediality, human, political space, policies.

O. Mitrofanenkova

AFGHAN DRUG BUSINESS WITHIN THE CONTEXT OF NATO'S POLICY (2001–2014)

The article is devoted to the problems of drug business in Afghanistan in the context of the NATO combat operations there. At the start of the combat operations USA achieved their goals in elimination of Taliban regime and drug trade. But further U.S. policies and activities in Afghanistan didn't succeed. In a context of certain factors USA started loosing their influence in the region. The author emphasizes such factors as escalation of the Afghan crisis, disillusionment with the US policy and a rise of drugs' production. The article ponders on current situation in Afghanistan and events tied with the withdrawal of NATO forces in 2014.

Key words: September 11 attacks, Afghan drug business, NATO combat operations in Afghanistan.

O. Pavlenko

CONSTRUCTIVIST APPROACH TO THE INTERNATIONAL RELATIONS STUDY: POSSIBILITIES AND LIMITS

In International Relations Scholarship constructivism was recognized in the 1980s years as one of the methodological approach with certain research tradition and intellectual perspectives. Moving in the studies of the interactions between the images of “Others” and collective identity’s model “I/Me”, constructivism was used as a form of explanation of the various “dialogues” within and across groups of the international actors in the western historiography. For the academic communities we look the opportunities not only for the research the current international processes, but their understanding and reconstructing, using the different forms of combined social/cultural analyses. But the constructivism, creating the new lines and “theoretical language”, has the limits in the international studies. Another words, it’s object – “the culture of the international communities” with the combinative capabilities and their own world of the values and historic individuality, the world of the collective reflections.

Key words: constructivism, structuralism, international relations, collective identity, foreign policy.

O. Pichugina

NEW URBANISM IN MODERN POLITICAL COMMUNICATIONS

World megapolices (each of which represents a kind of a communicative system) have become the center and the main source of informational, social, and political transformations. Thus, research of modern cities makes it possible to predict the development of actual tendencies in various social and humanitarian spheres, including information and political ones. The author finds it necessary to consider the ideas of new urbanism in Russia and their potentials for political communications.

Key words: new urbanism, urban communications, political communications, new media, media ecology.

A. Polyakova

THE US PUBLIC DIPLOMACY IN ISRAEL DURING
THE PRESIDENCY OF BARACK OBAMA

The article is devoted to the analysis of theoretical and practical aspects of the US public diplomacy in 2009–2014 as the policy of “soft power” toward Israel and in the context of the US-Israel relations. The author examines the US educational and informational programs implemented in Israel as an instrument of public diplomacy and focuses on the shortcomings of the Washington administration’ actions with respect to the implementation of the “smart power” concept.

Key words: the US-Israel relations, soft power, smart power, public diplomacy, digital diplomacy.

G. Prokopenkov

THE IMAGE OF SOUTHERNER IN THE MODERN
AMERICAN HUMOROUS DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of the image of Southerner, presented in American humorous discourse at the turn of the 20th century. The interdisciplinary scholarly approach allows us to explore the construction of national identity through an image of the Other with regard to the foreign and domestic policy of the USA.

Key words: identity, South, USA, humor, Southerner, discourse.

M. Sirotinskaya

NATIONAL MOVEMENTS IN THE MIDDLE
OF THE 19TH CENTURY AS PERCEIVED
BY “YOUNG AMERICA”

Author examines ideas of national movements in the Old World in the mind of the followers of “Young America”. The mentioned group was associated with the faction of the Democratic Party – with Senators (S.A. Douglas, J. Shields, I. Walker, P. Soule), politicians, and with the “Democratic Review” of 1852 (its chief editor was G.N. Sanders, among its authors were the Irish revolutionary Th. Devin Reilly, Secretary to L. Kossuth Ch.F. Henningsen). Many “Young Democrats” sup-

ported national liberation struggles of Hungarian, Polish, Italian, Irish peoples, with some of them endorsing US military intervention in affairs of other countries to assist “oppressed nationalities” and defending the so-called doctrine of “intervention for non-intervention”.

Key words: “Young America”, “Democratic Review”, European national movements of 1848–1849, Ch.F. Henningsen, Th. Devin Reilly, doctrine of “intervention for non-intervention”.

I. Timermanis, L. Evseeva, O. Shipunova
COMMUNICATIVE SPACE FOR POLITICAL SYSTEM
LEGITIMATION IN NETWORK SOCIETY

The article analyses information and communication resources required to maintain stability of political system in the context of deliberative democracy. The increasing importance of communication network in the processes of political system legitimation is noted, which is caused by activation of informal plebiscitary mechanisms emerging on the basis of new relations networks. Informational pressure of media structures, ambiguity of the political discourse in emotional attitudes, evaluations and meanings translation – all these factors result into uncontrolled spontaneous character of political system legitimation process, due to underlying dynamics of mentality. The author highlights the relevance of social order bases’ reflection in its historical and interactive aspects from the point of sociocognitive approach.

Key words: political system, information and communication network, public sphere, social control, deliberative democracy.

Сведения об авторах

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ, heidel@rambler.ru

Данилин Никита Аркадьевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, nikita.danilin@inbox.ru

Евсеева Лидия Ивановна – кандидат философских наук, доцент Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбПУ), l.evseeva@mail.ru

Евтюшин Кирилл Александрович – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, kevtuushin@mail.ru

Ельцова Ксения Константиновна – аспирант Отделения социокультурных исследований РГГУ, преподаватель Международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» РГГУ, ksenia.eltsova@gmail.com

Карнер Стефан – директор Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (г. Грац, Австрия), сопредседатель австрийско-российской комиссии историков, профессор, stefan.karner@uni-graz.at

Клягин Сергей Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ, sklyagin@gmail.com

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – аспирант Института востоковедения РАН, pretty-princessa@yandex.ru

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, olgapavlenko@mail.ru

Пичугина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ, o-pichugina@yandex.ru

Полякова Анна Александровна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, специальный корреспондент газеты «Красная звезда», polyannalex@mail.ru, anna777gold@gmail.com

Прокопенков Георгий Юрьевич – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, gprokopenkov@yandex.ru

Сиротинская Мария Моисеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, masha_sirobinskaia@mail.ru

Тимерманис Игорь Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, директор Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбПУ), 57prof@gmail.com

Шипунова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбПУ), o_shipunova@mail.ru

General data about the authors

Antonova Irina B. – Ph.D. in Methods of Teaching, associate professor, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Danilin Nikita A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, nikita.danilin@inbox.ru

Eltsova Ksenia K. – postgraduate student, Division of Cultural Studies, lecturer, Graduate School of European Cultures, Russian State University for the Humanities, ksenia.eltsova@gmail.com

Evseeva Lidiya I. – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Humanitarian Education Institute, St. Petersburg State Polytechnical University, l.evseeva@mail.ru

Evyushin Kirill A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kevyushin@mail.ru

Karner Stephen – director, Boltzmann Institute for the Effects of War Study (Graz, Austria), co-chair, Austro-Russian Commission of the Historians, professor, stefan.karner@uni-graz.at

Klyagin Sergey V. – Dr. in Philosophy, professor, head, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Sciences and Law, Russian State University for the Humanities, sklyagin@gmail.com

Mitrofanenkova Olga E. – postgraduate student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, pretty-princessa@yandex.ru

Pavlenko Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Area Studies and Foreign Policy, director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and

Archives, Russian State University for the Humanities, olgapavlenko@mail.ru

Pichugina Olga A. – Ph.D. in Philology, lecturer, Department of Social Communications and Technologies, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, o-pichugina@yandex.ru

Polyakova Anna A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities; special correspondent, newspaper “Red Star”, polyannalex@mail.ru, anna777gold@gmail.com

Prokopenkov Georgy Yu. – postgraduate student, Department of General History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gprokopenkov@yandex.ru

Shipunova Olga D. – Dr. in Philosophy, professor, Humanitarian Education Institute, St. Petersburg State Polytechnical University, o_shipunova@mail.ru

Sirovinskaya Maria M. – Ph.D. in History, senior researcher, Centre for North American Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, masha_sirovinskaia@mail.ru

Timermanis Igor E. – Dr. in Sociology, professor, director, Humanitarian Education Institute, St. Petersburg State Polytechnical University, 57prof@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Н.К. Егорова*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 44

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru